

Р. 4-4.
/ос 1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ



ПРОБУЖДЕНИЕ

ОРГАН СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

СОДЕРЖАНИЕ № 23—27

Эррико Малатеста	ПЕРЕДОВАЯ
К 5-ти летию казни Сакко и Ванцетти	ПЕРЕДОВАЯ
„Отец Пейнар“ — Э. Пуэж	М. НЕТТЛАУ
За что и как убили Л. Черного	А. ГОРЕЛИК
Равашоль	КНИЖНИК
Перчатка Равашоля (Стихи)	А. КОНСЕ
В анархическом обществе не должно быть зарплат	Ж. ГРАВ
Как началось революционное движение во Франции	Ж. ГРАВ
Человечки (Стихи)	К. БАЛЬМОНТ
Поездка в Испанию	Н.
Чикагский Прогрессивный Клуб и П. Аршинов	Н. МАХНО
Наши разногласия	С. С. Г. ИСТ ВИНДЗОР
„От платформы“ до тесного контакта	М. НЕТТЛАУ
Новый этап одного анархиста	Л. ЛИПОТКИН
Анархисты в русской революции	Ф. ДРУГОВ
Письмо к испанским анархистам	Н. МАХНО
К вопросу об организации научной секции	Н. ИВАНОВИЧ
На смерть Э. Малатесты	А. ЧЕРНЯКОВ
Отчет Федерации	



Рос 4-4
1-105

ПРОБУЖДЕНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
13 ОТДЕЛ
им. В. И. ЛЕНИНА

ОРГАН ФЕДЕРАЦИИ ГРУПП «ПРОБУЖДЕНИЕ»
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ И КАНАДЫ

PROBUZHDENIE

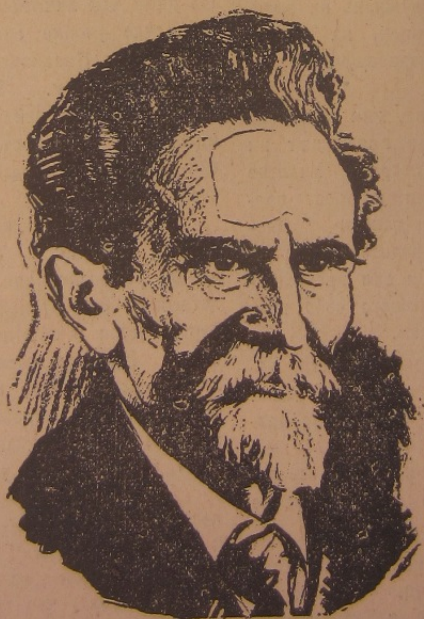
9219 RUSSELL STREET

DETROIT, MICH.

№ 23—27.

И. НЬ — ОКТЯБРЬ 1932 Г.

ЭРРИКО МАЛАТЕСТА



Беспощадная смерть сразила, наконец, неутомимого вечного бунтаря Эррико Малатеста, скончавшегося в Риме 25-го июля на 79-ом году жизни. Ушел из жизни

человек, который в течение более 60-ти лет оставался на революционном посту, в передовых рядах борющегося за социальное раскрепощение рабочего класса.

Э. Малатеста принадлежал и типу людей, которые не только глубоко сознают и чувствуют ложь и неправду капиталистической цивилизации, но и неспособны ни на компромиссы, ни на примирение с нею.

Молодым 19-ти летним студентом-медиком Малатеста пришел к убеждению, что в человеческом обществе не должно быть ни бедняков, ни богатых, ни господствующих, ни поработанных, ни эксплуататоров, ни эксплуатируемых, ни властвующих, ни подчиненных, ни правителей, ни управляемых.

Отсюда — его непримиримость и вечный бунт против капиталистического строя, порождающего разделение людей на классы, патрициев и плебеев, господ и париев, утверждающего социальное неравенство и политическое угнетение.

Величие души Малатесты проявляется еще на студенческой скамье, когда он решает посвятить всю свою жизнь на жертвенное служение угнетенным, на борьбу за полное освобождение поработанного человечества.

Его, как и Кропоткина, как и многих других революционеров, не прельщают ни богатства, ни научная карьера. Участие в революционном движении и арест прерывают его учение в университете. Доставшееся ему от богатых родителей наследство он раздает беднякам и сам превращается в труженика, добывающего себе пропитание собственным трудом.

Э. Малатеста принадлежит к числу величайших бунтарей нашего времени. Один из итальянских товарищей совершенно правильно замечает, что со времени 1871 года на земном шаре не было ни одного восстания, которое обходилось-бы без прямого или косвенного участия Малатесты.

В Италии, в Испании, Венгрии, Германии, Швейцарии, Франции, Южной и Северной Америке, в Египте, в Турции, словом — почти во всех частях света и во всех странах — при первом дуновении революционного ветра неизменно появляется Э. Малатеста, становившийся душой разгоравшейся борьбы, бросающийся в самую

гущу ее, рисковавший своей жизнью, свободой и головой.

Не страшили его никакие преследования, ни тюрьма, ни боевые схватки, ни смерть. Он, точно сказочный герой, ускользал из рук тюремщиков и палачей, преодолевал всякие препятствия и бесстрашно опять бросался на борьбу.

Бунтарская репутация Э. Малатесты была настолько велика и общеизвестна, что немногие правительства решались впустить его в страну, и ему в большинстве случаев приходилось прибегать к различным хитростям и обманам, чтобы достигнуть своей цели. Необычайная находчивость Малатесты, смелость и готовность к риску неоднократно преодолевали казавшиеся непреодолимыми препятствия.

**

Превыше всего Э. Малатеста ценил революционное действие. В этом его, больше даже чем личное общение с Бакуниным, утвердило учение итальянского революционера Карло Писакане, — теоретика пропаганды действием. По этому учению, не идея порождает действие, а последнее — идею. И Малатеста всеми своими поступками как бы подтверждает правильность этой теории.

Малатеста, прежде всего, — революционер, практик. Теоретические рассуждения, революционная словесность не удовлетворяют его буйной натуры. Он ищет бурь, рвется в обятия революционной стихии. Насилие господствующего капиталистического класса может быть преодолено только объединенными усилиями поработанного рабочего класса, народным восстанием и социальной революцией.

Эта излюбленная и основная мысль проводится во всех писаниях Э. Малатесты. В статье „Два пути“ он развивает идею революции следующим образом:

„Признавая, что все реформы сохраняют разделение людей на собственников и пролетариев и, следовательно, сохраняют право одних жить за счет труда других, и что они не дают других результатов, если получены и приняты как благотворительные уступки государства и хозяев, кроме ути-

шения возмущения угнетенных против угнетателей и создания крепостнического государства, в котором человечество является определенно подразделенным на классы властвующие и классы угнетенные, нам не остается другого выхода из положения, как революция: революция радикальная, которая снесет весь государственный организм, которая экспроприирует всех обладателей социальных богатств и которая поставит всех людей в одинаковое положение экономического и политического равенства“.

Но „к революции необходимо приготовиться, как можно лучше морально и материально, и необходимо, главным образом, использовать все стихийные народные движения, стараться обобщать их и превращать в движения определившиеся, чтобы избежать таким образом опасности, что пока партии готовятся, народная сила иссякает в отдельных актах“.

**

Еще яснее и определеннее подготовительная стадия революции изображена в статье „Вокруг нашего анархизма“. В ней Малатеста отстаивает правильность анархической теории: „...если в данное время и нельзя немедленно осуществить анархию, — то это не является слабостью теории, а попросту обусловливается тем, что не все люди анархисты, не имеют еще силы завоевать, по крайней мере, свою собственную свободу и внушить к ней уважение“.

А тем временем надо стремиться „самим вызвать, если возможно, движение, всячески всеми силами принять в нем участие, придать ему, как можно больше, анархическое и равенственное содержание, поддерживать все силы прогресса, защищать лучшее при невозможности достигнуть идеала, всегда, все-же, сохраняя нашу отличительную сущность безвластников, не стремящихся к власти и плохо переносящих захват ее другими“.

Э. Малатеста, как известно, является сторонником анархического коммунизма. Однако он признавал, что „все возможные способы владения и пользования средства-

ми производства и все способы распределения будут испытываемы одновременно в одних и тех же, или в разных местностях; будут переплетаться и связываться разнейшими способами, пока практика не научит каковая из них, или каковые суть — лучшая или лучшие формы“.

И „если, действительно, имеется свобода и дух братства, все формы ведут к одной и той-же цели человеческой эмансипации и возвышению и кончат примирением и слиянием. Напротив, если нет свободы и стремления к благу всех, все формы организации могут содержать в себе несправедливость, эксплуатацию, деспотизм“.

**

Ярый противник насилия над пролетариатом, Э. Малатеста был противник большевизмской диктатуры.

„Если пролетариат позволит набросить на себя ярмо диктатуры в обманчивой надежде, — пишет Э. Малатеста, — что она будет служить его интересам, тогда с ним случится то же самое, как с лошадью в басне: она, однажды, чтобы лучше преследовать сленя, позволила человеку оседлать и взнуздать себя... и с того дня стала рабыней человека“.

Известно также отрицательное отношение Малатесты к русским платформистам-аршиновцам, сделавшим попытку обольстить анархическое движение путем воспринятия большевизмской тактики насильственного навязывания своих идеалов.

**

Умер Малатеста в Риме на руках своей жены и дочери. Революционный огонь, которым горел этот человек всю свою долгую жизнь, наконец, угас. Не стало великого борца и бунтаря, отдавшего все свои силы и энергию на борьбу за свободу и счастье угнетенного человечества. Нет больше в живых этого человеколюбца и свободника, лучшего друга трудящихся. Но имя его не изгладится из памяти тех, за кого он так бесстрашно и героически боролся. Дело его жизни не погибнет и будет доведено до победного конца.

К ПЯТИЛЕТИЮ КАЗНИ САККО И ВАНЦЕТТИ



—:~:—

Пять лет назад, 23 августа, были казнены в штате Массачусеттс два итальянских анархиста. Н. Сакко и Б. Ванцетти. Господствующий класс убил этих двух, ни в чем неповинных итальянцев, только потому, что они были анархисты, боровшиеся против капиталистического порабощения.

Сакко и Ванцетти погибли на электрическом стуле в результате заговора на их жизнь массачусеттской полиции, суда, губернатора и услужливых профессоров Гарвардского университета, прикрывших это величайшее злодеяние нашего времени своим ученым авторитетом.

Искушенным в полицейских хитростях сыщикам и прокуратуре не представилось особых затруднений для того, чтобы с помощью лжесвидетелей и всевозможных косвенных улик приписать двум беспомощным и бесправным беднякам уголовное преступление, совершенное шайкой уголовных преступников, к которому они не имели никакого отношения.

Власти — заговорщики безнаказанно надругались над невинными людьми, огрызнили их, ошельмовали и послали на казнь, несмотря на всемирные протесты рабочих и передовой части человечества, пытавшие-

гося помешать убийству двух невинных людей.

Озверевшие, кровожадные американские правители пренебрегли протестами и мольбами о помиловании, и совершили свое черное дело, которое войдет в американскую историю, как один из самых позорнейших и преступнейших актов господствующего класса.

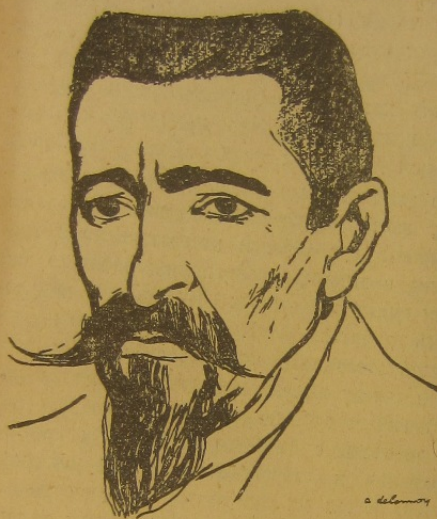
Расправившись с двумя анархистами, господствующий класс ошибочно полагал, что он покончил и с их опасными идеями.

Но убийцы двух людей не рассчитали своих сил и последствий своего злодеяния. Убитые и сожженные анархисты представляют теперь еще большую угрозу, чем живые. Их имена превратились в символ, в знамя, вокруг которого мобилизуются силы всего международного рабочего класса, все могуче и грознее поднимающегося на борьбу против своих поработителей.

Идеи же безвластия и свободы, орзшенные кровью невинных мучеников, еще ярче и светлее горят на горизонте социальной борьбы, и указывают всему рабочему миру верный путь к полному освобождению от политического и экономического порабощения.

MAX NETTLAU

„Отец Пейнар“ — Эмиль Пуже, его жизнь анархиста и революционного синдикалиста (1860—1931)

Э. Пуже

Смерть Пуже напомнила о человеке, который сделал больше для распространения народного революционного анархизма и активного революционного синдикализма во Франции, чем какой бы то ни был другой человек, — хотя это утверждение никоим образом не преуменьшает больших заслуг множества других очень активных товарищей. Если взглянуть пристальнее, то окажется, что все они, каждый в своей особой области, много сделали. Некоторые из них только следовали за инициативой других, им не хватало личной оригинальности, но это не может быть поставлено им в упрек, раз они делали свое дело хорошо, сознательно и энергично. Непрерывная литературно-пропагандистская работа Жана Грасса была работой другого типа, выдающаяся ораторская работа Себастьяна Фора опять является чем-то особым. Также особо стоит глубокое идейное влияние идеальной личности Элизе

Реклю, научное и вообще вдохновляющее и укрепляющее надежды влияние Кропоткина, а также решительность действий, а зачастую, и самопожертвование многих товарищей в периоде 1880—1891 г.г. Пуже был тем человеком, который больше всех других соприкасался с подлинными народными чаяниями и который, в то же время, был человеком революционного склада ума, такта и чувства меры, и, наконец, человеком, который умел воодушевлять других твердой волей, ибо такая воля жила в нем. Он не был уединенным идеалистом, не был социальным идеалистом, счастливым и довольным уже от сознания, что живет среди друзей и на свой лад. Он был человеком, добивавшимся реального дела, требовавшим от анархистов активности; он хотел, чтобы они, соединяя свою борьбу с революционной народной энергией и борьбою, ставшей бы подлинной движущей силой революции. Так как ряды анархистов иссякали — и надолго — вследствие преследований и не могли уже быть такой движущей силой (в 1894 г.), то Пуже попытался организовать более широкие объединения рабочих, передовые группы синдикалистов, с тем, чтобы создать из них авангард народного восстания. В этом деле он потерпел неудачу (в 1908-09), но он сделал все, что мог, и оставил след по себе. По моему мнению, не он, а другие не сумели продолжать это дело при весьма критических условиях. Это я постараюсь объяснить в нижеследующем биографическом очерке, которого этот преданный старый товарищ вполне заслуживает. При данных условиях, этот человек мог бы оставить след в истории. Я считаю его одним из очень немногих людей, которые не только отстаивали передовые идеи (совершенно различные в каждом случае), но и были воодушевлены решительной революционной волей, направленной к тому, что-

бы провести в действие народные силы. Такими людьми во Франции были Марат, Бланки, Прудон и Варлен, а после падения Коммуны 1871 года и вплоть до сегоднешнего дня, 60 лет спустя, я могу — говоря о Франции — указать только Пуже в качестве их наиболее выдающегося продолжателя. Такие люди являются редчайшим из редких явлений.

Он родился 12 октября 1860 года в Пом-ле-Салар, вблизи города Роде, в Авейронском департаменте центральной Франции. Это довольно захолустная местность, самая северная часть юга Франции. Он был сын нотариуса, а после его ранней смерти, отчимом Пуже стал чиновник, состоявший на технической правительственной службе. Этот человек был пламенным республиканцем, стоявшим за республику посреди реакционного местного окружения. Он лишился службы и стал редактором боевой местной республиканской газеты. В это время Пуже, учившийся в местной средней школе, был сторонником таких же взглядов. Он составлял рукописную школьную газету, под названием „Лицейский республиканец“. За эту деятельность школьные власти его не любили, но Пуже стремился к еще более передовым идеям, которые можно было почерпнуть у старых фурийеристов и разных других социалистов.

Но главным событием была Парижская Коммуна, а также многочисленные коммунальные движения в южных городах и городках от Лиона до Тулузы и Нарбонны. Эти движения иногда оканчивались трагедиями, убийствами и казнями, но не было огромных массовых убийств, как в Париже. Суды действовали здесь более правильно, чем злодейские парижские военные суды. Коммуна в Нарбонне, возглавляемая Эмилем Дижоном, потерпела неудачу и главаря этого местного бунта были переданы суду в Роде, считавшемся реакционной местностью, где можно было рассчитывать, что присяжные заседатели наверняка засудят их. Однако присяжные не осудили, а вынесли оправдательный вердикт. Этот долгий процесс был самым

возбуждающим событием для передовых людей в Роде. Семья Пуже знала Эмиля Дижона и была солидарна с заключенными.

Таким образом, учась в школе, Пуже подвергся первым социалистическим влияниям, но внезапно оказался предоставленным своим собственным силам вследствие смерти своего отчима. В то время, т. е. в 1875 году, ему было 15 лет. Вместе со своей матерью он отправился в Париж, где предполагал стать приказчиком, продавцом в одном из больших магазинов. Это занятие было очень тяжелым в те годы, когда парижские магазины оставались открытыми в течение неограниченного времени, а никакого сокращения рабочего дня или смягчения старых обычаев еще не удалось добиться. Пуже почувствовал тяжесть этого положения на себе. Он держал голову высоко поднятой, следил за постепенным оживлением социализма как раз в те годы, с 1876 до 1880. Он прислушивался к сторонникам каждой системы идей, читал их литературу и присоединялся ко всем народным коллективным усилиям. Ему посчастливилось снова встретиться с Эмилем Дижоном, уже зрелым человеком, который был активным республиканцем около 1851 года и освободил своего отца, сосланного в Алжир, что заставило его много лет прожить в изгнании на одном из испанских Балеарских островов. Позднее он стал главным деятелем Коммуны в Нарбонне и вернулся в Испанию после своего оправдания в Роде (1872), но затем поселился в Париже, где стал одним из первых анархистов. Он написал „Права и обязанности в рациональной анархии“ (1882) и другие брошюры. Он был активен также в качестве оратора. Во время одного из своих публичных выступлений он свалился от апоплексического удара, от которого уже не оправился. Он, пожалуй, никогда не умел отделять свой старый, очень честный федеральный республиканизм, заставивший его с головою уйти в дело нарбонской Коммуны, от анархизма. Другими словами, он не был исключительно анархистом, но постоянно шел вперед, как старый республиканец и ком-

муналист, готовый восстать во имя нового анархизма. Именно это и сделало его популярным и побудило других искренних старых республиканцев последовать его примеру. Молодой Пуже имел этот пример перед собою и, без сомнения, Дижон влиял на него или, так или иначе, вдохновлял его. Однако, мы не можем пойти дальше в этом направлении, так как Пуже был очень независим: он брал повсюду все то, что признавал хорошим, но выбор его был разумен. Пуже руководился критической оценкой фактов, комбинировал и видоизменял усвоенное на свой лад. Таким образом он не был ничьим учеником или сторонником. Он прислушивался к речам старого Бланки (который также свалился в результате своей напряженной пропагандистской работы в конце 1880 года и умер), но прислушивался также и к ораторам анархистам, и к Луизе Мишель, самой пламенной среди них, вернувшейся в 1880 году из ссылки. И он сделал свой выбор.

Он тотчас же занялся агитацией среди торговых служащих, стал заметным человеком и, повидимому, вел небезбесшумную жизнь в качестве комиссионера, ибо в 1883 году, на своем первом процессе, он указывает свое занятие так: „посредник по снабжению библиотек“. Он был виднейшим организатором Синдиката Парижских Торговых Служащих, организованного в 1886 году и затем развившегося в организацию с 3.000 членов. Эта цифра была очень высока сравнительно с тем, чего достигали другие синдикалисты в те годы, особенно принимая во внимание высокую активность многих членов этого синдиката. Ибо это было не мирное общество взаимопомощи, а организация почти боевая, применявшая прямое действие и путавшая красным призраком хозяев, на которых оказывалось воздействие путем уличных демонстраций перед магазинами, в пользу более раннего закрытия их или против особенно одиозных хозяев. Применялся также скрытый саботаж и другие методы, в которых Пуже всегда был „дьявольски ловок“, как говорят буржуа. Он всегда

умел направить удар в большое место противника. Он находился в тесных сношениях с другими так же настроенными представителями иных профессий, тоже анархистами. Как ни была мала численность активистов, все же они умели поддерживать друг друга и им удавалось приводить решительно настроенные толпы сегодня к одному большому магазину, а завтра к другому или к бирже. В союзе с безработными, они заставляли себя слушать больше, чем теперь, когда тучи секретарей попросту сидят в конторах и только излагают взгляды или пожелания сотен и тысяч синдикатов обычным рутинным способом в присутствии властей, а власти кладут их заявления в ящики, хранят в архивах и на том все дело кончается. Эти торговые служащие добились успеха. Позднее, за два месяца до смерти, Пуже перечитал вместе с одним посетителем, Морисом Шамоелян, из газеты „Крик Народа“, напечатанный текст статута и программы 1880 года, и заметил, что почти все, чего требовали тогда, было завоевано в течение следующих пятидесяти лет.

Когда активнейший анархистский еженедельник „Социальная Революция“ (сентябрь 1880 — сентябрь 1881) стал издаваться, то Пуже, в конце концов, стал анархистом, ибо здесь он видел живых, деятельных людей, самостоятельно группировавшихся для безкорыстной и прямой революционной борьбы. Эти люди не были похожи на авторитарных социалистов, которые в том же самом 1880 году объявили себя сторонниками избирательной борьбы. В то же время бланкизм, после смерти Бланки, попал в руки мало сведущих людей и уже никогда больше не был влиятельным фактором во Франции. Народная пропаганда, ведущая к народному действию — таково было внутреннее кредо Пуже в те годы. Он проявлял много активности, ибо его задачей было связать анархическую борьбу с синдикальной борьбой и открыть другие возможности — одной из которых была армия, а другой, — безработные. Я могу только набросать здесь очерк его деятельности в этих двух

направлениях и не стану больше уклоняться в сторону и лишь замечу, что во всем, что было сделано наиболее полезного в те годы, была его рука или его совет.

В начале 1883 года появилась нелегально напечатанная брошюра „К армии“ (15 страниц), содержащая в себе призыв к солдатам, а также пояснения весьма решительного революционного характера. В случае революционной вспышки, солдатам рекомендовалось поджигать свои казармы, обливать керосином кровати и разрубив газовые трубы и т. д. Им рекомендовалось убивать офицеров, захватывать оружие и помогать народу бороться с полицией, разрушать центры власти и т. д. Эта брошюра, самая ранняя из брошюр такого рода во Франции, была написана, как это можно уже теперь сообщить, Эмилем Пуже. Она отпечатана за счет синдиката торговых служащих и по соглашению с ним (Синдикат не существует уже много лет).

Парижские безработные были созваны на открытый митинг, 9 марта 1883 года, организованный столярами - анархистами, которые также были очень активными синдикалистами того раннего типа. Полиция запретила митинг и разогнала его. Тогда значительная часть собравшихся, имея во главе Луизу Мишель с черным флагом в руках, направилась в восточную часть Парижа и образовала процессию, соблюдая полный порядок. Но такие манифестации были сами по себе нарушением закона, ибо процессии и до сего времени запрещаются в Париже. Проходя мимо булочных, некоторые из участников манифестации забирали хлеб и раздавали его толпе, а Луиза Мишель останавливалась в это время на улице у булочных, что и сделало ее участницей грабежа и расхищения в глазах закона. Манифестанты шли своим путем, когда на площади Мобер против них выстроился большой отряд полиции и бросился на Луизу Мишель, чтобы арестовать ее. Тогда Пуже, который до того времени шел по правую руку Мишель (по левую руку ее шел другой товарищ) бросился, как рассказывают, на полицию, стараясь защи-

тить Луизу Мишель. Он был арестован и предан суду. На процессе, состоявшемся в июне, несколько дел были предложены суду в такой связи, чтобы запугать присяжных заседателей. Пуже был обвинен, насколько мне известно, не в том, что написал, а в том, что раздавал зажигательную и бунтарскую брошюру с обращением к армии. Он получил наиболее суровый приговор — 8 лет тюрьмы, тогда как Луиза Мишель была приговорена на 6 лет. Это произошло через несколько месяцев после Лионского процесса, когда Кропоткин, арестованный в декабре 1882 года, был приговорен к 5 годам тюрьмы. В конце концов, в средних числах января 1886 г. все оставшиеся заключенные были освобождены по амнистии. Таким образом, Пуже из тюрьмы явился в Париж, где он, конечно, встретился с Кропоткиным, явившимся из тюрьмы в Клерво и прибывшим в Париж шесть недель, с Эли Реклю, братом Элизе, прежде чем отправиться в Англию.

После смерти Кропоткина Пуже, в траурном номере „Les Temps Nouveaux“, рассказал о своих личных переживаниях. Со статьями такого рода Пуже выступал очень редко, так как он прежде всего был бойцом, излагавшим свои мысли умело, убедительно, ясно, с примесью иронии, но всегда сдержанно, когда его выступление предназначалось для широкой аудитории.

Он писал:

„Последний раз я увидел Кропоткина случайно. Это были сюрприз и радость для меня. Убедив от сурового климата Англии и проезжая через Париж, он приехал к нам (к Пуже и его семье) на Монмартр, без предупреждения, неожиданно. Наше знакомство началось в 1886 г. — и в тот раз я видел его более молодым душой, более живым и деятельным, чем когда-либо.

„Почти 25 лет прошло с тех пор, как мы покинули наше приятное республиканское место отдыха (тюрьму). С того времени наши отношения не прекращались и мы много раз встречались друг с другом.

И всегда находил его таким — ибо он был одним из тех, чьи годы проходят, не уменьшая жизненности человека. Его ясные, лучистые глаза, полные доброты, сохранили свою чудесную привлекательность. Мы беседовали очень долго сердцем к сердцу.

„Кропоткин изучал доброту. Он обладал редким и чудесным даром вдохновителя — и был первым среди людей такого типа. Он делал это великолепно. Сколько сознаний было пробуждено, сколько умов спасено от торных дорог путем одного только чтения некоторых из его маленьких брошюр, где на нескольких страницах изложено евангелие будущего. Какое „апостольское деяние“ могло бы влиять сильнее, чем например, его статьи „К молодежи“?“

„Он покидает нас, прожив полную деятельности жизнь, оставив по себе далеко и глубоко идущие следы. Какие бы перемены ни ждали нас, благородная и прекрасная фигура Кропоткина будет стоять перед нами и сиять, как фигура великого, очень великого предшественника“.

Сам Пуже также описан своими друзьями как вдохновитель, — как человек, повсюду выступающий с инициативой, заставляющий людей действовать и следовать разумному совету и указанию. Свойство Кропоткина быть движущей моральной силой поразило Пуже больше, чем все остальное, ибо эта магнетическая сила морально привлекала людей. Что касается Кропоткина, то — как это известно мне по его замечаниям в нескольких случаях, — он больше всего ценил в Пуже его ясный ум, его основанную на знании оценку положений, его опыт и безпристрастную добросовестность, а также его близость к французским народным настроениям. Кропоткин был в гораздо более тесных отношениях с Гравом и уважал взгляды последнего, но он чувствовал, до какой степени Грав отражал многие (не все) его собственные мнения, до какой степени Грав был оторван от прямой связи со многими реальностями общественной и народной жизни. Таким образом, ничто новое не приходило в их беседы. Реклю был че-

ловеком совершенно независимых взглядов и имел много источников информации, недоступных Кропоткину, который со своей стороны имел и свои такие же источники. Они редко встречались, и каждый шел своим путем, оставаясь едиными в общем и не подчеркивая расхождений в подробностях. Пуже был еще дальше от Кропоткина, совершенно независимый от личных идей Кропоткина, не оказывавших на него никакого особого влияния. Каждый считал другого, в высокой степени полезною силою. Их пути шли параллельно в одном и том же направлении. Кропоткин уважал и понимал это и так же относился бы и к другим, если бы на его пути встретилось много других независимых умов. Он встретил, правда, много узранных почитателей, ревностных сторонников, но это были люди, не имевшие собственных независимых идей. Пуже был человеком противоположного типа, но не подчеркивал этого. Он никогда не старался преуменьшить значение деятельности других анархистов, как бы резко он с ними ни расходился, если только их деятельность вела к увеличению анархических сил. Творческая сила, живая движущая сила, были его целью, а не единообразие доктрины, не единодушие в подробностях и не другие разновидности узости.

Когда Пуже вернулся обратно в январе 1886 года, парижское движение уже стало шире, многие молодые люди присоединились к нему, движение развивалось, но ему не хватало связи с народом. Теории, ораторские речи, революционная война против общества, индивидуальная деятельность, свободная и легкая жизнь в анархической среде (очень широко развитая в Париже тех лет), — все эти факты привлекали людей, пробуждали симпатии к движению. Но все это могло создавать только анархические микрокосмы, маленькие анархические мирки, среду, где можно было предаваться счастливому забвению всего окружающего. Это были группы смелого действия, интеллектуально сочувствовавшие анархизму, но не способные создать настоя-

щий рычаг для настоящей широкой борьбы. Рабочие и анархисты оставались разрозненными. Это не удовлетворяло Пуже, стремившегося создать популярную платформу. Впервые случай к этому представился ему, когда он, вместе с Константином Мартевом (1839—1906) старым бланкистом, перешедшим на сторону анархизма, напечатал "Ca ira", — 10 номеров большого формата в четверть листа, выходившие с 27 мая 1888 года до 13 января 1889 года. К концу 1888 года он проэктировал приступить к выпуску ежедневной газеты и уже начата была подписка на шеру. Помешала ли этому плану угроза преследования или были другие причины, почему этот план не осуществился — этого я еще пока не знаю.

В "Ca ira" Пуже впервые стал писать на непринужденном разговорном языке рабочего люда, который понимали во Франции повсюду и который вовсе не являлся специально парижским "арго" (жаргон). Он пользовался этим гибким языком, который метко бьет и вместе с тем, сохраняет в себе много юмора, соединяя его с подлинной виртуозностью. Иностранные читатели скоро научились этому языку от "Отца Пейнара". Ибо, как он рассказал мне в 1930 году, читатели любили эти статьи в "Ca ira", и это подало ему мысль выпустить плакат во время бурных недель агитации в пользу избрания генерала Буланже в Париже. Плакат назывался так: „Отец Пейнар — народу“ (27 января 1889 года). Этот плакат имел очень большой успех. Плакаты во Франции должны быть оплачены специальными марками, но во время выборов освобождаются от этого сбора и могут быть наклеены где угодно в большом количестве. Достаточно их подписать так: „верно“, а затем должна следовать фамилия кандидата. Любое имя здесь годится. Почему же имя „отца Пейнара“ не может сойти? Поэтому много тысяч таких, оранжевого цвета, плакатов, расклеивались товарищами по всей Франции в подходящих случаях. Всего было расклеено 11 таких плакатов до выборов в сентябре 1893 года. Все они

давали краткое изложение анархизма, давали выражение социальному негодованию и возмущению, обвиняли правительство, буржуазию и все силы капиталистической монополии и узурпации.

Тогда Пуже основал „Отец Пейнар“, сначала выходивший в форме еженедельной газеты — брошюры в 8^ю, позднее в большем формате, а затем в виде газеты в 4^ю с рисунками социального содержания во всю страницу. Эти рисунки делались либертарными рисовальщиками, которых было много в те годы, а некоторые из них принадлежали к числу самых лучших, как например, Максимилиан Люс. С 24 февраля 1889 года до 21 февраля 1894 года было выпущено 253 номера. Был также выпущен „Альманах отца Пейнара“ за 1894 год. (Париж 1893, 56 стр. в 4^ю). Читатель помнит, конечно, газету Геберта „Отец Дюшен“, выходившую во время Французской революции, а также „Отец Дюшен“ Вермерша Эмбера и Вюльбома в 1871 году.

Отец „Пейнар“ — старый сапожник, высказывающий поразительные мысли. Но постепенно эта фикция стала исчезать, газета стала принимать более обычный вид, и редакция говорила уже не от имени отца Пейнара, а заменила его выражением „мы“. Обе газеты „Отец Дюшен“ теперь показались бы скучными, но „Отец Пейнар“ казался бы в настоящее время более живым и совершенным чтением, чем большинство нынешних газет, или даже все они. Она содержит огромное количество революционного здравого смысла, практического социализма, простых разговоров во вкусе героев Рабля, со множеством народных слов, старых народных поговорок, а рядом с ними — либертарные мысли, изложенные в краткой форме и напоминавшие пословицы. То, что в „Отце Пейнаре“ укладывалось в 3 строки, было дешевле, чем иная брошюра в 16 страниц, а иногда дешевле, чем толстые томы иных авторов. Самые резкие выражения встречаются в этой газете, но все это без раздражения, грубости, жестокости, и все говорится так умно, что газета неизбежно убе-

ждает. Власть редко приходится быть так жестоко выставленной на всеобщее осмеяние. Вместе с тем, за критикой в газете следовал почти либертарный вывод, направленный в сторону созидания, практический и привлекательный. Под странной и забавной внешностью скрывалась масса сведений. Содержанием газеты была современная социальная и политическая история, факты восстания, анархические и народные бунты, нелепости социалистических сторонников власти и их депутатов в „Аквариуме“ (Палата Депутатов) и т. д. „Отец Пейнар“ и до сих пор еще остается злободневным, ибо все это зло до сих пор еще живет среди нас. Будь то судьи („Продавцы несправедливости“), генералы, политики, акулы торговли и финансов, — все они как будто взяты из сегодняшней жизни, все они и до сих пор таковы, какими стояли перед читателями старого „Отца Пейнара“, какими Пуже высмеивал их еженедельно. Совершенно так же Наполеон III перед нами до сих пор еще таков, каким Рошфор описывал его в газете „Ла Лантерн“.

Все, что может сделать человек, чтобы посеять зерно бунта и заставить людей чувствовать, что либертарные чаяния совпадают с требованиями здравого смысла, что новое общество и дружеская добровольная кооперация тоже совпадают, — все это Пуже сделал. Крестьянам и рабочим отводились специальные столбцы, а доктринерские споры, личная полемика, переливание из пустого в порожнее и другие такие же бесполезные для жизни вещи совсем были изгнаны со страниц газеты. Подобно тому, как искусный рисовальщик несколькими штрихами карандаша может набросать портрет человека, так Пуже умел в каждом вопросе обнажить корень его, отделить все несущественное и показать, как просты все вопросы, если смотреть на них без предвзятости и, в то же время, допуская разные решения там, где единообразные решения были бы большой ошибкой.

Газета чрезвычайно правилась во Франции, как рупор неискаженной революцион-

ной правды и бодрых либертарных чаяний. Анархизм никогда не был так близок сердцам столь многих тысяч читателей во Франции, как тогда, когда „Отец Пейнар“, начав с пяти или шести тысяч, достиг тиража в 15 тысяч, тиража значительно большего, чем имел „Ла Револют“. Эти цифры Пуже дал мне в 1930 г. Я знал также от одного или двух товарищей в провинции, которые действовали в качестве местных распределителей газеты, как они раздавали газету сотнями, как ее ждали повсюду с нетерпением и читали ее всей мастерской, как все ее ценили и восхищались ею. Для нас чтение „Отца Пейнара“ было удовольствием, а вовсе не трудом. Пуже создал сотни или целую тысячу новых слов для описания гнусности судей. Во всяком случае ни в одной стране судьям не наносилось таких оскорблений. В то время, вплоть до декабря 1893 года, существовал довольно либеральный закон о печати, действовавший с 1881 года. Этот закон делал составителей газет в сущности неприкосновенными. Преследовать можно было только „ответственного“ редактора. Таковым в „Отце Пейнаре“ обычно был товарищ, для которого тюрьма была ничем, или который собирался путешествовать за границу или же намеревался пожить некоторое время в Женеве, Брюсселе или Лондоне. Такой товарищ обычно, путем какойнибудь уловки, заранее подписывал газету и уезжал, и никакая „земная юстиция“ не могла найти его во Франции. В других случаях такой человек готов был встретить бурю с тем, чтобы выступить в свою защиту на суде, а другие товарищи, которых он имел право вызвать для защиты себя, готовы были, не будучи вовсе адвокатами, произносить блестящие речи. А между речами и приговором суда оставалось еще достаточно времени для подсудимого (который не всегда содержался под арестом), чтобы быть увезенным и оказаться в скором времени в Бельгии или в Лондоне.

Первый же „подлый закон“, изданный в конце 1893 года, положил конец этому идеалистическому положению вещей, и тогда

полиция и судьи получили свободу действий.

Разумеется, они все таки арестовывали Пуже несколько раз под тем или иным предлогом, но ему всегда как-то удавалось продолжать выпуск „Отца Пейнара“ и быть сильнее, чем когда бы то ни было раньше. Подвергаясь усиленным преследованиям в первые месяцы 1894 года, когда никакая корреспонденция, посылавшаяся в анархические газеты, не вручалась адресатам, эти газеты могли отвечать на преследования лишь путем прекращения издания, что и сделали: „Ревю Либертер“ — 20 февраля, „Отец Пейнар“ — 21 февраля, а „Ла Револьт“ 10 марта. Грав сидел в тюрьме уже несколько недель, Элизе Реклю был под угрозой ареста, очень многие товарищи уже были арестованы, сотни других отправились в Лондон, а в том числе Пуже, который в противном случае неизбежно был бы арестован под тем или иным предлогом. Поэтому он и его первая жена (умершая спустя лет десять или больше и которая при жизни выполняла тяжелую работу по заведыванию газетой) поехали в Лондон, несмотря на свою бедность. Ибо, как бы ни был значителен тираж газеты, она из давалась не для того, чтобы быть прибыльным торговым делом.

В то время, в первой половине 1894 года, французское правительство задумывало массовую высылку анархистов в нездоровые французские колонии Западной Африки. Это требовало подготовки общественного мнения путем обнаружения широкого анархического заговора. Для этой цели были намечены предполагаемые лидеры всех фракций анархического движения — следовательно, как раз люди, значительно отличавшиеся друг от друга и, в большинстве случаев, не поддерживавшие между собой никакой связи, а тем более, не имевшие заговорщических связей. На процессе 30-ти в августе 1894 года Пуже и другие товарищи, отсутствовавшие, как и он, были включены в список обвиняе-

мых. Это был пробный камень, который должен был показать, как можно поступить с анархистами. Несмотря на то, что процесс состоялся всего несколько недель спустя после убийства президента Карно молодым итальянским анархистом Казеро, он оказался совершенно неудачным для обвинителей, выдумавших версию о заговоре. Это обвинение пришлось оставить. Отсутствовавший обвиняемый был, однако, согласно правилам, присужден к максимальному наказанию к 20 годам или больше. В числе приговоренных был и Пуже, находившийся в Лондоне.

Вплоть до августа этот счастливый исход нельзя было предвидеть. Пуже намеревался приступить к выпуску газеты „Право на довольство“, но не мог раздобыть финансовую поддержку. У него были некоторые литературные планы, один из которых он обсуждал со мною, когда мы встретились. (Я был подписчиком на „Отец Пейнар“ с 1889 года и знал Пуже с 1892 года). Пуже намеревался издать книгу „Анархизм в эпоху второй Империи“, для которой несколько коллекционеров и исследователей истории, в том числе и я, собрали материалы, редкие старые книги и брошюры, собрали также воспоминания оставшихся еще в живых старых товарищей и т. д. Везье (1824—1902) был неисчерпаемым источником документов и воспоминаний в Париже, старый Лассари — в Лондоне, Бернар Лазар копался в прошлом в Париже, Жак Гросс — в Женеве, я сам — в Лондоне. Таким путем чудесные, но забытые старые анархисты 40-50-х годов — Бельгарринг, Кердериу, Дежак и другие были разысканы и вытащены из полного забвения на свет, стали известны широкому кругу товарищей. Пуже, хотя у него и было очень мало времени, заинтересовался этой литературой, а также ее сильной критикой парламентской системы, ее идеями о прямом законодательстве, о федерализме и другими идеями, вывнутыми в 1850-51 г.г. Его точка зрения была такова, что все элементы развития анархической мысли были даны уже

тогда, в 1851 году, когда роковой государственный переворот Луи Бонапарта, восстановив Империю, остановил развитие анархической мысли. Эта книга не была написана. Пуже первый предвидел, что он скоро вновь будет вести борьбу в Париже, будет занят новой газетой. Впоследствии его газета от времени до времени приводила выдержки из этих забытых ранних анархистов. Он сам был коллекционером и имел все газеты и брошюры, сотни больших плакатов и все, что создано было движением. Все это хранилось у него в отличных экземплярах и в прекрасном состоянии.

Он был так беден спустя шесть или восемь лет, что продал все это одному коллекционеру. Тот отнесся к коллекции со вниманием и заботился о ней, но после войны, нуждаясь в деньгах, продал всю коллекцию московскому институту Маркса и Энгельса. Таким образом, эта прекрасная коллекция, относящаяся к периоду 1880—1894 г.г. и, вероятно, пополнявшаяся вплоть до 1900 года, должна быть теперь в Москве. Я видел эту коллекцию в Лондоне, а также у частного коллекционера, о котором я только что упомянул. Я был не в состоянии приобрести ее в 1894 году, так как моих средств для этой цели было недостаточно, но если бы я знал, за какую цену она была позднее продана этому коллекционеру, то я мог бы приобрести ее за такую цену. Такова судьба коллекции. Но главное здесь то, что коллекция существует, что о ней заботятся и что она не затеряется.

„Подлые законы“, то анти-анархическое законодательство, которым пользовались для жестокого преследования товарищей во Франции, продолжали действовать там. Пуже описал это и осведомил широкие круги публички в „Ревю Вланиш“ (Париж) от 15-го июля 1898 года. Эта статья, со множеством ссылок на документы, была перепечатана в книге „Подлые законы 1893-1894 г.г.“ (Издания „Ревю Вланиш“, 1899, 62 страницы) вместе с другими статьями, написанными Франциском де-Прессансе и одним адвокатом. В

ежедневном „Журнале народа“ 1899 года, когда весь мир был потрясен страданиями капитана Дрейфуса на одном из островов вблизи Кайенского берега. Пуже работал для анархистов, сосланных на эти острова, и, в конце концов, удалось добиться смягчения участи некоторых из них.

Франция — единственная страна, где заключенного не всегда выпускают на свободу после того, как оканчивается срок его заключения. Если его послали на острова, за какойнибудь проступок, то его принуждают оставаться и дальше в Кайенне. После того ему очень трудно вернуться во Францию. Таким образом, он становится рабом на всю жизнь, при чем климат подрывает его здоровье, а местная колониальная жизнь убивает его душу.

Пуже предвидел, что Казимир Перье, высокомерный преемник жестокого и бездушного Карно, скоро падет. И действительно, карикатуры преследовали его так жестоко, — особенно социалистический „Шамбр“ — что, в конце концов, немешки убили этого человека и он подал в отставку. Это привело, по традиции, к амнистии, по крайней мере, частичной амнистии. Пуже имел теперь чистые бумаги, за исключением приговора, вынесенного ему заочно. По этому делу ему предстояло явиться на суд. Он выпустил в Лондоне восемь брошюр в 32°, под заголовком „Периодические брошюры Отца Пей нара“, с 25 сентября 1894 г. до 26 января 1895 года.

Эти брошюры были нелегально доставлены во Францию. Здесь мы имеем перед собою лучший образец стиля Пуже. Но когда амнистия устранила возможность наказания его за эти смелые выступления в печати, то он решил вернуться, чем не мало встретил своих друзей. Однако, он оказался лучшим судьей в оценке положения. Он был арестован и предан суду несколько недель спустя и был оправдан. Таким образом, он получил возможность возобновить издание своей газеты с некоторыми ограничениями в том смысле, что он не мог оправдывать преступлений, открыто восх-

ваять акты бунта и призывать следовать этим примерам. Таково было главное ограничение, которое Пуже должен был соблюдать. Теперь об этих вопросах ему приходилось говорить в более спокойном тоне. Грав также возобновил издание „Ла Револют“ и „Ле тан нуво“ (второе мая 1895), а „Отец Пейнар“ превратился в „Ла Сосиаль“ (т. е. „Социальная революция“), начиная с 9 мая.

„Ла Сосиаль“ появлялась еженедельно. До 18 октября 1896 года вышло 76 номеров. Затем был возобновлен „Отец Пейнар“, вышедший с 25 октября 1896 года до 1 мая 1899 года, всего 129 номеров. Во второй половине 1899 года Пуже напряженно работал над ежедневной газетой „Журнал дю пепль“, но с 14 января до 15 апреля 1900 года появились еще последние 15 номеров. Это были 4 Альманаха „Отца Пейнара“ за годы с 1896 до 1899, по 64 страницы каждый. В период издания „Ла Сосиаль“ Пуже опубликовал брошюру „Превращения гедистов“ (1896, 36 страниц в 16°), в которой напомнил Жюлю Геду, ставшему марксистом и антианархистом, об его прежней анти-авторитарной деятельности. Он издал 10 рисунков Максимилиана Люса, воспроизводивших социальную скульптуру Константина Менье. В общем, эти газеты, выходившие с 1895 до 1900 года, не завоевали такого широкого круга читателей, как издания периода 1889—1894, ибо движение приняло другие формы, и те, кто искал газет, проповедывавших борьбу старого типа, имели такого рода орган в лице „Либертара“, выходившего еженедельно с 15 ноября 1895 года и издающегося до сих пор. Пуже решил не предпринимать того, что он считал повторением уже терпевшей неудачу тактики 1894 года, когда народ не поддержал усиленную борьбу анархистов. Он решил стать на новый путь, который, как ему казалось, должен был привести к более значительным общим результатам. Этим новым путем был синдикализм.

Во время своего пребывания в лондонском изгнании, где он поддерживал связь с Кропоткиным, Малатестой и столь многими изгнанными французскими товарищами, Пуже подвел итоги периоду 1886—1894 г. г. Эти годы были наполнены решительными выступлениями во Франции.

Было издано неограниченное количество решительнейших революционных обращений к народу. Пропаганда велась неустанно. Все это привлекло все-таки народные симпатии, но это были, по большей части, симпатии зрителей, которые, подобно зрителям в пирке, восторгаются искусством и смелостью артистов, тем более, чем менее они сами чувствуют себя способными или расположенными подражать этим артистам.

О самих анархистах, а особенно о парижских анархистах, можно сказать, что большинство из них были привлечены приятным образом жизни в анархической среде, которая пропала все формы нарушения легальности, если не восхваляла их, как будто так называемые „преступные классы“ были настоящими бунтарями и подрывали устои общества. Такого рода люди всегда появлялись и услаждались на рубеже общественности во все века и никогда не были опасными для привилегированных классов. Их всегда училивали, как неизбежные „дополнительные расходы“, как неизбежные потери или безнадёжные долги, и всегда за ними следили сторожевые псы привилегированных — полиции и судей.

С другой стороны, высокий идеализм Реклю и Кропоткина, возвышенная моральная доктрина Ж. М. Гюйо, либертарные идеи в литературе и искусстве — также не оказали настоящего влияния на широкие круги, так называемых, образованных классов и не заставили их задуматься над анархизмом.

Акты бунта, которые вызвали больше всего интереса и многие симпатий к тем, кто жертвовал своей жизнью и шел иногда на казнь, подобно Вальяну, были, в сущности, мстью судьям и полиции за

проявления особо свирепой жестокости.

Все это было известно и не подняло народ, но сами анархисты истощили свои силы путем устранения наиболее активных, павших жертвами. Финальный акт — убийство президента Карно, не был совершен французом, его убил молодой перкар из Италии, живший во Франции.

Поэтому Пуже и некоторые другие пришли к заключению в 1894 году, что народ не ответил в достаточной степени на призыв анархистов, и что следовало найти другие методы. Такие методы он увидел в явном, постепенном успехе синдикалистов, начиная с 90-х годов. Синдикаты были той частью рабочего движения, к которому большинство анархистов относились почти без интереса, а остальные считали, что анархизм достаточно хорошо представлен несколькими маленькими, но деятельными анархическими синдикатами, которые вели напряженную работу, но в очень немногих отраслях промышленности и в очень немногих местностях. Однако, Пуже никогда не упускал их из виду, считая их крупным общим фактором.

От своих собственных товарищей из синдиката торгово - промышленных служащих 1880—83 г. Пуже знал, насколько эти передовые организации стояли выше по своим качествам, чем заеденные рутинной сотней и даже тысячи синдикальных организаций с тенденциями к страховой деятельности, реформизму, избирательной деятельности, полу—или чисто - политической (избирательный социализм) и другим подобным же умеренным тенденциям.

Эти тенденции прививались им честолюбивыми лидерами политических партий (радикальными республиканцами или социалистами) и делали их совершенно неспособными или не расположенными добиваться осуществления революционных целей. Эти синдикаты, легально возникавшие начиная с 1864 года, частью находились под влиянием французской секции интернационала.

Его активные члены в годы напряженной борьбы с 1868 до мая 1871 года были коллективистами - анархистами и сторон-

никами социальной революции. Еще в большей степени таковыми были люди, организовавшие рабочих во время осады Парижа и бывшие инициаторами событий 18 мая, — люди, составлявшие меньшинство Коммуны и казненные, сосланные или изгнанные после ее страшного поражения. Очень скоро после того синдикаты были реорганизованы умеренными под покровительством радикальных республиканцев, которые сами ожесточенно боролись против реакционных правительств республики в годы 1871-1876 и вплоть до 1878 и даже 1880, когда республика окончательно отеснила реакционеров на задний план и выдвинула либералов и даже приняла вид радикальной власти.

В то время синдикаты были объектом агитации со стороны двух групп социалистических политиков — марксистов (гедистов), непосредственной целью которых был захват государства (депутатских мандатов), и поппилисты (бруссеты), которые сосредоточили свои усилия на завоевании коммун (муниципальные советы).

Гедисты наложили руку на промышленные массы Севера с тем, чтобы превратить их в крупные организации избирателей. Поппилисты же завладели ремесленниками Парижа и старых городов и местечек Юга, где местная жизнь сильнее и где муниципалитетами легче управлять при помощи избирателей из рабочего класса.

Анархисты в течение нескольких лет, с 1880 до 1883 года особенно пользовались влиянием в юго-восточном промышленном районе (Лион, Сэнт-Этьен), где массы рабочих тяжелого физического труда, менее подавленные, чем северные массы, и отличавшиеся более южным, общительным темпераментом и либеральным настроением, были дружелюбно расположены по отношению к ним. Здесь Кропоткин и его женевские товарищи имели много связей вплоть до знаменитого Лионского процесса (1883 г.), когда наиболее выдающиеся активисты и Кропоткин были приговорены к многим годам тюрьмы. Таким образом синдикально - анархическая линия разви-

тия на юго-востоке была нарушена и почти уничтожена, по крайней мере, по внешности, в качестве движущей силы.

Так продолжалось в течение многих лет до тех пор, пока события, сопровождавшие празднование 1-го мая 1890 года, не вызвали возбуждения среди активистов и масс повсеместно. Идея генеральной стачки нашла много сторонников. Бесплодие парламентарных методов стало очевидно для многих. Парламент во Франции был сильно дискредитирован в те годы агитации буланжистов и панамских скандалов. Это подорвало даже партию possibilistes, от которых в октябре 1890 года откололась фракция allemantistes, опиравшаяся главным образом на парижских рабочих с ярко социалистическими убеждениями. Отколовшаяся фракция стала в критические отношения к парламентаризму и к преобладающему влиянию депутатов. Ее симпатии принадлежали идее генеральной стачки. Это внесло до некоторой степени новую жизнь в прозябавшие синдикаты, которые в 1886 году объединились и создали довольно слабую федерацию, но которые, начиная с того же года, стали повсеместно создавать биржи труда, — подобие местных Советов Труда, имеющихся в других странах. Эти Биржи Труда, главным образом, занимались местными рынками труда, выполняя при этом задачи просвещения и взаимопомощи. Биржи объединились в феврале 1892 года в Сент-Этьене и стали первостепенной движущей силой во всех вопросах труда, побуждая также объединившиеся синдикаты к усилению деятельности и воздействуя на них своим примером или соревнуясь с ними. Таким образом идея генеральной стачки, выдвинутая биржами Нанта и Сент-Назера, была одобрена западным конгрессом possibilistes в Туре, но предложению делегата названных двух бирж — Фернанда Пеллутье. В то время Пеллутье сам был гегемом. Несколько дней спустя (сентябрь 1892) эта идея предложена была Аристидом Брианом, из Сент-Назера, марсельскому Конгрессу и была принята Конгрессом, но вслед за тем отвергнута марсельским Конгрессом геге-

тов (марксисты - политики). Это — разительный пример того, как эти идеи делали то шаг вперед, то шаг назад. То их выдвигали и с удовлетворением принимали рабочие, то развенчивали, оспаривали и отвергали, быть может, те же самые рабочие, когда они действовали под руководством социалистических политиков. Пеллутье (1867—1901) прибыл в Париж в начале 1893 г. и там скоро стал убежденным анархистом, но не активным членом какой-нибудь одной группы, а скорее человеком, стремящимся убедить широкие массы рабочих, организованных в синдикаты, предпринимать коллективные шаги, направленные к генеральной стачке, с тем, чтобы прекратить навсегда капиталистическую эксплуатацию и организовать общество на основе свободного объединяющегося труда. Эти идеи были его собственными идеями, и он призывал их идеями антиавторитарной части Интернационала (Федераций швейцарской Юры, Испании и Бельгии, по преимуществу).

Пеллутье был спокойный, настойчивый, усердный организатор, обреченный — и он знал об этом — на раннюю смерть и всю свою энергию стремившийся израсходовать в те немногие годы жизни, какие ему оставались. (Он умер в марте 1901 года). Он настойчиво работал в биржах. Его очередной задачей было освободиться от политиканов. Эта задача была поставлена поражением, которое они потерпели после трех дней необычайно горячих прений на Конгрессе в Нанте в сентябре 1894 года. Против них были все синдикаты. Идея генеральной стачки была здесь выдвинута, и выступавшие против нее социалисты-политики оказались побежденным меньшинством.

Сентябрь 1894 года — это была дата, когда половина срока изгнания уже истекла. Это было несколько недель спустя после оправдания анархистов по обвинению в заговоре на парижском процессе тридцати. Во время преследований, ознаменовавших предыдущую зиму, когда на анархические группы охотилась полиция, Пуже советовал присоединиться к синдика-

там, где рабочая среда давала возможность вести индивидуальную пропаганду и где внутренняя опасность рабочего движения — рабочие политики — могли и должны были устраняться усилиями сознательных либертеров. Он повторял этот совет в лондонской брошюре „Отца Пейнара“ — „Надо перехитрить хитрецов“, с подзаголовком: „Чтобы перехитрить жулика, надо быть умнее его“. Эта брошюра появилась в октябре 1894 года. Я не имел ее в руках, но думаю, что она отражает впечатления, полученные на Нантском Конгрессе. Во всяком случае, из бесед того времени и начала 1895 года я знаю, как пристально Пуже наблюдал за ходом освобождения синдикатов от политических боссов и как горячо он стремился помочь в этом деле.

Таким образом, в тот период, в 1895 году, синдикаты Франции еще не выступали в защиту своих доктрин революционного синдикализма в том виде, в каком мы знаем эти доктрины в настоящее время. Они представляли собою пассивную массу, только частью и лишь после горячей борьбы освобождавшуюся от политических боссов. Они были подобны листу чистой бумаги и были готовы для новых идей.

Именно новые идеи дали им анархисты, типа Пуже и типа Пеллутье, стремившиеся спаять массу в активную революционную силу, мощную и готовую без промедлений устранить капиталистических паразитов и преобразовать общество.

Если идеалом Бакунина, Джемса Гильома и испанских интернационалистов был анархизм, то синдикалистский идеал Пуже и Пеллутье также был анархизм. Если были анархисты с более сильно развитым коммунистическим или индивидуалистическим (мутауалистическим) сознанием, то синдикалисты описанного типа также не могли отнестись к ним отрицательно, как и анархисты — коллективисты, находившиеся в рядах Интернационала, ибо, проявив такую авторитарную нетерпимость, они перестали бы действовать как анархисты и превратились бы в монополистов.

Дальнейшее развитие синдикатов в

этом духе рассматривалось как возможность для анархистов выйти из своей изоляции и работать среди этих разбавившихся рабочих масс. Я видел восхищение Кропоткина, Пуже и английских товарищей из „Фридом“ по поводу этого. Малатеста более скептически настроенный, был все же удовлетворен. Все были готовы к новым усилиям для освобождения рабочего движения от политиков, позиция которых во всех странах и на международных конгрессах 1889, 1891 и 1893 г. г. разоблачила их, что и привело к сотрудничеству множества активистов, объединившихся для мобилизации подлинно трудовых элементов против политиков на следующем международном конгрессе, имевшем состояться в Лондоне в 1896 году.

В ожидании событий Пеллутье в целом ряде разъяснительных статей в „Les Temps Nouveaux“ в 1895—1896, Пуже — в „La Sociale“, Амон в своих обильно документированных статьях „Анархизм есть часть социализма“, напечатанных в начале 1896 года, Ф. Домела Ньюенгейс и Ф. Пеллутье в Голландии, Густав Ландауэр и другие, в Германии, Малатеста через свои итальянские и испанские связи, Пьетро Гори, во время своего лекционного тура по Соединенным Штатам в 1896 г., — эти и другие деятели, а также французские синдикалисты и многие из аллеманистов и т. д., — все работали для того, чтобы послать делегатов на Лондонский Конгресс. Так как анархисты имели мандаты от синдикатов, то их нельзя было не допустить. Пуже был делегирован рабочими Презазе и металлистами Бове. Жан Грав, Поль Реклю, Поль Дельсаль, Анри Готш, Люсьен Дернио, Амон, Леон Ренки, Жозеф Тортерье, из итальянцев — Малатеста, Пачини, Агрести, Пьетро Гори и многие другие прибыли таким образом на Конгресс. Это событие было описано в брошюре „Революционеры на Лондонском Конгрессе“. Анархические доклады (Париж. Издание Тан Нуво, 1896 г., 23 стр.), а также в книге Амона о Конгрессе. Они не имели ни возможности, ни намерения получить чис-

ленный перевес над многими социал-демократическими делегатами, но наложили свой отпечаток на Конгресс, который позднее принял решения допускать отныне на конгрессы только таких делегатов от профсоюзов, которые стоят за парламентаризм и рабочее законодательство.

В 1899 году против этого решения выступили, от имени инициативного комитета, Домела Ньюенгейс, Пеллутье и Пуже. Они подписали призыв о созыве Интернационального Революционного Рабочего Конгресса в Париже в сентябре 1900 года, но правительство запретило Конгресс, который в конце концов вылился в форму подпольного нелегального митинга анархических делегатов в разных местах Парижа и его окрестностей.

Газеты Пуже и деятельность Пеллутье в качестве секретаря Федерации Бирж Труда (1895), создали те настроения синдикатов, которые описаны выше. Они напряженно и успешно работали, ибо идея политической борьбы за социализм, потерпевшая поражение в Нанте в 1894 году, вовсе не умерла, а продолжала оказывать влияние на деятельность Генеральной Конфедерации Труда, основанной синдикатами на Конгрессе в Лиможе в 1895 году. Руководители Конфедерации были настроены крайне враждебно по отношению к Пуже и Пеллутье и, в качестве неудачных соперников, с затаенной досадой смотрели на более активную Федерацию бирж. Поэтому первые успехи были сделаны на почве более практических вопросов, интересовавших делегатов, как рабочих, через головы заинтересованных официальных лидеров. Так например, на Конгрессе Конфедерации в Тулузе в сентябре 1899 Пуже, делегированный парижскими сапожниками, Федерацией синдикатов Вены (Изер) и амьенской Биржей Труда, добился, в качестве члена комиссии по бойкоту того, что саботаж добавлен был к числу методов борьбы рабочего класса. Он рекомендовал системе медленной работы ("go slowly"), применявшуюся лондонскими грузчиками, в качестве образца. Доклад „Бойкот и сабо-

таж“ (18 стр. в 16°), подписанный Дельсаллем, Кунора и Пуже, был написан последним и им же был опубликован с указанием его парижского адреса. В этом докладе сказано, что вторая брошюра об особых методах саботажа подготавливается к печати, но я думаю, что она так и не была напечатана. В октябре 1910 года издатель Марсель Ривьер выпустил книжку Пуже „Саботаж“ (66 стр.), без даты. Он же издал брошюру Пуже „Генеральная Конфедерация Труда“, 1908 г., 64 стр. и „Организация потогонной системы: Система Тейлора“, 1914 год, — кратко и ясно изложения этих вопросов.

На упомянутом Конгрессе в Тулузе в 1897 году признано было желательным издавать ежедневную синдикальную газету. Это положение не могло быть осуществлено в течение еще многих лет. Постепенно, однако, более передовые делегаты вошли в комитеты бирж и синдикатов и совершенно устранили социалистических политиков. Но между ними самими возникло расхождение, которое временами было едва заметно, иногда же зияло, подобно пропасти. Для примера укажу на делегатов больших синдикатов и их федераций: печатников, текстильщиков, железнодорожников, шахтеров и т. д., крепко стоявших за умеренную реформистскую тактику, и на делегатов многих маленьких организаций, которые обычно или выигрывали забастовку при помощи быстрых действий и активных методов, или же не в состоянии были ничего сделать вовсе, и потому были более склонны к революционным методам. Конституция всех этих комитетов, руководясь эгалитарными принципами, уравнила число голосующих делегатов от каждой организации, и, таким путем, реформисты обычно оказывались в меньшинстве.

Их большие организации вынуждены были подчиняться, к большому неудовольствию их членов. Иногда же они действовали независимо, и тогда неудовлетворенными оказывались революционеры. Все это создавало безконечные прения, вражду, столкновения и планы и ожидания реван-

ша у обеих сторон. Шаг вперед был сделан на Конгрессе в 1900 году, протоколы которого были напечатаны под заголовком „Одинадцатый Национальный Корпоративный Конгресс,... состоявшийся в парижской Бирже Труда 10, 11, 12, 13, 14 сентября 1900“ (Париж 1900, 227 стр. в 8°. Затем, 1 декабря 1900 г. был основан большой еженедельник „La Voix du Peuple“, выходивший на 4 страницах. Его редактором до конца 1906 года был Пуже, который в этом качестве был также вторым секретарем Федерации Синдикатов Генеральной Конфедерации Труда.

Эта должность налагала на Пуже труднейшую задачу внутри организации, ибо ему приходилось приводить в надлежащий порядок поступавшие в большом количестве сообщения, писать и редактировать статьи, в качестве выразителя воли и желаний всех синдикатов и, в то же самое время, вырабатывать тактику для них, инструктировать и осведомлять их и все это делать в согласии с руководящим комитетом и со своим собственным пониманием задачи, согласуя опять таки, все это с непосредственными интересами синдикатов и со своими собственными анархическими взглядами, по-прежнему остававшимися близкими его сердцу. У него было сто тысяч всякого рода хозяев, из которых 99,999 всегда были чем-нибудь недовольны. Никакой благодарности он не получал, а нареканий было много. Он не стал самодержцем, да это и помогло бы ему очень мало, ибо он был окружен множеством самодержцев, каждый из которых был царем в маленьком царстве своего синдиката или Федерации, которую он управлял или которая им управляла. Он держал себя в руках и не давал воли своему едкому юмору. Его здоровье было, повидимому, неважно. Он накопил за это время множество наблюдений над сокровенными тайниками душ очень многих людей. Он сражался со всеми, благодаря своему умственному развитию и приобретенной репутации хитрейшего из хитрых. Ему дали прозвище „Серый кардинал Генеральной

Конфедерации Труда“, намекая на того отца Иосифа, о котором говорили, что он стоял за спиной кардинала Ришелье и давал ему советы, пользуясь, благодаря этому, слугачей самого опасного человека во Франции и самого хитрого из дипломатов.

Я не преувеличиваю. Такое положение действительно создалось и упрочилось благодаря унитарной тактике, которую даже самый федералистически настроенный комитет, будучи федеральным в теории, вынужден проводить на практике, когда приходится иметь дело с огромной организацией, где надо так или иначе налаживать общую работу. Генеральная Конфедерация Труда, какою она была с 1903 года, когда на конгрессах 1901 и 1902 г. в Люппе и Монпелье федерация бирж и федерация синдикатов были запряжены в одно ярмо, при чем дух взаимного доверия здесь вовсе отсутствовал, а преобладал скорее дух соперничества за главенство. Номинально все делалось под флагом антиполитичности, антипарламентаризма, антигосударственности, но в результате привело к горячим политическим спорам, сверхпарламентаризму и сверхгосударственности. Члены парламента, государственные чиновники, по крайней мере, не обязаны быть между собою друзьями и товарищами и любить друг друга. Здесь же рабочие организации собрали своих лучших людей (многие из них сами по себе были превосходными людьми) и ждали, что они что-то сделают для своих организаций. Однако, все это привело лишь к тому, что коллективная работа делалась только в редких случаях, в моменты общего энтузиазма, на конференциях и конгрессах, в то время, как внутренне каждый стремился идти своим собственным путем и, что еще хуже, убеждал других действовать в том же духе.

Пуже задал мне хлопот, когда пришлось повидаться с ним в его маленькой комнате в Бирже Труда в 1901 или 1902 году. В той же комнате, по другую сторону стола, сидел не очень дружелюбно настроенный чиновник, совсем не товарищ

пам обобщ. Пуже старался из всех сил для "Voix du Peuple". В 1902 году он внес очень разумное предложение о том, чтобы различные синдикаты сообщили, что каждый из них мог бы сделать после социальной победы, чтобы преобразовать общество. Эта анкета была, без сомнения, интеллектуальной основой, той синдикальной утопией, с которой он и Пато выступили в 1909 году и о которой я упомяну ниже. Он организовал также несколько других кампаний. Издал великолепные специальные выпуски к первомайским дням, листки для антимилитаристской пропаганды и т. д. И он создал также подлинную синдикальную идеологию, изложенную в серии брошюр, замечательную в качестве наиболее ясного, наиболее убедительного введения в суть данного вопроса. Я думаю, однако, что эти брошюры были очень далеки от уровня развития синдикатов во Франции в те годы и позднее, и не только во Франции, но и в других странах. Я хочу этим сказать, что синдикаты и синдикалисты такого высокого типа, какой описывается в этих брошюрах, или с самого начала стали бы на почву анархизма, или вовсе перестали бы существовать. Если же они были бы менее высокого типа, то нетерпение или неудовлетворенность скорее всего погнало бы их в авторитарном направлении и не дали бы им развиваться в том идеальном синдикальном направлении, о котором шла речь в брошюрах. Пуже и подобные ему люди с твердыми анархическими убеждениями, могли бы подняться до такого высокого типа синдикализма, другие же не смогли бы это сделать. Если мы посмотрим, куда пошли все деятели периода 1900-1908 г. г., то результат окажется далеко не обнадеживающим.

Эти классические брошюры были следующие: „Основы синдикализма“, (Библиотека синдикалистов, Париж. Издание Бижи Труда, 24 стр. 1904 год); „Синдикат“ (2; 24 стр., 1904); „Партия Труда“ (3; 24 стр., 1905); „Прямое действие“, (4; 27 стр. в позднейшем издании напечатано в 1907 г.) Другие брошюры:

о стачке, бойкоте, саботаже, антимилитаризме, генеральной стачке и т. д. должны были появиться, но не появились. По всей вероятности, в номерах "Voix du Peuple" до 1908 года имеются статьи, из которых должны были составиться эти не появившиеся брошюры. Проверить это я сейчас не могу. Ценные материалы можно найти в историческом очерке Генеральной Стачки, написанном на "Le Mouvement Socialiste" (Париж, 1904) и перепечатанном на страницах 38-51 книги Лагерделя „Генеральная Стачка и социализм“ (Париж 1905, 423 стр.), которая представляет собою чрезвычайно интересную интернациональную анкету.

Отношения к реформистам рассмотрено в книжке „Два синдикальных метода: „Реформизм и прямое действие“, — полемика между Пуже и реформистом А. Кейфером, лидером печатников, в „Позитивисте“ (1905, 76 стр. Издание Федерации книги, Париж).

Ежедневная газета „Юманите“, в то время выходившая под редакторством Жака Жореса, отвела у себя столбец под заглавием „Синдикальная трибуна“ для дискуссии об отношениях между синдикализмом и социалистической партией. Жорес выступил с этой инициативой 10 августа 1906 г. Пуже, Ниель, Кейфер, Лекуар и другие стали писать статьи. Компромисс, задуманный социалистами, был непримиримо отвергнут Эмилем Пуже, который, подобно секретарю Генеральной Конфедерации Труда Виктору Гриффюлю, написал несколько дальнейших статей в „Юманите“ в 1906-1907. Оба они, в качестве главных литературных защитников синдикализма, были приглашены в 1907 году ежедневной газетой „Матэн“ изложить свои идеи широкой публике. Это они и сделали в нескольких случаях. Ибо синдикализм стал реальностью для многих в парижской печати и в публике с тех пор, как секретарь электротехников Эмиль Пато, в один прекрасный вечер, вызванный на это заведующим одного театра, дал по телефону распоряжение, и электричество на несколько часов потонуло в театральном

квартале Парижа. Это был самый осязательный предметный урок, какой получили парижане в те годы и который показал им, что труд может и создавать и разрушать.

Наиболее высокого теоретического развития синдикализм достиг и наибольший энтузиазм к себе он привлек в период Амьенского Конгресса, протоколы которого несут название „15-го Национального Корпоративного Конгресса и Конференции Вирж Труда“, состоявшихся в Амьене с 8-го до 16 октября 1906. Стенографический отчет о его трудах (Амьен 1907, XXV, 345 стр.)¹⁾ Здесь была формулирована и принята знаменитая Амьенская Хартия. Интеллект Пуже и его перо сыграли здесь главную роль. 1907 год был годом благоденствия и удовлетворения вообще для синдикалистов. 1908 год начался при хороших предзнаменованиях, хотя под влиянием таких восторженных чувств и некоторых кругах возникла мысль, что синдикализм выше всего, и что подобно тому, как он обходится без социалистических политиков, совершенно так же он мог бы обходиться и без анархических теоретиков и мечтателей, предполагаемых врагов организации и т. п. Газета „L'Action directe“, начиная с 15 января 1908 г., начала защищать эту тенденцию. Она была рассчитана на то, чтобы лишить только что нарождавшийся революционный синдикализм моральной и просветительной поддержки анархистов, а в этом синдикализм все еще очень нуждался. Лишенный безкорыстного и либертарного духа, он превратился в борьбу интересов, в которой пользовались авторитарными, а позднее — и диктаторскими приемами. Сторонники синдикализма, выбросив идеи на ветер, превратились в хвастливых и склонных к спорам молодых людей, легко переходящих до драки и ожидающих, что весь мир преклонится перед их кулаками. Пуже не поддерживал развития в этом направлении, но бессильно был ему помешать, ибо в те годы добродушная веселость легко превращалась в бесильную склоку и буйство. Бессильной

я называю эту склоку потому, что буйство было не так много, среди них были инстинкты, и если бы они попытались устроить восстание, то были бы обречены на встречу с силами полиции и армии.

Я не могу установить, при каких обстоятельствах ежедневная синдикальная газета „Le Cri du Peuple“ стала издаваться. В июле 1908 года появилось объявление, извещавшее о выходе этой газеты начиная с сентября, с Эмилем Пуже в качестве редактора. Недели три спустя в „Дравель“ на юго-восток от Парижа, произошло несколько столкновений, которые премьер-министру Клемансо дали повод для ареста Гриффюля, Пуже и других деятелей, для обыска во всех газетах и т. д. Кое-кому пришлось покинуть страну, чтобы избежать ареста. Между тем, как раз те люди, которые пострадали, ничего не имели общего с немногими настоящими случаями столкновений. Эти столкновения были результатом или того духа чрезмерной самоуверенности, о котором я упомянул выше, или же это было дело провокаторов. Клемансо хорошо знал внутреннюю жизнь и слабые стороны передовых партий, так долго доверявших ему, как доверял ему и Бакунин в 1864 году, когда пригласил Клемансо вступить в тайное общество „Международное Братство“. Клемансо номинально вступил в это общество, хотя Элизе Реклю, рассказавши мне об этом, добавил, что в дальнейшем Клемансо никакого интереса к этому обществу не проявил.

Тот же Клемансо разослал теперь своих провокаторов и поручил им пробраться повсюду. Дельсаль, который в то время был помощником секретаря Федерации Вирж Труда и который должен был ехать либо в деревню, либо в Бельгию, после смерти Пуже написал в „Le Cri du Peuple“ в 1931 г.: „... по мере того, как годы проходят, все больше начинает казаться, что это печальное и жалкое событие было подготовлено самим Клемансо. Таково было, впрочем, мнение Гриффюля, а также и мнение Пуже“... После этого черного

для Пуже провел несколько месяцев в ближайшей тюрьме в Корбейль. Не все следствие по этому делу казалось настолько подозрительным общественному мнению, и у синдикалистов было столько свидетелей и доказательств, что правительство предпочло освободить их без суда. Таким образом, в начале ноября они вернулись и Пуже стал готовить издание ежедневной газеты. У него был некоторый опыт в деле издания такой газеты, так как во второй половине 1899 года он был со-редактором "Le journal du Peuple" (с 6 февраля 1899 г. приблизительно до декабря того же года; № 299 от 3-го декабря — последний известный мне номер). Это была ежедневная анархическая газета, издававшаяся Себастьяном Фором и — этот факт открыто признавался — содержащаяся на деньги, собранные для агитации в пользу Дрейфуса.

Во время деятельности Пуже он выступал в пользу анархистов, сосланных в Капену и настойчиво пытался создать независимый рабочий базис для поддержки газеты. Но это ему не удалось, и он вернулся к изданию последних выпусков „Отца Пейнара“, (14 января 1900 г.) На "Cri du Peuple" Альман, последний владелец старой газеты под этим названием, наложил свое вето. Пуже пришлось искать помощи для своей газеты вне рядов синдикалистов. Малато, который получил в наследство деньги для подобных целей, а также Феррер, несколько китайских студентов - анархистов и другие оказали помощь, и „Революция“ стала выходить с первого февраля. До 28 марта 1929 года было выпущено 56 номеров. Это была хорошая газета, но она не в состоянии была жить без более крупного основного капитала до момента, когда ее можно было бы считать прочно укрепившейся. Синдикалисты, в качестве организации, включившей 3,000 или больше синдикатов, не очень стремились поддержать идейную газету, как показывает первый доклад Пуже о "La Voix du Peuple", напечатанный на страницах 35--48 Доклада Конфедерального Комитета за 1901--1902 годы (Париж

1902, 48 стр.). После смерти Пуже то же самое мнение было высказано в критической статье Пьера Монатт „Кризис газет „Bataille Syndicaliste“ и „La Voix Ouvriere“ от 20 января 1914 года.

Вернемся, однако, ко времени освобождения Пуже из тюрьмы в Корбейль. Надо помнить, что во время нахождения его и других синдикалистов в тюрьме, состоялся синдикальный конгресс в Марселе 5-12 октября 1908 года. Отчет о нем помещен в томе XI, 330 стр., которого у меня сейчас нет. Очевидно этот доклад, а также "Voix du Peuple" и проч. содержат много фактов, знание которых необходимо для того, чтобы составить себе определенное мнение о событиях той зимы в Генеральной Конфедерации Труда, для которой этот период был поворотным пунктом. Я могу только сказать теперь, что события в Дремель привели, повидимому, к усилению самокритики. Позиции самоуверенных авантюристов был нанесен сильный удар и, каким то образом, равновесие сил было нарушено. Фактом является то, что такому перемещению сил посодействовал переход нескольких лиц, считавшихся революционерами, по другую сторону (я имею здесь в виду Латави и князя де Леви). Была Гриффюль, некогда принадлежавший к бланкистам, чем-то вроде организатора восстания, и был ли он покинут другими, или же он был возмущен позицией и деятельностью некоторых лиц, — этого я сказать не могу. Так или иначе, он отказался от должности секретаря, а Пуже отказался от редактирования "La Voix du Peuple" (в конце 1908 г.). Новый секретарь Нилье оказался жалким бабром. Он считался более умеренным, чем Гриффюль, но оказался реформистом в такой степени, что стал неприемлемым. Большинство все еще было на стороне революционеров, как показало избрание Леона Жю, который прошел в качестве среднего и здравомыслящего революционера и человека средних способностей. Он все еще состоит секретарем и спустя 23 года еще крепче сидит в седле, чем когда бы то ни было. Его друзья говорят, что он бодро справлялся

с любой бурей и обходит все подводные скалы, критики же рассматривают его просто, как замечательный флюгер, как политический показатель погоды, прежде всего.

Вопрос, который будет, я надеюсь, выяснен, состоит, на мой взгляд, в следующем: предвидел ли Пуже, обладавший замечательным умом, весь этот ход событий — наступление царства реформизма, посредственности и политики обслуживания сегодняшнего дня — и потому ушел сам и, быть может, побудил уйти и Гриффюла также? Или же оба они вынуждены были уйти в результате интриги, имевшей целью их свержение? У меня нет доказательств, что здесь была борьба, и нет возможности сейчас просмотреть многочисленные издания того времени.

В октябре 1909 года Пуже издал замечательную книгу, подписанную также Пато, чье имя было известно публике, тогда как имя Пуже было мало известно и его деятельность мало замечена, скрытая стенами редакции газет „Отец Пейнар“ и „La Voix du Peuple“ или стенами Генеральной Конфедерации Труда. Упомянутая книга „Как мы сделаем революцию“ (Париж Ж. Таланье, VIII, 298 стр.) была напечатана с прибавлением предисловия Кропоткина, а затем вторично, в 1911 году, в издании „La Guerre Sociale“, XIII, 298 стр. Кропоткин написал длинное письмо к Пуже, и последний обратился к Кропоткину с просьбой разрешить напечатать это письмо в виде предисловия к новому изданию. Кропоткин ответил, что предпочитает переделать его для напечатания в виде предисловия. В русском переводе, сделанном Лидией Гогелля (издание Голоса Труда, 1920, 239 стр.), Кропоткин переделал предисловие и прибавил к нему страничку, помеченную „Дмитров, июль 1920 г.“.

Ансельмо Лоренцо перевел эту книгу на испанский язык, Фред Чарлс и его жена — на английский (Оксфорд 1913), Рудольф Роккер — на немецкий (Берлин 1930). Возможно, что книга была переведена и на другие языки. В числе из-

даний газеты Эрво „La Guerre Sociale“, перепечатаны были также 4 брошюры Пуже о синдикализме, приблизительно в 1916 г. Другие перепечатки появились в Нанси, в издательстве „Пробуждение рабочего“, около 1921 г. Брошюра „Синдикат“ вышла и в русском издании (Санкт-Петербург, типография „Грамотность“, 1907, 32 стр.), а „Основы“, „Синдикат“, „Партия Труда“ и „Генеральная Конфедерация Труда“ были изданы под заголовком „Основы синдикализма“ издательством „Голос Труда“ в 1922 году, 132 стр., 5,000 экз. Несколько из этих брошюр имеются на испанском языке, некоторые из них на итальянском и один („Синдикат“) — на немецком в переводе д-ра Тоблера, сделанном в Цюрихе в 1907 году, где местное синдикальное движение начало развиваться, и где Пуже очень ценился.

Написанное Кропоткиным предисловие замечательно в том отношении, что дает представление о том, как он отнесся к социалистическим идеям или, скорее, предвидению, не сходящему с его собственными взглядами. Много лет тому назад, в конце 1889 г., он также написал критический отзыв о книге Беллами „Через сто лет“, и о книге того же самого автора „Равенство“, которая еще больше его заинтересовала. Свою собственную книгу — Хлеб и Воля он изображает как „Коммунальную утопию“, т. е. городскую коммуну, объявившую свою независимость“. Так именно обстоит дело, и это его ценное, личное понимание, подобно тому, как утопия Пуже об осуществленном синдикализме была личным пониманием Пуже. Пусть это помнят те, кто приписывает выдающемуся коммунисту-анархисту Кропоткину или превосходному синдикалисту Пуже взгляды, имеющие характер законченного открытия, окончательного результата и безусловного решения. Если бы были такие едино-спасающие решения, то какое значение имел бы Кропоткин для Пуже или Пуже для Кропоткина, если бы взгляды одного или другого из них осуществились? Так как ни один из них не был монополистом большевикского

типа, то они, повидимому, пришли к соглашению в пределах их идей, мирных и честных. Для чего же нам сориться между собою теперь, когда еще так далеко до осуществления того и другого понимания задачи и когда открытыми остаются еще столько других возможностей?

После этой книги, которая была его лебединой песнью и которая—если я правильно понимаю его разочарования в 1908—09 годах—была написана в меланхолическом настроении, хотя она и кажется проникнутой бодростью,—после этой книги, которая была самым крупным литературным достижением революционного синдикализма, произошла странная вещь: либо синдикализм во Франции перестал нуждаться в таланте Пуже и в его продуктивной работе, или же сам Пуже порвал с синдикалистами и перестал считать Генеральную Конфедерацию Труда организацией, имеющей перед собой революционные возможности—те, которые всегда были дороги Пуже и были его главной целью. Он не сотрудничал в большой ежедневной синдикальной газете “La Bataille Syndicaliste” (27 апреля 1911 — 23 октября 1915). Я нашел его имя в числе сотрудников в позднейших номерах “La Bataille” (8 ноября 1915—31 дек. 1920; см. Анри Зисли в “Le Semeur” от 9-го марта 1927), но мне неизвестен характер его сотрудничества, я не знаю, много или мало статей он печатал, носили ли они характер журналистики или же он вкладывал в них свою душу. Ему приходилось заниматься той или иной литературной работой все время, чтобы заработать на жизнь для себя и второй жены. Но он занимался анонимной и безразличной работой, как мне сказали. Он написал некоторые из тех безконечных романов, которые заполняют фельетонные столбцы многих парижских ежедневников. Только один такой роман был, повидимому, напечатан под его именем,—тот, который был напечатан социалистической “Юманите” в первой половине 1913 года, когда газета была расширена и имя Пуже придало ей интерес. Я нашел его имени под заглавиями за или против войны.

Он сам сказал мне в июне 1930 года, что он не писал о коммунизме.

Я видел, что на него произвел сильное впечатление огромный социальный переворот в России и что он примирительно относился к тем бедствиям, которые всегда возникают при таких переворотах, как это было также и во время Французской Революции. Но, хотя он и поправил, таким образом, некоторые из моих, быть может чрезмерно резких замечаний, я не заметил в нем малейших симпатий к коммунистическим партиям вне России, стремящимся силой навязать свой строй Франции или Испании, или Германии, или Англии и т. д. Он это не считал ценным для революции, а это главное. Ценным с революционной точки зрения он считал совместную работу анархистов и рабочих, ведущую борьбу в естественном согласии и с общим стремлением к освобождению. В этом духе он обращался к рабочим, принявшим участие в походе безработных в 1883 году. Он старался сделать все, что мог для объединения индивидуального и коллективного, анархического и народного бунта в период 1888—1894 годов. Он пытался вдохновить еще очень неразвитых рабочих в синдикалах духом антигосударственности, свободной преобразовательной деятельности и организованной солидарности. В итоге это была истинно—анархический и революционный дух. С 1895 до 1909 г. он сделал больше, чем кто-бы то ни было другой для этой цели и добился замечательных результатов. В то время, повидимому (я желал бы иметь более точные сведения по этому вопросу) ни один человек в этом большом, передовом движении не нуждался в выдающемся таланте Пуже. И ему приходилось перебиваться кое-как, как в то время, когда он впервые приехал в Париж, имея едва 15 лет от роду. Никто никогда не интересовался его воспоминаниями, записью его опыта в период 1880—1930, т. е. за 50 лет борьбы. Лишь за несколько месяцев до его смерти ему было сделано какое-то предложение писать о прошлом. Это предложение поступило от той

фракции синдикализма, которая некогда присоединилась к коммунизму, а потом покинула коммунистов, но еще не отделилась от троцкизма и, повидимому, до некоторой степени сочувствует политическому социализму. Это предложение он отклонил, хотя люди, сделавшие это предложение, действовали в дружном духе и были вежливо приняты им.

Я нашел его несколько постаревшим в 1931 году и узнал, что хроническая желудочная болезнь заставила его сильно страдать. Но его лицо приняло прежнее выражение энергии и живости и дружественно-саркастическая улыбка подчеркивала многие его замечания, когда мы говорили о старых временах — 1875—1895 г.г. Я намеренно не касался синдикалистского периода, оставив этот предмет для моего посещения в текущем году. Я посетил бы его за месяц до его смерти, если бы сам не заболел в Париже и не лишился бы таким образом возможности повидать старых друзей. Он жил в маленьком домике далеко на юг от Парижа, в долине Шеврезы, но ему часто приходилось ездить в Париж и собирать там объявления для каталогов выставки картин. Эти каталоги он помогал издавать. Другого употребления не нашлось для сохранившихся в полной силе способностей этого человека, редкий талант которого был общепризнан, который обладал крупным умом, острым пером и сердце которого было предано нашему движению.

Даже его некрологи были, в сущности, его собственным делом, ибо весной 1907 года он описал свою жизнь Виктору Мерику, который обработал полученные сведения и напечатал их в номере 27 своей серии „Знаменитости дня“ (портрет и 3 стр. биографии), а затем все было пере-

печатано в „Либертере“ от 28 августа и послужило основой для биографии Пуже, написанной Полем Дельсаль „Le Cri du Peuple“, (29 июля—5-е августа) и Жоржем Ивето („La Voix Libertaire“, Лимож, 15 сентября). Самостоятельные личные штрихи можно найти только у Мориса Шамбеллана в его статье „Мое последнее посещение Отца Пейнара“, напечатанное в „Cri“ от 29 июля. Краткое изложение этих сведений перепечатано в качестве брошюры „Памяти Эмиля Пуже“ с выдержкою из „Отца Пейнара“ (Париж, Дельсаль 24 стр.) с приложением также портрета Делона, напечатанного в 1907 году в серии „Знаменитости дня“. Я начал писать о Пуже для „Синдикалиста“ (Берлин), для Нюарского „Adunata dei Refrattari“ и для „Пробуждения“ на основании того, что Пуже рассказал мне в 1930 году и пользуясь также другими сохранившимися в памяти материалами. Все это я дополняю теперь некоторыми подробностями, замеченными из упомянутых некрологов.

Пуже скончался 20 июля 1931 г., повидимому без страданий, ибо он был найден мертвым, сидящим за своим письменным столом, который, помнится мне, стоял в маленькой комнате во внутренней части дома. Будем помнить об „Отце Пейнаре“, которому анархизм обязан многим, а синдикализм еще больше. Он дал синдикализму то, чем он был очень беден: идеализм и анархическую идеологию. Еще раз повторяю, что линия Марата, Бланки, Прудона, Варлена была достойно продолжена, по моему убеждению, Эмилем Пуже — незабвенным „Отцом Пейнаром.“

М. Неттлау.

19 ноября 1931 года.

А. ГОРЕЛИК.

За что и как убили Льва Черного



ЛЕВ ЧЕРНЫЙ.

**

После некоторого пребывания в Бутырских одиночках, мы в январе 1921 года были выпущены на свободу в Москве, без права выезда. Некоторые устроились и выехали обратно на Украину. Но моя подруга, товарищ по идее, вместе со мною арестованная и вывезенная из Харькова, была беременна и нам ничего не оставалось как устроиться до поры до времени в Москве.

Но для нас это была задача нелегкая. Мы были вывезены из Харькова кто в чем был: у нас с подругой, на обоих, была одна пара ботинок и одно пальто, и для того, чтобы взять нас в Всеукраинскую чеку, чекистам пришлось реквизировать у одной коммунистки пальто и ботинки для подруги. И выпущенные на свободу

в Москве, мы оказались в крайне тяжелом положении.

Первую пару ночей мы переночевали у Ярчука, а потом нас взял к себе рабочий булочник, живший в доме пекарей на Тверской. И хотя домовый комитет согласился на наше пребывание в этом доме, прожить нам долго там не удалось.

Не прошло и недели, как Чека начала тревожить домовый комитет, требуя нашего выселения. Комитет старался отстоять нас, и легализовать наше пребывание в комнате товарища. Но нам стало известно, что комитету угрожали арестом, и мы решили не подводить их и ушли из дома пекарей, ночуя где попало и как попало.

Анархическая пропаганда в Москве, благодаря ряду причин, к этому времени было свелась на нет. Существовали легально несколько советско - настроенных групп и пара столовых. Анархическими центрами были в то время столовые универсалистов группы Аскаров — Бармаш и анархический клуб, который незадолго до нашего освобождения начал организовывать Лев Черный вместе с небольшой группой товарищей. Этот то клуб вскорости стал центром развернувшейся тогда анархической пропаганды и центром анархической активности в этот период в Москве.

Лев Черный, индивидуалист — ассоционист, ярый противник коммунизма даже анархического, был человеком крайне чуткой души и преданнейшим товарищем.

Отстаивая свои взгляды, он никогда не старался навязывать другим и свои взгляды. И редко кто мог так ужиться с товарищами разных тенденций, и даже с людьми разных идеологий, как Лев.

Со Львом Черным я переписывался еще в 1918 году, как секретарь Бюро Ана-

рхистов Донецкого Бассейна. Но в Москве мне пришлось узнать его поближе, и мы скоро с ним подружились. Целые вечера, а иногда и ночи приходилось проводить с ним в дискуссиях и беседах об общем положении, о принципах и основах анархизма и о многих других проблемах и вопросах. В это время Лев закончил одну свою работу по социометрии, и он дал мне ее для прочтения, прося дать свое мнение о ней. Мы понятно, во многом с ним резко расходились. Но Лев Черный был до крайности терпим и к тому еще не очень охот до пустословия, и беседы с ним всегда отличались крайней дружелюбностью.

У него в то время был закончен целый ряд работ по разным социально-общественным, экономическим и культурным вопросам. И он имел разработанной особую свою систему шахматной игры. Он несколько раз старался мне ее объяснить, но я так и не понял ее. Жаль если эта его работа затеряется.

Но Лев Черный вообще больше любил делать, чем говорить. И часто наши беседы с ним заканчивались дружеским мытьем полов в клубе или вообще уборкой.

Лев Черный никогда не избегал даже самой грязной работы и отличался удивительной способностью заражать других своим примером. Никогда и ни перед кем он не кичился, не заносился и со всеми обходился равно. И в Москве его уважали все знавшие его, даже и среди коммунистов.

У Льва Черного была большая личная семейная трагедия. Сестра, сильно любившая его, помешалась после одного из его арестов и так и осталась на всю жизнь с манией преследования, что Льва преследуют.

Помню рассказ Льва Черного, как однажды она в Париже камнем разбила голову полицейскому, когда ей показалось, что этот полицейский, шедший случайно сзади них, будто следит за Львом.

Страдал Лев от этого несчастья сестры невероятно. И после дня работы в клубе, он спешил домой помыть и убрать в комнате, где они жили, чтобы хоть немного содержать в человеческих условиях старушку мать, полупомешанную сестру и ребенка.

Он был в полном смысле слова полон святого терпения по отношению к этой больной женщине.

Однажды, когда мы уже начали в клубе устраивать публичные лекции, вдруг сестра Льва заявляет, что она тоже приготовила лекцию крайне интересную и важную... о барижских модах, и хочет ее прочесть публично. Мы были в изумлении и не знали что делать. Но видя страдания Льва, мы решили устроить эту лекцию и человек 15 мы высидели несколько часов, выслушивая ее бредня о модах.

Таков был Лев Черный как человек.

Льва Черного большевики ненавидели с первых дней своего пребывания у власти. Уже во время разгрома Московской Федерации Анархистов и Черной Гвардии в апреле 1918 года, большевики было хотели элиминировать его. Как секретарь Московской Федерации Анархистов и организатор Черной Гвардии, он им был сильно ненавистен.

Но Льва хорошо знала революционная Москва, и он считал среди своих друзей многих видных коммунистов, как Лев Каменев, председатель Московского Совета, Ярославский, секретарь Ц. К. Р. К. П. и др., и большевикам невозможно было тогда это сделать.

Но особенно сильно разгорелась у большевиков злоба, когда, после взрыва Московского Комитета Коммунистической партии, стало известно, что первая подпольная анархическая прокламация в Москве была отпечатана у Льва Черного в квартире. В Красной Книге В. Ч. К., выпущенной в 1919 году в связи с взрывом Московского Комитета, имя Льва несколько раз упоминается.

За эту его подпольную работу, он преследовался и поносился не только большевиками, но и большевистовавшими в то время анархистами.

Вот случай, известный мне от видных московских анархистов и некоторых иностранных делегатов на Первый Съезд Профинтерна. Случай этот имел место уже перед самым арестом Льва в 1921 году.

Иностранные делегаты, анархисты и революционеры на Первый Съезд Профинтерна сначала относились крайне недоброжелательно к утверждениям легальных анархистов, что большевики преследуют анархистов за их убеждения. Настолько, что испанско - французский товарищ Леваль пробрался на свидание к нам в Таганскую тюрьму, чтобы лично удостовериться в этом.

Но понемногу делегаты начали узнавать правду о положении анархистов в России и также, что на свободе имеются анархисты и не сотрудничающие с большевиками и открыто борющиеся с ними, и они захотели, чтобы были приглашены на их собрание с анархистами товарищи всех тенденций, среди них и Лев Черный.

Но когда анархо - синдикалист Х. в доме которого должно было состояться это собрание, узнал, что на это собрание был приглашен и Лев Черный, он запротестовал и категорически отказался согласиться на присутствие Льва, угрожая уйти с собрания, если будет присутствовать Лев. И Лев, понятно, не присутствовал.

Лев Черный был анархистом прежде всего. Его душа и его чувства были открыты для всех людей без исключения. Он был истинным революционером без злобы и жажды мнений. Борец за свободу без страха и сомнения, он искренне и чисто, как ребенок, нес все лучшее своей души и своих чувств и мыслей на службу и для пользы человека и человечества. Он никогда никому не отказывал в своей дружбе и своей помощи. Он любил всех

людей. Все люди без исключения были для него человеческими личностями и всех их он любил.

Живя в ужаснейшей нищете, он мыслями и чувствами обретался в мире лучшей жизни и всеобщего благосостояния человечества.

О себе лично он очень мало думал и собою почти никогда не занимался.

Но зато сильно занимался и очень интересовался участием и судьбою товарищей и делал все возможное, чтобы все преследуемые и гонимые властью за анархические идеи, без различия идеологий и тенденций, имели что покушать и где поспать.

Таков был Лев Черный как анархист и товарищ.

Многие анархисты, привезенные Вечевой из разных концов России в Москву, оказывались там в крайне тяжелых условиях. Большинство из них не имели чем прикрыть тело от зимней стужи, ни где отдохнуть. И мы начали подумывать как бы добыть для освобожденных анархистов какуюнибудь одежду, и вообще как бы наладить лично дело помощи преследуемым и заключенным анархистам.

В Москве в то время существовало столько красных или черных крестов, сколько было групп, и нам пришлось немало выслушать жалоб и ругани, прежде, чем удалось объединить всех их и создать один Всероссийский Черный Крест.

Чтобы удовлетворить анархо - синдикалистов, пришлось внести в дело помощи кой какие официальности и даже составить вместе с Павловым и Маркусом устав этого Всероссийского Черного Креста в целую тетрадь.

Наконец удалось уладить все распри и уговорить всех несогласных, и мы взялись за налаживание снабжения.

С хлебом обстояло не плохо. Рабочие булочники нам его давали сколько могли. Лев взялся за добывание продуктов, а мы за добывание одежды для освобожденных.

После больших усилий и бесконечных хождений, нам в конце концов удалось добыть в М. П. О. 40 комплектов одежды для освобожденных анархистов.

Среди освобожденных числился также и Лев Черный. Но нам стоило много труда уговорить его, чтобы и он получил полагающуюся ему, как освобожденному из тюрьмы, одежду.

А ходил он тогда в солдатских штанах, шинели и папахе (шапке) и, высокий с черной гривой, выглядел как арестант. Но все таки он настаивал, что заключенные находятся в еще худшем положении, чем он и им одежда больше нужна. А он может обойтись и так.

Среди освобожденных в то время находился также и некий Барон-Штейнер, с которым я тогда и познакомился.

С первого же раза этот Барон-Штейнер произвел на меня какое то неважное впечатление. Он был слишком угодливым, старался быть всегда чем нибудь в помощи и с первого же дня начал зазывать к себе.

Положение мое в то время было довольно тяжелое. Чека, выжив нас из дома пекарей, не давала мне больше покоя. Достаточно было переночевать в каком нибудь доме пару ночей, чтобы чекисты наведывались туда. Особенно, когда понемногу нам удалось развить и развернуть нашу пропаганду.

Тогда пребывание мое в каком нибудь доме достаточно было, чтобы туда явились с визитом агенты Чеки. На лекциях чекисты нахально садились около трибуны и стенографически записывали все, что говорилось. Неоднократно, чтобы выставить их перед публикой, я в шутку просил дать и мне копию их стенографического отчета.

Чтобы дать представление о том, до чего доходило, укажу следующий случай. После лекции в одном высшем Московском Институте, мне, для того, чтобы пойти переночевать в клуб, пришлось бы проко-

лестить пол-Москвы, и один из студентов предложил пойти ночевать к нему.

Но я заметил, что около нашей группы подвизался настойчиво чекист, и решил не подводить парня. И в сопровождении целой группы студентов, которые предложили меня сопровождать, пошел спать в клуб на Чернышевский.

В ту же ночь на квартиру к этому студенту, который предложил мне ночлег, явились чекисты и настойчиво допрашивали обо мне.

Положение мое становилось изо дня в день невыносимым. Приходилось спать как попало и где попало, перебиваясь в ужасных условиях.

Это мое личное положение имеет здесь большой интерес, ибо, как видно будет ниже, оно послужило тому, чтобы раскрыть ту провокацию, жертвой которой впоследствии погибли Лев Черный, Володя Потехин, Фаия Барон, Каширин и другие анархисты.

Среди посещавших в то время клуб находился некий С., которого я знал еще в 1917-18 г. г. в Екатеринбославе.

Сестры его и шурин—старые товарищи, с которыми я был близок. Но сам С., хотя и вертелся иногда в анархических кругах, был человеком не совсем разборчивым в средствах.

Хороший гравер и художник, он обладал способностью в минуту подделывать любую подпись, сделать любую печать. И будучи человеком не очень сильной воли, он не всегда способен был противостоять соблазну легкого добывания средств.

Об этом меня предупредили его же сестры, когда он и некоторые другие ребята было предложили мне средства для издания анархической газеты в Екатеринбославе. С тех пор я с ним был всегда очень осторожен.

Этот С. и Барон-Штейнер поддерживали в это время в Москве довольно хорошие отношения, и часто я их встречал вместе.

Позднотой этого С. в то время была

некая коммунистка, заведывавшая жилищным отделом в Лефортовском районе. И С. начал уговаривать меня пойти с ним к ней, чтобы устроиться с комнатой. И раз даже пришел с ней в клуб, и она обещала это устроить.

Но пропаганда поглощала меня всего настолько, что и думать некогда было о себе, и я все откладывал этот вопрос.

К тому же, я был уверен, что меня недолго оставят на свободе и ждал со дня на день своего ареста.

Но вот студенты устроили одну мою лекцию в Высшем Техническом Училище и помимо этого, пригласили меня на собрание к ним в Лефортовский район.

Барон-Штейнер появлялся в клубе не часто. Но вдруг в этот день он появился сейчас же после обеда, и начал уговаривать меня воспользоваться случаем выйти раньше и устроиться с комнатой. Вскоре появился и С. и они вместе начали настаивать, чтобы двинуться сейчас же в путь.

Ввиду того, что я думал побывать там еще у некоторых знакомых, а также устроиться с ночлегом, чтобы ночью не возвращаться в клуб, я решил двинуться в путь как можно раньше.

Трамвай в то время уже был „советский“ и нашему брату он был не по карману. Так что мы начали измерять улицы Москвы шагами.

По дороге Барон-Штейнер начал забрасывать слова о плохом положении всех активных работников, о том, что преступление с нашей стороны так растратывать себя, голодая, холодая и изнураясь; что наши силы нужны и ценны и что такие люди должны быть оберегаемы товарищами, которые действительно дорожат анархистическим движением, и что средства для этого могут и должны найтись.

Этот разговор вызвал у меня недоумение и я насторожился. Я почувствовал, что этот разговор к чему то клонит. И действительно я тут не ошибся.

Не успели мы пройти и 20 кварталов, как Штейнер начал предлагать свернуть

на момент на одну из улиц, где находилось учреждение, в котором работали целый ряд товарищей. А когда мы подошли к помещению этого учреждения, он начал просить зайти с ними туда. Только на минутку, — убеждал он. Но мне стало подозрительным все это, я чувствовал что то неладное в том, как они вели себя, и я категорически отказался войти, несмотря на то, что довольно часто бывал там.

Видя, что их уговоры не помогают, они вошли сами. Сначала я было хотел сразу же уйти, но потом решил остаться ждать их. Меня заинтересовало их поведение и мне было интересно выяснить, что они тут затевали. Тем паче, что способности С. мне были известны.

Ждать их возвращения мне долго не пришлось, как не пришлось их спрашивать, чтобы выяснить в чем дело. Они сами начали излагать мне свои планы. Лучше говоря, излагал Барон-Штейнер. И то, что я услышал, привело меня просто в изумление.

По словам Барона-Штейнера оказалось, что у них уже все готово для фальсификации фальшивых денег; необходимо только еще уладить отдельные мелочи, но что у них еще не организована работа по распространению этих денег. И поэтому они хотели бы, чтобы я зашел с ними в это учреждение, ибо тогда им легко было бы достать вагон - мастерскую, в котором они могли бы развозить их по разным городам России без риска...

Но что меня больше всего изумило, это то, что Барон-Штейнер во время этого разговора несколько раз упомянул имя Льва Черного и другого товарища.

Мне стало ясно, что тут затевается какая то провокация, настолько несуразно было все то, что я услышал. Также для меня стало ясно, что С. только инструмент в руках этого Барона-Штейнера.

Мне хотелось дослушать его до конца, чтобы выяснить все, что им затевалось. Но терпение не выдержало и я ему тут же заявил, что он провокатор - чекист. Ибо только чекист способен затеять такую не-

суразную провесаацию в анархических рядах. И что только провокатор мог заниматься такой гнусной работой, ходить в клуб и компрометировать анархическую пропаганду. Что подобной личности может быть место только среди уголовных, и поэтому категорически заявил им, что если они еще раз хотя бы появятся в анархических рядах, или переступят порог анархического клуба, им не выйти оттуда живыми.

Барон-Штейнер всполошился, начал давать уверения, что если так, то все будет уничтожено; что он может быть ошибался, но он делал все это только для пользы движения и дал слово, что он больше в клуб ни вообще среди анархистов и погой не ступит, и что все подготовленное им будет уничтожено...

Я был так разволнован тем, что узнал, у меня уже не было сомнений, что эта работа рук чека, чтобы спровоцировать погром на анархистов, что я больше не стал его слушать и бросился искать Льва и С.П.

Когда я рассказал Льву все, что я узнал, он мне указал, что действительно он что-то об этом слышал, но не обратил на это особого внимания.

Он вообще перестал обращать внимание и принимать эти бредни горячих умов всерьез.

— "Неужели вы можете себе представить, что анархист серьезно может даже подумать о таких вещах. Это—просто сумасбродные головы и больше ничего. Смешно же придавать серьезное значение такой болтовне", заявил он мне.

Доверчивый, как ребенок, Лев настаивал, что это не больше как сумасбродство Барона-Штейнера и что не стоит это принимать так всерьез.

Но все таки согласился, что необходимо принять меры и закрыть для этих личностей двери клуба.

И действительно, вскоре дружба Барона-Штейнера с С. прекратилась. С. даже куда то уехал, а Штейнер больше нигде среди анархистов не появлялся.

8-го марта я был вновь арестован, и об этом инциденте окончательно было забыто, как забыли и о самом Бароне-Штейнере, пока уже сидя в Таганской тюрьме не начал получать вновь сведений с воли.

Подруга моя, беременная, как фельдшерица, добилась устроиться в доме Матери Ребенка, где ее пару раз навесил Лев. От нее я узнал, что Лев Черный приходил раз, чтобы подруга постаралась достать типографскую краску, которая Льву для чего то была нужна. Подруга как раз имела в то время возможность достать это.

Из других источников мне стало известно, что подпольные группы товарищей, спасшиеся от арестов, продолжали свою работу по подготовке издания анархического органа в Москве.

С этими группами я был связан, будучи на воле, и знал, что и Лев с ними связан. А подпольная работа при большевиках — вещь нелегкая. Если при царизме врагом был реакционер, то теперь врагом свободного анархического слова стали вчерашние рабочие революционеры пезуты — марксисты.

Приведу здесь одну небольшую картину из подпольной анархической работы при большевиках.

Одна из московских подпольных групп занялась кропотливой работой оборудования подпольной типографии и по кусочкам начали сносить ее на квартиру одной студентки медички, которую назовем здесь Марусей.

Группа эта состояла только из пяти человек: хозяйки квартиры, двух рабочих в типографии, одного рабочего и одного студента для связей. И только двое последних соприкасались с рабочими и студенческими кругами.

Трудности при подпольной работе приходилось преодолевать не меньше, чем при царском режиме. Но там, где свободное слово запрещено, оно тысячами путей пробивается из подполья.

Когда все было готово в типографии, товарищи пригласили меня на совещание о

выпуске первого номера подпольной газеты. Типография помещалась в подвальном помещении небольшого каменного домика в... районе Москвы. Фактически, помещение это раньше служило для ссыпки угля, дров и т. п. Но во время революции переднее отделение подвала превратили в комнату, имевшую дверь в задней стене, которая вела в другое помещение, откуда уже имелась дверь во двор дома. Именно эту заднюю комнату и выбрали под типографию. Стены обили войлоком и чем попало, чтобы уменьшить силу шума машины при работе. Мебель вся была самодельная. Одним словом типография была самая настоящая подпольная.

Когда мы уже собирались уходить, вдруг товарищ, наблюдавший за улицей, извещает, что идут чекисты.

Положение было безвыходное, и некоторые товарищи растерялись. Но вдруг Маруся начала нами командовать. Она нашла выход.

Рабочих она втиснула в типографию. Дверь в задней стене мы наскоро завели простыней и сверху повесили все тряпье, которое у нее только было. Придвинули кровать к этой двери. Маруся наскоро сбросила с себя одежду и юркнула под одеяло.

— „Вы мой муж, оденьте мои очки. А ты мой доктор помогаешь мне рожать. Одень тот халат и засучи рукава“.

Все это было делом минуты. И было сделано этой 18-ти летней девушкой — идеалисткой так просто, так наивно, что мы были даже рассмеялись.

Но слышались приближающиеся шаги, и наша Маруся начала охать и стонать, звать мать и причитывать. А когда первая кожанная куртка ввалилась в дверь, перед нами лежала настоящая роженица.

Она держала меня за руки и я чувствовал, что рука ее вся горит. Маруся ни на минуту не оставляла меня в покое, стараясь, чтобы вопреки не видели моего лица. Как она потом объясняла, она боялась, чтобы меня не узнали чекисты.

Сцена родов была ею так реально разыграна, что чекисты, пошарив немного в

комнате, ушли.

Из их слов мы поняли, что кто то принес, что в этом доме делается что-то подозрительное.

— Ну и осел же он! Ясно тут что-то подозрительное: баба родит“, выругался один.

— „Ну прощайте! Продолжайте с вашей „конспирацией“. Только не вздумайте, милая, двойную конспирацию на свет произвести. Еще слишком молоденькая для такой „конспирации“, подшутил другой, подмигнув лукаво глазом, и они ушли.

Около двух часов еще после этого наша „роженица“ продолжала рожать. Авось этим друзьям заблаторассудится наведаться посмотреть нашу настоящую конспирацию.

И только на следующее утро я смог выбраться оттуда.

**

С рядом таких групп был связан и Лев. В некоторых мы бывали вместе.

Под маской сухости у Льва Черного теплилось мягкое сердце и горячая душа. И именно к такой молодежи полной идеализма, самопожертвования и преданности идеалу, он был привязан всей душой.

У этих он никогда не спрашивал: „Како веруешь?“ Этих он любил всей душой и помогал им всем, чем мог, не оставляясь ни перед какой опасностью, чтобы помочь им в их работе, даже если он с ними и расходился во многом и многом. И в конце концов, даже заплатил за это своей жизнью.

И молодежь в свою очередь любила Льва. Со Львом они себя чувствовали всегда хорошо. Ибо Лев их не поучал и не наставлял, а помогал чем мог в их работе и делился с ними своим опытом и своими знаниями.

И именно за это его влияние на молодежь, за эти его связи с подпольными группами он был так ненавидим чекистами и коммунистами так искали случая отделаться от него.

**

Уже за некоторое время до своего последнего ареста Лев почувствовал за собой слежку и даже ходил к некоторым членам

Ц. К. Р. К. П. к своим личным друзьям протестовать против этой бесконечной слежки. Если хотят его взять, говорил он им, то они могут это сделать, но зачем эта бесконечная и надоедливая слежка.

Но его друзья коммунисты его уверяли, что ничего серьезного нет. А Ярославский, секретарь Ц. К. Р. К. П. даже заявил ему, что ему нечего беспокоиться и выразился, что на то ведь эти типы и чекисты, чтобы за кемнибудь шпионить.

Было ли это просто иезуитским лицемерием, или действительно чекисты работали за свой собственный счет, но факт тот, что Лев вскорости после этого был арестован. И уже больше из Чека не вышел.

В начале июля анархисты в Таганской тюрьме объявили политическую голодовку и раскрыли перед иностранными делегатами на Первый Съезд Красного Профинтерна, что анархисты в России преследуются за свои идеи. Ленин, Троцкий, Дзержинский и все другие вожди коммунистов заверяли иностранных делегатов, что в советских тюрьмах нет арестованных анархистов, а сидят только уголовные и бандиты, именуемые себя анархистами. Но когда дело дошло до предствления делегатам доказательств и конкретных обвинений, то больше чем свое „честное“ слово ничего делегатам коммунисты дать не могли.

Но делегаты требовали данных, а не слов, и дело об анархистах России всплыло даже и на заседании самого съезда Профинтерна. Бухарину было поручено. Ц. Комитетом доказать делегатам во что бы то ни стало, что русские анархисты не—анархисты, а бандиты.

Но коммунисты попались на наглости: делегаты правду о русских анархистах узнали и французский анархо-синдикалист Сироль выступил с ответом на речь Бухарина от имени заграничных анархистов и революционеров в защиту русских анархистов.

Большевики бесились. Их niskий и бесчестный иезуитизм был раскрыт перед всем революционным и рабочим людом, и они решили сфабриковать громкое уголов-

ное дело против анархистов. И провокация с фальшивыми деньгами была вновь пущена в ход. Провокаторы заработали вновь, и на Льве Черном, Фане Барон, Володе Потехине, Каширине и других опять выместили всю свою злобу.

—оОо—

17 сентября 1921 года, после двухмесячного ожидания высылки за границу в тюрьме, нас наконец выпустили на свободу для ожидания нашей высылки.

О Льве Черном получались самые успокоительные сведения. Даже надеялись, что его скоро освободят. По крайней мере, некоторые коммунисты у руля власти высказывались в таком духе.

В конце сентября мать Льва пошла просить свидания с ним и ей ответили, что Лев не совсем здоров, но что в четверг на той же неделе ей дадут с ним свидание. Но на следующий же день после этого, вдруг прибегает сестра Льва на квартиру, где жили мы, с криком, что убили Льва и Николая Павлова.

Зная ее, как больную, мы сначала на это не обратили серьезного внимания. Но потом решили все таки выяснить в чем тут дело. Мы начали запрашивать где могли, чтобы выяснить, что случилось со Львом.

Вскоре же выяснилось, что одна видная коммунистка известила семью Льва о том, что появились слухи, что будто Лев умер.

Начали наводить справки в большевистских центрах и всюду нам отвечали, что эти слухи должны быть вздорными. Ибо если бы действительно что-нибудь случилось со Львом Ц. К. партии наверное знал бы об этом. Лев Каменев, председатель Московского Совета в то время и близкий друг Льва Черного, обещал выяснить, что случилось со Львом и свое слово сдержал.

Московская Чека, в ведении которой находился Лев, все время отделивалась от нас незнанием, или уклончивыми ответами.

Но нам удалось взбазамутить большевистское болото. Засуетились многие друзья Льва из большевиков и хорошо знав-

шие его, и уже через пару часов нам удалось добиться, чтобы член коллегии Московской Чеки, в конце концов, нам ответил что ничего особенного со Львом не случилось, а что он только болен и находится в больнице.

Это еще более обеспокоило нас. Это доказывало, что со Львом что то творится неладное и Аскарлов начал нажимать на Каменева и других видных большевиков, чтобы выяснить в чем дело.

Наконец часам к пяти вечера, после довольно длительного совещания коллегии М. Ч. К., член ее, Леонов, или Леонтьев, теперь хорошо уже не помню, нас официально известил, что Лев Черный скончался, несмотря на все их старания спасти его.

На высказанные нами сомнения. этот Леонтьев нас заверил от имени коллегии М.Ч.К., что Лев не был расстрелян, а умер от болезни своею смертью.

Разговор этот велся нами по телефону из помещения анархистов - универсалистов. Посоветовавшись наскоро между собой, мы решили потребовать выдачи нам тела Льва, чтобы похоронить его как анархиста и товарища.

Сначала нам начали указывать из Московской Чеки, что это, мол, неудобно и что они сами похоронят, как подобает, Льва Черного.

Некоторые из товарищей было действительно поверили в эту сказку про смерть Льва и уже было завели разговоры о подготовке к похоронам его. Но мы несколько товарищей не сомневались уже, что большевики Льва Черного убили, но что просто ищут как выпутаться из провокации, которая очевидно тут была затеяна. И мы решили выяснить все до конца.

Начали опять звонить к видным коммунистам в Центральный Комитет Коммунистической партии, в президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. Некоторое время все еще старались от нас отделаться пустыми обещаниями. Но в конце концов нам было отвечено официально, ясно и определено, что тело Льва Черного нам выдать не могут и что на следующий день будет в

газетах официальное объяснение о смерти Льва Черного. Больше этого добиться мы уже ничего не могли.

Это был кошмарный день. День полный неожиданностей и который не легко стирается из памяти. Всю почти ночь мы провели обсуждая случившееся. У нас уже не было больше сомнений, что тут было совершено гнусное, ничем не оправдываемое, убийство. Большевики хотели сначала скрыть смерть Льва, потом признали, что он умер от болезни. Но у нас уже не было сомнений, что убили Льва большевики.

— ** —

Но что мы прочли на следующий день в газетах превзошло все, что мы могли себе вообразить. Оказалось, что вместе со Львом был убит целый ряд анархистов. Жертвами марксистского садизма пали Фаня Барон, Володя Потехин, Каширин и др.

Но самое возмутительное и мерзкое было то, что постарались выставить их как фальшивомонетчиков. Но при всем этом, даже у Ленина и Троцкого, не хватило наглости заявить прямо, что Лев Черный был фальшивомонетчиком. Они хорошо знали, что этому не поверили бы и их сподвижники по партии. И они представили настоящее имя Льва Черного — Павел Турчанинов. А Павла Турчанинова почти никто не знал даже и среди анархистов.

У меня лично уже не было больше сомнений, что тут дело не обошлось без Штейнера-Барна и действительно оно так и оказалось.

Большевики хотели дискредитировать анархистов и решили создать громкое дело, используя для этого старую подготовленную провокацию. Но непредвиденные обстоятельства раскрыли дело раньше времени и сорвали их марксистскую затею.

Но если им и не удалось дискредитировать русских анархистов в глазах заграницных рабочих и революционных масс, они выместили на этих идеалистах свою злобу.

Но большевики не только убили безо

всякой вины этих анархистов, но еще и бесчестно оклеветали их. В этом они показали себя верными учениками Карла Маркса.

Прожив около четырех месяцев на свободе в Москве и Петрограде, под вечным страхом стать жертвами садизма учеников Маркса, мы наконец в начале 1922 года попали в Берлин. Идя однажды по улицам Берлина с итальянским товарищем Гуго Трени, вдруг вижу навстречу движется тип с длинной шевелюрой, без шапки, одетый с иголочки, настоящий европеец. Я сейчас же узнал в нем Барона - Штейнера, и наскоро посоветовавшись с Гуго, мы решили, что необходимо у этого типа выведать, что можно о смерти Льва Черного.

Мы повернули обратно. Оказалось, что Барон-Штейнер меня уже узнал и тоже повернул обратно и, поровнявшись со мной, поклонился мне.

Мы остановились и Барон-Штейнер мне наспех передал, что он рад, что меня встретил. Ибо он приехал со специальной миссией от московских анархистов и искал меня, чтобы связаться со всей группой высланных и повести с нами переговоры.

Он хотел, чтобы мы сейчас же пошли куданибудь поговорить. Но я решил раньше посоветоваться с товарищами как мне быть со Штейнером. А помимо этого, я чувствовал, что мне будет трудно с ним говорить в тот момент.

Посоветовавшись с товарищами, я на следующий день пошел по указанному им адресу. Несколько часов провел я с ним в Тиргартене, выслушивая от него массу подробностей об этой удивительной по своей циничности провокации. Сначала Штейнер начал развивать предо мной сумасбродный план, предложенный будто бы большевиками о договоре, по которому мы отказываемся от ведения за-границей анти-большевизмской пропаганды, а взамен большевики предоставят анархистам целую провинцию для эксперимента безвластного строительства.

В конце концов, мне удалось перевести разговор на смерть Льва Черного. В

течение почти двух часов он мне рассказывал об их аресте (он был арестован одновременно со Львом Черным), как их допрашивали, как их избili и над ними издевались. Что все это дело, в которое их хотели втянуть, было подготовлено Чеккой и что один бывший анархист-шофер будто спровоцировал все это дело.

В день ареста, по словам Штейнера, этот шофер занес пачку фальшивок ко Льву, когда его не было дома. Мать Льва, знавшая его, разрешила ему оставить этот пакет и положила его под кровать. А в это время чекисты уже имели приказ об аресте Льва Черного и поджидали его возвращения домой. И что не успел он войти в дом, как они нагрянули и взяли его.

Сначала положение Льва было хорошее. На допросах, как всегда, он держал себя просто, но с достоинством и пользовался всеобщим уважением на корабле (тюрьме Московской Чеки) и что все, в том числе и Лев, были уверены, что его освободят.

Но что его положение вдруг ухудшилось и что это было приблизительно после нашей голодовки в Таганской тюрьме. И что когда он видел Льва за неделю до расстрела, Лев ему показывал свои руки, которые были изможены и полны ран и рассказал ему, что его сильно пытали, требуя, чтобы он или отказался от анархической пропаганды, или подписал признание, что он участвовал в подготовке фабрикаци фальшивых денег. Лев, понятно, от одного и другого категорически отказался, и его сильно мучили. Что вид у Льва, когда он его видел, был крайне болезненный и что он выглядел страшно постаревшим. Что Лев начал было ему рассказывать подробности об этих пытках, но что конвоиры им не дали больше говорить, и что с тех пор он Льва больше не видел.

Рассказ его о смерти Фаия Барон был ужасающ.

Фаия будто сидела в угловой камере на том же коридоре, что и он. Вдруг однажды ночью он услышал страшный шум и крик в угловой камере, где сидела Фаия.

Несколько чекистов звали ее куда то,

а она отказывалась выйти из камеры, крича во всю силу:

— „Я не пойду! Вы меня хотите убить! Я не пойду! Убийцы!“

Несколько минут продолжалась эта неравная борьба. Фаня отбивалась от чекистов всеми силами. Так что чекисты сначала волокли ее по земле. Несколько раз она вырывалась и грузно падала на пол. Но в ковче концов, чекистам удалось унести ее на руках из коридора. Еще некоторое время были слышны ее крики. Но потом все затихло. Что потом он слышал, что Фаню просто убили, так как она отбивалась до последнего момента.

Один чекист спихнул ее ударом нагана по голове. А когда она упала, добил ее несколькими выстрелами в унор

О Володе Потехине ему передавали, что со своим обычным добродушием, он умер с улыбкой на губах, пожелав своим палачам не умирать такой же смертью.

Что Каширин, когда его вели на расстрел, сильно ругался и даже одному чекисту вплепал в морду и что последнее слово его было: — „палачи!“

Лев Черный, по его словам, когда его вели на расстрел, был весь седой, больной и разбитый; что вся его бодрость и юношеская походка исчезли. Но что умер он спокойно, не произнеся ни одного слова. Но что будто один из чекистов, присутствовавших при расстреле, Штейнеру сказал, что Лев произнес только одну фразу перед смертью, которую никто не понял, но которую он будто хорошо расслышал и как будто Лев сказал: — „Бедное дитя“.

Вслушивая Барона-Штейнера, я все время должен был сдерживать себя, чтобы не бросить ему в лицо все, что я чувствовал по отношению к нему. Но когда он начал описывать смерть Фани, Володи, Каширина, Льва, я больше не в силах был сдерживать себя и бросил ему в лицо все, что я знал и чувствовал в этот момент.

Барон - Штейнер сразу с'ехался, потерял свой апломб и заявил, что раз так, то ему здесь делать больше нечего;

что он поедет обратно в Москву, а для переговоров с нами придет будто Х. (и он назвал имя одного универсалиста из группы Гордина).

Я не был в силах больше сдерживать себя и ему просто заявил, что он провокатор и что пусть он не думает, что смерть Льва ему так пройдет безнаказанно.

Штейнер поблелел как смерть, начал понемногу отходить от меня, потом повернулся и быстро исчез.

Ни одного слова он не произнес, что бы оправдать себя. И у меня уже не было больше сомнения, что Барон - Штейнер — провокатор и что Лев Черный был одной из его жертв.

На следующий же день группа послала предупреждение о Бароне - Штейнере во всю анархическую прессу.

Через пару дней я видел Штейнера, произжающим на автомобиле по Тиргартену, но уже с обрезанными волосами в очках и с окончательно измененной внешностью. Он уже больше не был доктором философии, как он представлял себя до этого...

Когда Льва арестовали, его мать и сестра с ребенком остались в невероятной нищете. Товарищи должны были давать на пропитание. А мать его носила, вместе пальто, бывший мужской пиджак, на котором было наложено больше десятка заплат.

После же смерти Льва, они остались просто в безвыходном положении и несколько коммунистов, личных друзей Льва, во главе с Львом Каменевым, одели их, снабдили всем необходимым и отправили их в Воронеж к брату Льва.

Каменев, Ярославский и другие коммунисты хорошо знали, что Лев Черный не был фальшивомонетчиком, а чистой души бескорыстным идеалистом, павшим жертвой жажды мести медного лба и каменного сердца Великого Инквизитора земли российской В. И. Ульянова - Ленина.

Анатолий Горелик.

Буэнос-Айрес.

18/7/31.

Материалы по изучению анархического движения во Франции



(РАВАШОЛЬ В 1892 ГОДУ)

„Я восхищаюсь его храбростью, добротой его сердца, величием его характера и великодушием, с которым он простил своим врагам или вернее своим предателям. Для меня было бы затруднительно указать человека, который превосходил бы его благородством чувств. Я не буду касаться вопроса о том, хорошо ли взять верх чувства человеческой солидарности. Как бы там ни было, я принадлежу к тем, которые видят в Равашоле героя, одаренного редким величием духа“.

Элизе Реклю.

Ежегодная первомайская манифестация рабочих в 1891 году ознаменовалась кровопролитием. В Фурми волиция Третьей Республики стреляла в толпу, как в неприятеля, и убила девять человек: двух мужчин, четырех женщин и трех детей.

Жестокость и бессмысленность этой полицейской расправы долго волновали общественное мнение, но в конце концов дело кончилось, как полагается в таких случаях в стране с парламентским режимом, интерpellацией, речами и резолюцией.

Вторая схватка манифестантов с полицией произошла в Клиши. Менее значительная по своим последствиям, она прошла почти незамеченной, но ей суждено было сыграть видную историческую роль: она стала прологом к продолжавшейся почти три года полосе анархических покушений во Франции.

Событие разыгралось следующим образом: в два часа дня, в Леваду—Перре, небольшая группа в двадцать человек направилась от площади Республики по направлению к коммуне Клиши. Впереди шла женщина с красным флагом. Полиция настигла манифестантов и один из полицейских хотел вырвать у женщины красный флаг. Началась кровавая схватка. Грянул выстрел, за ним другой, третий... Один полицейский получил пули в щеку и плечо, другой в грудь. На выстрелы прискакали четыре конных жандарма и начали стрелять в манифестантов, которые, за исключением трех, все разбежались. Остались лишь рабочие: Декам, Дардар и Леверье. Они несмотря на то, что были ранены, защищались как львы, но в конце концов после отчаянного сопротивления были обезоружены, связаны и доставлены в арестный дом.

Там их „препарировали“ по всем правилам полицейского искусства: били палками, топтали каблуками, колотили прикладами, — пока они не потеряли сознания. У Декама было разорвано ухо, пробита височная кость и все лицо в кровоподтеках. Дардар и Леверье пострадали меньше, но тоже были сильно избиты. Леверье, которому жандармы во время сражения прострелили бедро, не мог добиться воды, чтобы промыть свою кровоточащую рану. Все трое на следующее утро были в таком виде, что приехавший для допроса судебный

следователь не мог произвести его, а спешно вызвал медицинскую помощь для наложения израненным повязок. Вскоре „преступники“ предстали перед судом. Их обвиняли в вооруженном сопротивлении полиции и нанесении ран блюстителям общественного порядка.

По обвинительному акту Дардар, в момент появления полиции, командовал своим товарищам, чтобы они стреляли. По словам самих обвиняемых они лишь защищались против насилия.

Самые тяжкие улики были против Декама. Он сопротивлялся с совершенно исключительной энергией — с отчаянием человека, которому терять нечего.

Расстреляв все патроны и лишившись кинжала, который то-же был пущен им в дело, он вырвал у жандарма пашку и ею наносил удары.

На суде все трое держались с большим достоинством и полным сознанием своей правоты. Декам сделал следующее заявление: „Я хотел спасти свою жизнь и свободу от покушений ваших пьяных агентов. У меня четверо детей... но вы можете тильотинировать меня. Я предпочитаю это. С меня довольно ваших тюрем и каторжных работ. Можете отрубить мою голову, — я гордо понесу ее на эшафот, ибо я честен. Я не буду защищать ее, я отдаю вам ее с возгласом: да здравствует анархия! Одной головой анархиста больше или меньше, — какое это имеет значение? Это не мешает Анархизму распространиться“.

Суд приговорил Декама к пяти годам тюремного заключения. Дардара к трем годам, а Леверье оправдал. Так окончилось это дело. Маленькое по размерам, оно, однако, вызвало большие последствия.

РАВАШОЛЬ В ПАРИЖЕ

История в Клиши прошла, как уже сказано, почти не замеченной ни общественным мнением, ни печатью.

Общественное мнение во Франции никогда не волнуется двумя вещами сразу, а в эту эпоху оно как раз было поглощено расстрелами в Фурми. Газеты же вооб-

ще предпочитают замалчивать неприятные события, когда дело касается политических противников, тем более, анархистов. Но в С.-Уэне, в С.-Дени и вообще во всех рабочих кварталах и поселках, где ютится скромная, но легко воспламеняющаяся беднота, только и разговоров было, что о мучениках Клиши. На сходках и собраниях произносились негодующие речи. Ненависть к власти имущим, затаенная в продолжении долгих лет, нашла себе законный выход. Ораторы требовали, чтобы мученики были отомщены, чтобы месть в первую очередь была направлена против председателя суда и прокурора, произнесшего обвинительную речь.

В то время на сцену появляется Равашоль, — человек действия или, как прозвали его буржуазные газеты, „человек всех действий“.

— Разговорами тут заниматься нечего, — сказал он, — действуйте!

Равашоль был человек умный и решительный. Он действительно был человеком „всех действий“. На его совести уже было пять убийств и несколько необычайно отважных ограблений. Он всей душой ненавидел богатых и был искренним другом всех бедных. Это правда. У него не было ее только по отношению к тем, которые сами строят свое благополучие на страданиях других, к беднякам же, ко всем страдающим, он чувствовал нежную любовь и всегда сколько мог помогал им. Стенка Разин по натуре, разбойник по профессии и анархист по складу ума, — что стоило такому человеку „динамитировать“ нескольких чиновников? Возмущенный до глубины души полицейскими издевательствами над рабочим людом и лицемерием „правосудия“, Равашоль решает „действовать“.

Он быстро находит себе помощников и приступает к делу. Предприятие вполне удалось. 11-го марта взлетает на воздух дом на бульваре Сен-Жермен, в котором жил председатель суда по делу Дардара. 27-го марта взлетает дом на улице Клиши, в котором жил прокурор. Ни тут, ни там жертв почти не было, за иск-

лючением небольшого числа раненых, но моральное влияние этих покушений было громадно. Весь Париж, Париж чиновников-тунеядцев и богачей, был облит паническим ужасом. Тем более, что „акты“ Равашоля были не единственными: 18-го марта взорвалась еще одна бомба в казарме Лобо. В рабочих кварталах Сен-Этьена, Роана, Лиона и во множестве других местах были произведены аресты. У всех подозреваемых в приверженности к анархическим теориям были сделаны повальные обыски. Встревоженное и перепуганное общественное мнение всюду видело бомбы. Суды и казенные здания охранялись усиленными полицейскими нарядами; все, кто только имел основание быть причисленным к классу эксплуататоров, дрожали и забирались по углам.

Но в один прекрасный день Равашоль был арестован. Официант в ресторане Вэри, куда он зашел пообедать, узнал его по приметам и, пока он ел, дал знать полиции.

Париж облегченно вздохнул. Кроты повывлезли из своих нор. Газеты, еще накануне ругавшие полицию за неспособность, воспевали ей хвалебные гимны. Навивные буржуа! Они думали, что с арестом Равашоля террористы уйцтежсны и их благополучие впредь никогда уже не будет потревожено. Каков же был их ужас, когда они увидели, что обманулись!

В самый день суда над Равашолем, утром, немного раньше открытия судебного заседания, Париж был оглушен страшным взрывом. Это взлетел на воздух тот самый ресторан Вэри, в котором был арестован Равашоль.

На сей раз осколками бомбы было ранено много народа и убито двое: хозяин ресторана и один из посетителей.

Более удачного момента нельзя было выбрать. Паника обуяла Париж. Суд над Равашолем происходил под впечатлением только что взорвавшейся бомбы и приговор был продиктован страхом. Вместо смертной казни, Равашоль получил лишь каторжные работы. Впрочем, отсрочка

ему была дана недолгая: его приговорили к смертной казни два месяца спустя.

СУД НАД РАВАШОЛЕМ

Судебное заседание открылось утром 26-го апреля 1892 года. На скамье подсудимых пять человек:

1) РАВАШОЛЬ, которого председатель суда прозвал „кавалером динамита“.

2) СИМОН, мальчик 18 лет веселого нрава и отчаянный головорез, но совершенно несознательный и ни к какой организации не принадлежавший.

3) ШОМАНТЭН, подлый человек, игравший в процессе роль предателя.

4) БЭАИА, рабочий — металлист, болязливый и запуганный, но на суде держался прилично, стараясь выпутаться сам, но так, чтобы никого не впутать и не подвесить.

5) МАРИЭТТА СУБЭР, сожительница Бэалы, безцветное существо, на все вопросы отзывавшаяся незнанием. Равашоль тоже старался выгородить ее, как и остальных товарищей, взваливая решительно все на свои собственные плечи. Зданье суда охраняется усиленно. Пропускают только по билетам. Зала переполнена адвокатами и журналистами. Быстро читается обвинительный акт и начинается допрос Равашоля. Мы приводим его почти полностью, с небольшими выпусками.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вас зовут Франсис-Август Кенигштейн, но вы более известны по фамилии вашей матери, — Равашоль.

РАВАШОЛЬ. Имя не имеет никакого значения.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вам 32 года. Вы никогда не были судимы, но по сведениям, имеющимся у нас, вы опасный преступник. На предварительном следствии вы не отрицали своих преступлений.

РАВАШОЛЬ. Наоборот, подтвердил.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. У вас нашли два револьвера, нитроглицерин, 25-картушей, фитили и вообще целую химическую лабораторию. Вы признаете, что хранили все это?

РАВАШОЛЬ. Совершенно верно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы во всем призна-

лись на следствии, вы даже познакомили нас с вашим прошлым, в частности с двумя преступлениями, которые вы совершили раньше. Я просил бы вас рассказать о них господам судьям.

РАВАШОЛЬ. Когда я говорил об этом, я думал, что меня будут судить за все вместе. Так как меня за это сейчас не судят, отказываюсь отвечать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тогда я позволю себе рассказать за вас. Это моя обязанность перед судьями.

Председатель излагает прошлое Равашоля и затем опять начинает допрос.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Когда вы приехали из Сент-Этьена, вы привезли с собою деньги. Сколько?

РАВАШОЛЬ. Шесть тысяч франков.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Они были у вас от ограбления монаха?

РАВАШОЛЬ. Совершенно верно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы прибыли в Сен-Дени под именем Леона Лежэ. Почему?

РАВАШОЛЬ. Потому что мое имя было известно полиции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. По приезде вы пошли к Шоматэну. Кто дал вам его адрес?

РАВАШОЛЬ (улыбаясь). Не помню. А если бы и помнил, то тоже не сказал бы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы были у Шоматэна, когда решено было взорвать дом господина Бенуа. Какие мотивы руководили вами?

РАВАШОЛЬ. Чувства гнева и негодования за то, что г. Бенуа вел пристрастно процесс Дардара и Декама.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. А когда вы взорвали дом господина Бюло? Что руководило вами тогда?

РАВАШОЛЬ. О, этот господин требовал смертной казни для отцов семейства, дети которых должны были быть подобраны товарищами и жены которых были обречены на голод и нужду! Он, в своей обвинительной речи, совершенно не принял во внимание, что полиция подверглась истязаниям Декама, Дардара и Леврье. А их истязали почти до смерти. Им даже не хотели дать воды, чтобы промыть раны!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы намеревались взорвать динамитом полицейский участок в Клиши. Почему?

РАВАШОЛЬ. Все за то-же. В этом участке истязали Декама.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вас там не было, — откуда же вам это было известно?

РАВАШОЛЬ. Вас тоже не было в Шамбле, когда я грабил монаха.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Впоследствии вы отказались от проекта взорвать участок. Почему вы раздумали?

РАВАШОЛЬ. Потому что я решил взорвать кое-кого чином повыше.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, но вам кроме того поменяло совершить преступление при отсутствии полицейского на посту?

РАВАШОЛЬ. О, это мне не помешало бы!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это верно. Вы хотели убить полицейского?

РАВАШОЛЬ. Да, хотел, но Симон и Бэала удержали меня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Тогда вы решили убить господина Бенуа. Кто дал вам его адрес?

РАВАШОЛЬ. Один знакомый.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Какой знакомый, — Симон?

РАВАШОЛЬ. Не скажу.

СИМОН (с места насмешливо). Так точно я!

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Получили адрес вы 11-го марта, принесли к Бэале бомбу. Что сделали вы потом?

РАВАШОЛЬ. Сел в трамвай, доехал до бульвара Сен-Жермен, поднялся на второй этаж и положил бомбу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы были вооружены?

РАВАШОЛЬ. Да, двумя револьверами.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы были одеты очень прилично, как всегда впрочем?

РАВАШОЛЬ. Да, так, как сейчас.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. На вас был цилиндр. Зачем?

РАВАШОЛЬ. Чтобы не возбудить подозрений.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Вы подожгли динамит и ушли. Когда произошел взрыв?

РАВАШОЛЬ (улыбаясь, как-бы при воспоминании о большой неосторожности). Я вышел. Если бы дом обвалился, то он придавил бы меня.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Выйдя, вы встретились с Симоном и Бэалой?

РАВАШОЛЬ. Не желаю отвечать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. День 31 марта провели с Симоном. Что вы делали?

РАВАШОЛЬ. Не помню. А, да, мы делали нитроглицерин.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. 27 марта был взрыв на улице Кайши, расскажите о нем.

РАВАШОЛЬ. С большим удовольствием. Даже с подробностями, если вам это приятно. Я вышел из дому в шесть часов двадцать минут с динамитной бомбой.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Это был ужасный ряд.

РАВАШОЛЬ. Да, довольно хорошо сделан (движение в публике). Я доехал омнибусом до дома номер 39, вынул из корзины бомбу, поднялся на второй этаж. Фитиль был приблизительно в девяносто сантиметров длиною, что позволило мне отойти от дома на пятьдесят метров, прежде чем бомба взорвалась.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Взрыв был ужасный.

РАВАШОЛЬ. Я прочел об этом в вечерних газетах.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Что делали вы потом?

РАВАШОЛЬ. Около часа ходил по Парижу, затем пошел завтракать.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Да, вы зашли в ресторан Вэри, где вас и арестовали.

По окончании допроса Равашоль прочел следующее заявление:

„Я произвел взрывы, о которых идет речь потому, что г. Бенуа был пристрастен, когда судили Декама и его друзей и потому, что г. Бюло не хотел принять во внимание подлинейских истязаний над ними. Поэтому я направил свою месть против них. Но я также хотел дать понять всем тем, кто верит в правосудие, что они должны быть более мягки, если хотят, чтобы с ними поступали лучше. Я желаю невинных жертв, которые пострадали от моих

актов. Я жалею также о том, что рядом со мною сидят на скамье подсудимых люди, единственный проступок которых заключается в том, что меня знали. Я действовал от имени Анархии, которая станет той большой человеческой семьей, где каждый будет сыт. Я хотел терроризовать для того, чтобы люди обратили на нас внимание и поняли, что мы являемся действительными защитниками угнетенных“.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Еще один вопрос. Я уже спрашивал вас об этом на предварительном следствии. Должно иметься еще триста-четырееста динамитных картушей, которые вы изготовили. Где они?

РАВАШОЛЬ. Этого я вам не скажу.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ. Последний вопрос: у вас был найден также стрихнин. Для какой цели вы держали его?

РАВАШОЛЬ. На случай надобности. Про запас.

Этим закончился допрос Равашоля. Допрос остальных обвиняемых и свидетелей интереса не представляет. Суд приговорил Равашоля и Симона к пожизненной каторге. Бэала, Мариэтта Субер и предатель Шомантэн были оправданы.

Общественное мнение было недовольно мягкостью приговора, оно ждало для Равашоля смертной казни, надеясь, что строгий пример послужит анархистам на устрашение. Но последующие события показали, что эти ожидания неосновательны: у Равашоля были последователи, которые более выпукло, более ясно, чем он отдавали себе отчет в конечных целях Анархии и которых смертная казнь тоже не испугала.

Равашоль был приговорен к смертной казни два месяца спустя. Он встретил приговор с улыбкой и возгласом:

„Да здравствует Анархия!“

Его казнили 10-го июля. Он умер, как анархист. Он не желал принять никакой милости от буржуазного общества, которое ненавидел. Он отказался подать кассационную жалобу, когда ему предложили сделать это, и также отказался подписать прошение о помиловании. Он ожидал свой последний час с редким хладно-

кровнем и спокойствием. На эшафот он
 восходил, громко напевая веселую песенку:
 Чорт побори, чтоб счастливым быть,
 Надо всех собственников убить!
 Чорт побори, чтоб счастливым быть,
 Надо попов всех передупить!
 Чорт побори, чтоб счастливым быть,

Надо самого Господа Бога казнить!

Взойдя на подмосток, он хотел произнести речь, но палачи потащили его к плахе. „Да здравствует Револ...“, лишь мог он крикнуть, но кончить не успел. Гильотина перерезала слово вместе с шеей.

КНИЖНИК.

ПЕРЧАТКА РАВАШОЛЯ

Мы все умрем! мы все стгнем в сырой земле!

Но так, как умер Равашоль... о кто так
 сможет умереть!

Блеснуть ракетно, иль, как факел, ярко
 прогореть..

За миг! один лишь миг! распылить жизнь
 в грозном сне!

Иль то не сон? иль эту казнь-книмар мы
 видим наяву?

Налач жесток... неумелым... скорей в на-
 бат... трубите в рог!..

Постой палач! всмотриись! пойми! кому ты
 рубишь голову!

На смерть вандально осужден фанатик
 гордый дерзкий Бог!

Совершилось.. крик... предсмертный крик..
 и кровью залит эшафот!

Пусть видят все... здесь так темно... ско-
 рей огня! скорей огня!

Греми, набат! как взрыв греми: любовью
 смерть побеждена!

Будь проклят тот, кто убежит! будь прок-
 лят тот, кто не поймет!

Так странно все! так чудно все! как будто
 бы в кошмарной мгле..

Но так, как умер Равашоль... о кто так
 сможет умереть?!

Блеснуть ракетно, иль, как факел, ярко
 протгореть!

За миг! один лишь миг! распылить жизнь
 в грозном сне!

АНАТОЛЬ КОНСЕ.

JEAN GRAVE.

В анархическом обществе не должно быть ни заработной платы, ни меновых ценностей 1)

Кризис 1931—32 г. г. перевернул вверх дном мозги целой кучи выдающихся экономистов. Тысячами и тысячами причин пытались объяснить происхождение кризиса, предлагались сотни всяких средств. К несчастью, объяснения и средства все оказались ложными.

Причина кризиса кроется в самой капиталистической организации общества. Она не нова и будет от времени до времени повторяться до тех пор, пока будет существовать нелепое капиталистическое общество.

Настоящая причина экономических кризисов кроется в том факте, что наибольшая часть населения живет заработной платой, и что заработная плата, вместе с тем фактом, что на каждый произведенный продукт назначается цена, не дает возможности получающему ее потреблять столько, сколько ему необходимо.

Ниже я приведу доказательство этому.

Я хорошо знаю, что с первого взгляда люди, еще не освободившиеся от опьянения социальной рутинной, в которой они воспитаны, видят в уничтожении денег нелепую идею. Отрицание необходимости в какой-нибудь мере ценности, имеющей своим назначением задачу облегчить обмен и вознаградить за труд, кажется им также нелепостью. Мне придется поэтому показать, что, насколько не облегчая распределение продуктов и справедливое вознаграждение труда, заработная плата и мера ценностей только мешают и фальсифицируют и то и другое.

Чтобы оправдать исчезновение денег, приводились соображения о том, что они вызывают эгоизм и жадность. Чтобы добыть себе средства для наслаждения жизнью, т. е. достаточное количество денег, приводят в действие дурные инстинкты

личности. Эксплуатация труда других людей лежит в основе общественного устройства. Люди эксплуатируют себе подобных без зазрения совести.

Это верно, но недостаточно, чтобы оправдать уничтожение денег, если бы было доказано, что распределение продуктов и справедливое вознаграждение труда не могут производиться без денег. Показав зло, которое причиняют деньги, нам придется также доказать и то, что деньги не создают никакого блага.

Деньги — или какал бы то ни было система, которая их заменит — являются только способом обмана, ибо невозможно придать им точную ценность. Это так же невозможно, впрочем, как определить точную ценность продуктов земли или промышленности, ибо она изменяется в зависимости от рынков. Невозможно взвесить человеческое усилие — физическое или умственное — которое входит в производство предметов. Всегда есть обманутый при продаже, или покупке. Таким является покупатель при обычных сделках, а продавец — когда он вынужден продавать в силу нужды.

Будучи произвольной и приблизительной, меновая ценность дает возможность владельцу капиталов обманывать и эксплуатировать того, кто ничего не имеет для продажи, кроме своего труда. Ибо наряду с прибылью, которую общество признает законной, есть еще скрытая прибыль, вытекающая из произвольной оценки труда, осуществленного в продаваемых или покупаемых предметах.

Наилучшее доказательство нелепости капиталистической организации состоит в том, что, в то время, как производители не могут потреблять столько, сколько им необходимо, для рынка все же производится чрезмерное количество продуктов земли и промышленности. Это, в свою очередь, вызывает безработицу и еще более сокра-

(1) Глава из имеющей появиться книжки „Как подготовить будущее общество“.

платит потребление тех, которые живут только своей заработной платой. Между тем в нормально организованном обществе обилие продуктов вело бы к богатству для всех и к увеличению досуга.

Не следует, однако, ошибаться. Задача не в том, чтобы вернуться к примитивным формам труда. Эта идея нелепа

Если не ошибаюсь, то я уже сказал на предыдущих страницах этой книги, что в анархическом обществе обмениваться будут не товары, а услуги. Федерированные группы обеспечат своим сторонникам средства получения того, что им будет необходимо.

Даже в современном обществе, где интересы противоречивы, люди нашли способ создавать ассоциации добровольцев, заключающих между собою соглашение с целью обеспечить развитие своей ассоциации, назначение которой — доставить известные выгоды своим членам.

Помимо ассоциаций, имеющих целью прибыль, существуют общества певческие, музыкальные, спортивные, драматические и тому подобные. В Бельгии и Швейцарии, где дух организации очень развит, люди объединяются по всякому поводу: для организации прогулок, для еды, для питья и т. д. и т. д.

Почему этот дух объединения не может развиваться и быть применен в интересах развития общества? Речь идет не о создании нового настроения, а о развитии уже существующего.

Целая система воспитания должна быть создана заново, это очевидно. Если бы люди готовы были жить в обществе, о котором мы мечтаем, то нам не пришлось бы вести усиленной пропаганды, результаты которой не всегда отвечают затраченным усилиям.

Рабочему нужно многому научиться, например, с точки зрения гигиены, и еще много других вещей. Я вспоминаю о том, как, незадолго до войны, я посетил друга, жившего в совершенно новом доме, комфортабельном, построенном всего несколько месяцев тому назад. Дом был уже

довольно грязен, а стены уборных были уже расписаны и загрязнены жильцами, не привыкшими и чистоплотности.

Наша пропаганда не состоит, следовательно, только в том, чтобы воспитывать революционеров, но также и в том, чтобы воспитывать в людях сознание их достоинства. После этих замечаний я могу вернуться к обсуждению вопроса об уничтожении заработной платы и меновой ценности.

Вмешательство капитала в производство и обмен ведет лишь к двум определенным результатам. Оно дает преобладание тому, кто обладает капиталом и беспорядочно изменяет цены предметов.

Если бы все дело сводилось к уплате процентов на сумму, заложенную в предприятие, то это было бы еще с полбеды. На самом деле этот факт влечет за собою много разных последствий.

Возьмем, например, железные дороги. Прокенты, здесь выплачиваются не только владельцам акций, но и включаются в расходы по эксплуатации, повышая тем самым стоимость проезда.

Для пассажира все оканчивается с концом его путешествия, но для товаров дело обстоит не так. Например, сырые материалы, которые иногда приходится несколько раз перегружать, несут все дополнительные расходы за эту перегрузку (1). Отсюда видно, что прибыль капитала в конце концов может оказаться не малой при установлении цен на данный продукт, если этому продукту приходится проделывать три, четыре или больше перегрузок.

Но сколько еще других фактов свидетельствуют против нелепости капиталистической организации!

Говоря о том, что обилие продуктов порождает нищету для всех, я должен был

(1) То же самое возражение можно выдвинуть против налога на прибыль. Некоторые продукты проходят, в разных формах, через разные руки, налог уплачивается несколько раз, и все это добавляется к стоимости одного и того же товара.

бы добавить еще другой факт, а именно. во времена изобилия некоторые производители сельско - хозяйственных продуктов предпочитали дать им сгнить на месте, так как расходы по сбору их превышали продажную цену. Так обстояло дело в иные годы с клубникой. Те из читателей, которые живут в винодельческих странах, в детстве слышали, вероятно, рассказы их родителей о том, что виноград в иные годы созревал в таком количестве, что собственники виноградников, не имея возможности покрыть расходы по сбору урожая, не собирали виноград и позволяли каждому, кто хотел, наедаться за несколько грошей и с'есть такое количество винограда, какое человек в состоянии с'есть.

Если бы общество было построено на здоровых основаниях, то таким явлениям не было бы места. Где товары были бы в изобилии, там люди могли бы ими пользоваться. Уже этот факт сам по себе доказывает, что в экономических отношениях кое что не ладно.

Если бы не нужно было платить за наем помещения, оплачивать проценты на капитал, стоимость заработной платы, необходимой для производства товаров, тогда те товары, которые оказались бы в изобилии, были бы доступны всем. Но допустите перечисленные факторы — и получается катастрофа. Большую часть товаров бросают и дают им сгнить, чтобы иметь возможность дороже продать собранную часть. Таким образом ими пользуется лишь незначительное меньшинство.

Если бы общество было организовано с целью доставить довольство всем, а не для того, чтобы дать возможность меньшинству жить за счет труда эксплуатируемых, то производство было бы достаточно для удовлетворения потребности всех. Во всяком случае, не требовалось бы больших усилий, чтобы этого добиться. Прогресс техники, химии и технических знаний позволяют теперь производить больше, не повышая числа рабочих в современном обществе, где две трети трудящихся не работают вовсе или производят продукты, не на-

ходящие потребителей.

Лет сорок тому назад один лозаннский профессор, по имени Сенсин напечатал в „Револьте“ и „Ла револут“ три статьи под заголовками: „Продукты земли“, „Продукты промышленности“ и „Богатство и бедность“. Позднее эти статьи были изданы брошюрой.

На основании тщательно изученной статистики, наш профессор доказывал, что, помимо улучшений в труде, которые могут быть введены немедленно, помимо также и тех улучшений, которые ежедневно делаются теперь в промышленности и сельском хозяйстве, современное производство достаточно для удовлетворения потребности всех.

Кто заинтересован в поддержке существующего порядка вещей, может оспаривать ценность документальных данных Сенсина. Это в порядке вещей. Но ведь наш автор приводит документы буржуазного происхождения, ибо статистика была составлена государственными учреждениями!

Люди, наживающиеся на неорганизованности общества, нежелающие допустить, чтобы у них вырвали из рук лакомый кусок, могут сказать, что земля и промышленность дают продукты лишь при условии затраты большого труда, и что необходимо обладать средствами для оплаты каждому продукта его труда. А такие средства дает только современная общественная организация в форме денег, меновых ценностей, заработной платы и всего, что отсюда следует.

„Если такой порядок и не отличается безусловной справедливостью, то он все же более всякого другого порядка приближается к справедливости. Предложения разных социалистов являются не больше, как воздушными замками, утопиями, не считающимися с интересами имущих, стремящимися перевернуть всю социальную организацию, плод долгой эволюции, не принимающими во внимание усилий человечества преодолеть примитивную дикость. Все это не дает никакой уверенности, что выдумки фанатиков принесут нам верное улучшение положения“.

**

Все это хорошо, но у кого есть глаза, чтобы видеть, может каждый день наблюдать, что тот, кто работает больше всех, далеко не всегда есть лучше других. Ежеминутно можно видеть, как толпа плутов наживает на потребителя крупные барыши, спекулируя на предметах, которые он покупает и на производстве, в котором они никакой роли не играют. Они зарабатывают просто на том, что были посредниками при сделках. Но без этих услуг можно обойтись, если общество лучше организовано.

“В этом виноваты потребители. Почему они не организуются, чтобы избавиться от любезных посредников, без которых они могли бы обойтись?”

Конечно, это так. Именно это мы и стараемся им объяснить каждый день. Разве „Гражданский прогресс“ (газета) при своем появлении не заявил, в порядке саморекламы, о создании „Лиги потребителей“, адрес которых тут же сообщал? Однако, позднее он стал хранить полнейшее молчание о названной лиге, не указывая никаких причин для объяснения того, почему он отказался от своего проекта.

А между тем, освобождение от паразитов внесло бы в капиталистическое общество маленькое улучшение, хотя и не устранило бы зло из жизни рабочих. Для этой цели рабочим стоило бы только столковаться и организовать.

Но это—не единственное зло. Каждый, кто даст себе труд подумать о взаимодействии социальных явлений, может заметить, что забастовка — а следовательно и нищета для тех, кто живет только продажей своего труда — чаще всего оказываются вызванными перегруженностью складов. Это я отметил в предыдущих главах, но считаю необходимым подчеркивать при каждом удобном случае.

Разве несколько лет назад не говорили, что забастовки, вспыхнувшие в некоторых департаментах севера Франции были подготовлены самими хозяевами, добившимися возможности понизить заработную плату, а в то же время сбыть, по не-

слыханно дешевым ценам, накопленные ими огромные количества товаров?

Разве не говорили, что многие банки, выдавшие большие авансы под товары, осуждены были на банкротство в случае, если бы допущено было понижение цен на эти товары?

Разве мы не наблюдали в отчетах некоторых предприятий, вроде Индо-Китайского банка, что некоторые пароходные компании, в которых банк был заинтересован, нашли способ увеличить свои дивиденды и в то же время сократили число рейсов?

Социальная организация, разрешающая такие проделки, является гнилым реликтом. Он должен исчезнуть.

Но пора вернуться к вопросу о заработной плате и меновой ценности.

Кто живет заработной платой, тот, уже в силу существования заработной платы, не имеет возможности удовлетворять свои потребности. Я это докажу.

Возьмем, например, сапожника, — хотя я мог бы взять для примера любую другую профессию и получить тот же результат. Сапожник зарабатывает 10 франков в день. (Если бы он зарабатывал 50 франков, то положение осталось бы без изменения). И допустим, что он может изготовить одну пару сапог в день и что эта пара будет продана за 10 франков. Эти цифры я беру только для примера. Таким образом, заработная плата сапожника даст ему возможность покупать себе пару сапог ежедневно. Так как, однако, одними сапогами жить нельзя и, так как покупать ежедневно пару сапог никто не станет, то он может употребить излишек своей заработной платы на покупку пищи, одежды и всего прочего, в чем он может иметь нужду, но все это—в пределах его заработной платы.

Теперь допустим, что тот же самый сапожник получит прибавку в 5 франков в день и сможет покупать себе 3 пары сапог за каждые два дня работы.

Не спешите, однако! Мы видели уже, что заработная плата входит в цену произведенных продуктов. Логически выхо-

дит, что прибавленные 5 франков добавятся к 10 франкам, в какую сумму обходилась прежде пара сапог. Выходит, что рабочий остался в дураках.

Может даже получиться так, что промышленники и посредники, или те и другие вместе, воспользуются изменением цены для увеличения своих прибылей. Тогда в окончательном счете рабочий получал бы больше, но терял бы часть своей покупательной способности.

Правда и то, что с другой стороны, если промышленнику удастся сократить издержки производства он дает возможность потребителю покупать по пониженной цене, но это бывает в очень немногих случаях, и заработная плата все-таки оказывается ниже потребности.

То, что произошло с сапожником, происходит и во всех других ремеслах. То, что рабочие покупают, расценивается в соответствии с их заработной платой и стоимостью сырых материалов. Рабочие могут потреблять только в соответствии со своей заработной платой. Цены товаров на рынке уравниваются между собой.

Я хочу сказать, что если сапожник может купить себе пару сапог в обмен на день труда, если жестяник сделает в день 20 кастрюль, то на эти 20 кастрюль он сможет купить только одну пару сапог. И так в каждой области производства.

Но, установив, что рабочий может потребить „товара“ на сумму своей заработной платы, я имел в виду только упростить свое рассуждение. В действительности дело происходит не совсем так, так как часть заработной платы идет на покупку множества вещей, которые не выражаются ни в каком осязаемом продукте.

На свою заработную плату рабочий должен оплатить наем своей квартиры, который не является продуктом.

Кроме того, из той же платы он должен внести налоги.

Если он позволяет себе удовольствие пойти в театр или кино, или разрешает себе какое-нибудь другое удовольствие в таком роде, то, в обмен на это, он должен будет лишиться себя некоторых „реальных“ продуктов.

Но это только одна сторона вопроса. Остается рассмотреть все то, что, помимо заработной платы, добавляется к цене товаров. Здесь мы опять находим плату за квартиру и налог.

К этому добавляются еще проценты на затраченный капитал, погашение стоимости оборудования, прибыль промышленника и посредника, заработная плата служащих на фабрике, а также прибыль магазинов, которые работают, конечно, но чей труд не содействует производству никакого предмета потребления, — не говоря уже о комиссионном вознаграждении агентов по продаже и о расходах на рекламу.

Так как все эти дополнительные расходы ложатся на каждый произведенный продукт (если не все расходы, то почти все), то очевидно, что, в конечном счете, система заработной платы уже в силу своего существования, препятствует наемному рабочему удовлетворять все свои потребности, и что многочисленны и другие причины, ведущие к тому, что покупательная способность рабочего всегда стоит ниже его производительной способности.

И зло на этом не останавливается. Так как не все производимое находит себе потребителя, то накопление продуктов содействует возникновению кризиса, сокращающего продажу, вызывает безработицу и острую нужду.

Для того, чтобы все получили доступ к безпрепятственному пользованию продуктами, которые природа и промышленность предоставляет в распоряжение людей, нужно, чтобы общество, в котором мы живем, уничтожило наемный труд и меновую ценность.

Ж. ГРАВ.

JEAN GRAVE.

Как началось революционное движение во Франции.

(Опопчание)

Однако, эти любители парадоксов забыли о кое-каких пустяках: говоря о свободе личности, не знающей никаких препонов, о правах личности, они забывали, что личность не является существом самодеиствующим, что таких личностей полтора миллиарда, что эти полтора миллиарда людей вынуждены жить обществом, чтобы иметь возможность нормально развивать свою личность, и что, следовательно, если личность не хочет преобразовать социальный строй, при котором одним личностям приходится бороться против других, и где самые хитрые или самые сильные господствуют над слабыми и эксплуатируют их, то каждому придется считаться с равными правами каждого на наибольшую возможную свободу, каждому придется организовывать свое благополучие и свое развитие в меру своих способностей, и, наконец, что, во избежание всяких столкновений, им придется сорганизоваться и столкнуться на этот счет.

Равным образом они забывают, что если анархисты требуют возвращения в общественную собственность того, что составляет общественное достояние, то лишь для того, чтобы это общественное достояние было предоставлено в распоряжение всех, а не для того, чтобы оно было захвачено кем-нибудь одним или несколькими лицами, что не изменило бы ни в чем капиталистический строй.

Но их работа, направленная к уклонению от правильного пути, была им облегчена тем фактом, что анархическая мораль, подрывающая всю старую мораль, сама еще слишком молода и не успела еще прочно укрепиться, не успела слиться воедино с внутренней жизнью личности.

Люди растерявшиеся, не верящие больше в старые идеи, на которых покоится социальный строй, не отдают еще себе полного отчета в том, что следует из их новых убеждений.

Раздираемые между моралью уходящей и той, которая идет ей на смену, они колебались, многие давали запутать себя софизмами и погрязали в уклонках.

В то же время, в движение проникли несколько темных личностей, вроде Армана, Лорюло, Морицуса, которые стали поддерживать этот ложный анархизм. И посланцы полиции, обязанной защищать порядок и собственность, стали преподавателями грабежа и проституции.

Облегчил им эту работу Либертад, подозрительная личность, неизвестно откуда пришедший и принесший им свою газету "Анархия", где открылись дискуссии самые сносшибательные по вопросам о краже и тому подобным. В то же время эти "апостолы" развешали по провинции со своими гаупстами и успевали свести с правильного пути множество молодых, которые принимали софизмы учителей за чистую монету.

Банда Бонно была несомненно продуктом этой пропаганды, — наилучшим примером того, к чему может привести подобная пропаганда грабежа и индивидуального эгоизма.

Но, помимо банд, наделавших столько шума, сколько было отдельных случаев! Когда Лиар-Куртуа вернулся с каторги, после дела Дрейфуса, я пришел в ужас от его рассказов о множестве встреченных им на каторге анархистов, о которых никто не говорил.

**

В течение многих лет наше движение, волнуемое всеми этими течениями, если и не расширилось, то в целом своем укрепило, когда разразился громоподобный удар 1914 года.

Приказ о мобилизации был принят как бедствие, но, за немногими исключениями, выполнялся повсюду.

В Германии, где социал-демократическая партия насчитывала миллионы избив-

рателей, они могли бы попытаться создать несколько препятствий на пути войны, но, за исключением нескольких демонстраций в пользу мира, которые, впрочем, длились недолго, они не только дали себя мобилизовать, но некоторые из вождей даже прикнули к военной политике своих правителей.

В Париже также было несколько манифестаций в пользу мира, но убийство Жюреса вызвало сумятицу, объявленная война пошла своим путем.

Анархисты не были достаточно многочисленны, чтобы повлиять на ход событий. Социалисты и синдикалисты могли бы организовать полезное выступление, ибо правительство, заботясь об общественном мнении, обратилось к ним за содействием, и они оказали правительству свое содействие без всяких оговорок и позволили запретить себя на разные парадные должности.

Очевидно было, что помешать войне они не способны. Если бы даже они этого захотели, то у них не хватило бы сил. Но они могли потребовать контроля над изготовлением оружия и припасов синдикатами корпораций, контроля над снабжением, путем потребительных кооперативов, ибо возмутительным было то, что в то время, как народные массы подвергались истреблению, отдельные лица, не подвергаясь никакому риску, продолжали обогащаться на производстве орудий истребления или на снабжении населения продовольствием.

Без сомнения, лучше было бы помешать возникновению войны, но есть такие события, роковой ход которых остановить нельзя. Было бы поэтому преступно пытаться отделить свою судьбу от судьбы народа, частью которого мы являемся.

Исходя из этой мысли, а также из того убеждения, что победа германского империализма означала бы регресс идей свободы, по крайней мере, на целое столетие, лица, подписавшие "Декларацию 16-ти", опубликовали свой манифест, где они высказывались за победу союзников. Эта декларация была плохо принята большинством анархистов, которые в данном слу-

чае показали себя узкими сектантами и вызвали раскол и распыление всего движения.

Этот раскол вполне устраивал людей, старавшихся вызвать уклон. Здесь для них представился благоприятный случай, чтобы продолжать свою работу и, в то же время, напиться ядом этот вопрос и отомстить за старые обиды.

После войны авторы декларации не сумели остаться едиными и, в свою очередь, разделились из-за вопросов тщеславия. Они потеряли всякое влияние на движение, вызывая презрение к себе со стороны вновь пришедших, которые знали их только по той клевете, которую изливали на них отбросы, в свое время так успешно побеждаемые. Их место было занято новыми людьми, неосведомленными о том, что такое настоящий анархизм и не много тщеславными, а также порочными лицами, вновь вступившими в движение. Само движение увязло в бесплодных спорах, где анархия фигурировала только по имени.

Надо было вести грандиозные кампании против продолжения вооружений, против экспедиций в Марокко, в Сирию и другие колонии, против дороговизны жизни, против повышения квартирной платы. Было много еще других вопросов. Но ничего не сумели сделать, предоставив все коммунистам, которые оттолкнули от себя общественное мнение своими безумными крайностями, идиотскими преувеличениями и экстравагантной сверх революционной словесностью.

От времени до времени заговаривали о том, чтобы повести кампанию в пользу амнистии, а в то же время говорили об уничтожении буржуазии и устраивали ловушки коммунистам, стараясь перекрыть их словесный революционизм.

Наши 40 лет пропаганды как будто утонули в болоте грязи и пустословия, когда люди топчутся, не зная куда идти.

Можно было бы впасть в отчаяние, если считать только с теперешним положением. Но анархические идеи заделали слишком много людей, пропитав их, вопреки

им самим, кой-какими здоровыми и справедливыми требованиями. Поэтому анархические идеи не могут так легко исчезнуть.

Мы переживаем волну деморализации и расхлябанности, пришедшую после пяти лет физического и морального напряжения в годы войны. Все затяжные кризисы всегда сменялись такими же периодами, когда народ хочет только веселиться и наслаждаться. Так было, так будет.

Надо же, наконец, чтобы человеческий разум когда-нибудь возобновил свое развитие! Поселенные идеи коснулись слишком многих людей, оставили слишком много следов. Разорванная цепь вновь соединится. Найдутся же несколько умов, более готовых возобновить прерванное развитие и воссоздать освободительное движение, оставленное на момент.

**

БИБЛИОГРАФИЯ

Для тех, кто желал бы ознакомиться с более подробным изложением анархического движения, я хотел дать исчерпывающую библиографию, чтобы они могли разыскать первоисточники. Не зная, однако, никакого другого языка, кроме французского, и лишь немного зная английский, я не располагаю некоторыми документами и вынужден ограничиться маленьким нижеследующим списком:

Бюллетень Юрской Федерации, Совинилье, Ле Докль, Шо-де-Фон, 1872-1878.

Le Travailleur ("Труженик"), Женева, Май 1877-1878. Le Revolte, ("Бунтарь"), Женева, Париж, 1879-1887. La Revolte ("Бунт"), 1887-1894

Les Temps Nouveaux ("Новые Времена"), Париж, 1895-1914

Le Peril Anarchiste ("Анархическая опасность"), Дюбуа, изд. Фламариона, 1892 или 1893.

Les Coullisses de l'Anarchie, (За кулисами анархии), Флор О'Сквар, Савин, 1892 или 1893.

Записки Юрской Федерации, Совинилье, 1873.

Инквизиторы Испании, Таррида дель Мармоль, изд. Стока, 1897.

Записки Революционера, П. Кропоткин,

изд. Сток, 1902.

От Равашоль до Казерио, Варенна, изд. Гарнье.

Социальная история в Судебной Палате, Сент-Обана, 1895.

Воспоминания об Интернационале, Ж. Гильома, изд. Стока, 1905-1910.

Анархическое движение в Швейцарии, д-ра Лангарда, 1905.

Михаил Бакунин (Коллективизм в Интернационале), Марка де Преодо, изд. Ривьера, 1912.

История социализма с 1852 до 1924, Вейля, изд. Алькана, 1924.

Записки Революционерки, Веры Засулич, изд. Галлимара, 1930.

Жизнь Бакунина, Елены Извольской, изд. Галлимара, 1930.

Моя жизнь, Уралеса, изд. "Ревиста Бланка", 1930-31.

Подпольная Россия, Степняк, изд. Ж. Леви, 1885.

Царизм и Революция, его же, изд. Данто, 1886.

Политическая и социальная Россия, Тихомирова, изд. Жиро.

Россия при царях, Степняк, того же издателя, 1887.

Политические заключенные в России, Дж. Кеннана, изд. Стпельмор, Женева, 1896.

В тюрьмах Николая II, Гершуни, изд. Дюжаррика, 1909.

La Feuille Federale Suisse (Федеральный Вестник Швейцарии) 18 июля 1885, доклад Генерального Прокурора о деятельности анархистов в Швейцарии.

Михаил Бакунин, Интернационал и Альяс в Испании. (1868-1873), М. Неттлау, 1925.

**

РАБОТЫ ЖАН ГРАВА, ПЕРЕВЕДЕННЫЕ НА АНГЛИЙСКИЙ И ДРУГИЕ ЯЗЫКИ:

1. Deacdent Society and Anarchy, translated into English, Dutch, Russian, Spanish and Portuguese.
2. The Great Family
3. The Future Society, translated into Russian, Spanish, Portuguese.
4. The Individual and Society.

5. Anarchy, its Aim and its Methods.
6. Malfactors, translated into Dutch.
7. Reforms - Revolution!
8. The Adventures of Nono, translated into Spanish.
9. Cerre - hipo, translated into Spanish.
10. Responsibilities, a drama, translated into Italian.

11. The Society on the Day after the Revolution, translated into Greek, Armenian.

За всеми этими книгами следует обращаться по адресу к их автору:

Jean Grave, 9 Rue Edmond - About a Robinson, Par Sceaux (Seine) Paris, France.

Ч Е Л О В Е Ч К И .

Человек современный, низкорослый, слабо-
 [сильный
 Мелкий собственник, законник, лицемерный
 [семьянин,
 Весь трусливый, весь двуличный, косодуш-
 [ный, щепетильный,
 Вся душа его, душонка—точно из морщин.
 Вечно — должен и не должен, то нельзя, а
 [это можно,
 Брак законный, спрос и купля, облик сон-
 [ный, гроб сердец,
 Можешь карты, можешь мысли передернуть—
 [осторожно,
 Явно грабить неразумно, но—стриги овец.
 Монотонный, односложный, как напевы лю-
 [доеда:
 Тот упорно две-три поты тянёт-тянёт без
 [конца,
 Зверь несчастный существует от обеда до
 [обеда,
 Чтоб поесть, жену убьёт он, умертвит отца.
 Этот ту же песню тянёт, только он ведь
 [просвещённый,
 Оя оформит, он запишет, дверь запрет он на
 [крючок.
 Вледнодушный, сыщик вольных, немочь серд
 [ца, свнух сонный,—
 О, когда б ты, миллионный, вдруг исчезнуть
 [мог.

К. Д. Бальмонт.

ПОЕЗДКА В ИСПАНИЮ В МАЕ 1932 ГОДА

СТАТЬЯ Н.

Посетив Барселону опять, год спустя после великого переворота 14-го. апреля 1931 г., я вижу положение в более светлых тонах, чем его изображали все тревожные сведения, появившиеся весной и зимою прошлого года. До тех пор, пока приходится судить о положении в Испании по газетным сведениям, то даже местные газеты, а особенно их подбор сообщений о катастрофах, который передается по всему земному шару по телефону и телеграфу, и все прочие сообщения, а также случайные комментарии о них в газетах, дают совершенно неполное и неправильное впечатление. Быстрота и легкость сообщений является часто скорее препятствием, чем помощью в деле взаимного понимания народов и стран, ибо сообщают только крупнейшие события и сенсационные моменты, а посредствующие звенья, создающие эволюцию, опускаются. Наши собственные либертарные журналы слишком часто вводятся в заблуждение таким путем. Они обращают внимание прежде всего на известия о смелых подвигах, столкновениях, массовых демонстрациях и мало задумываются над повседневной жизнью, обильною неотмеченными фактами, которые, будучи взяты в целом, указывают тенденцию и создают форму эволюции в гораздо большей степени, чем отдельные, выдающиеся сенсационные факты.

Стараясь выработать мнение о том, что я вижу и слышу в подлинной жизни здесь, я считаю этот первый год — годом великих либертарных усилий в правильном направлении. Эти усилия встретились с огромными препятствиями, которые показывают, как велика задача. Но в результате — непрерывный успех с нашей стороны, становящийся постепенно более сознательным. Мы не должны забывать, что с 1923 года события и борьба против диктатуры Primo de Rivera и монархии Альфонса спали воедино сторонников власти

и либертеров, оппозиционную буржуазию и массу рабочих, федералистов, националистов и интернационалистов, группы интеллигентов, студентов, офицеров, солдат и многих синдикалистов, а также некоторых анархистов. Эта номинальная и непрочная, но все же временно полезная видимость солидарности содействовала свержению монархии, но, естественно, на том и замерла в тот момент, 14 апреля. Ибо с той минуты сторонники власти — буржуазные республиканцы и политические социалисты — взяли каждую частичку государственной власти и управления Испанией начиная с того часа, располагая всем государственным, военным и полицейским аппаратом и пользуясь им против народа с жестокостью, не знающей сожаления, когда народ высказывал свои социальные чаяния, и против либертеров, когда они заявляли о своем недоверии государственной власти и авторитету.

Как и во всякой иной стране в нынешнее время, либертеры еще в меньшинстве. Они были так же неспособны свергнуть новый строй, как неспособны были они, да и любая другая партия, взятая в отдельности, свергнуть старую монархию. Ясно, что при таких условиях их тактика сводилась к тому, чтобы возможно полнее использовать возможности пропаганды и организации, которые открыл перед ними первый период республики. После долгих годов преследований, подпольной пропаганды и организации, эта новая работа при полном свете дня в огромной степени пополнила их ряды. В течении нескольких месяцев они приобрели около миллиона организованных синдикалистов, среди которых пропаганда анархических идей находила себе благоприятную почву. Кроме того, очень многие с сочувствием смотрели на великую организацию — Национальную Конфедерацию Труда. Внутренние отношения были налажены на большом конгрессе в Мадриде в июне 1931 г., а также

на многих окружных конгрессах и на многочисленных местных собраниях федераций, секций и комитетов.

Непрерывный прогресс был огромен, но он не мог совершить все в такой короткий промежуток времени. Он не мог распространить идеи с такой же быстротой, с какой люди вступали в организацию и не мог также в равной степени коснуться всех частей страны. Испания испокон веков состояла из районов чрезвычайно разнообразного характера. Их главной целью было наладить автономные и федеральные отношения со своими соседями, а вовсе не поддержка национального и централизованного испанского государства. Соответственно историческим, географическим и многим другим условиям, некоторые из этих округов еще встарь отличались бунтарским и либертарным духом, всегда были готовы для борьбы, в то время, как другие районы подчинялись королевскому, правительственному, религиозному и другим влияниям и оставались умеренными и отсталыми. Рабочие организации, интернациональное и анархическое движения и всякий интеллектуальный прогресс делали успехи сначала в либертарных районах, боровшихся против правительства, которое получало поддержку для репрессий от районов реакционных. Начиная со средних веков и до сего дня такое положение вещей мало изменилось, что говорит о силе сопротивления либеральных, радикальных, анархических районов, но показывает также и то, с какими трудностями им приходилось бороться. Когда развилась промышленность, то часть ее возникла в либеральных местностях, где гражданская жизнь, а также ремесла и науки находились на более высоком уровне. Позднее промышленность распространилась и в отсталых местностях, где рабочие были менее независимы и более готовы работать в тяжелых условиях. Промышленность добытая в горных районах также была главным образом развита в таких отсталых местностях. В течение многих лет крайний монархизм и федералистический рес-

публиканизм были характерны для отсталых и для либеральных районов, в последние же годы социал - демократия и анархизм распределялись соответственно.

Совсем недавно коммунизм стал проникать в эти авторитарные округа помимо социал - демократии. Он пытается также пустить корни в округах, где царят страшные нужда и голод, главным образом, на юго-западе (Андалузия), где его передовые отряды действуют в качестве приманки, хотя авторитарный характер коммунизма никогда не сможет удовлетворить бурных и независимых андалузовцев, анархистов в душе. У них есть больше причин ненавидеть государственную власть и монархию помещиков, чем у жителей остальной Испании.

Очевидно, таким образом, что в течение одного года все эти и другие исторические и местные факторы не могли быть преодолены, и что неравенство в распределении элементов революции все еще существует.

Наблюдается, однако, растущее сближение между передовым югом от далеких Кадикса и Севильи, через Кордову и Валенсию до Барселоны и Сарагоссы, в северо-западной Галиции и в далекой от центра Экстремадуре (на западе). Существует северный пояс, где преобладают коммунисты, от Астурийского Овьедо и Сант-Андера до Бильбао, в то время, как в правительственном центре, в Мадриде, явно преобладают сторонники власти — социал-демократы.

Нет никаких способов организовать сотрудничество пролетариата, разделенного таким образом на три враждующие секции. Ибо социал - демократы связаны с правительством и будут покрывать всякое его действие, даже когда их социалистическое голосование поддерживает жестокие высылки анархистов в Африку, даже когда, как это уже случалось, члены их же партии, принявшие участие в рабочих демонстрациях в провинции, подвергаются избиению или расстрелу. Коммунисты, прежде всего, стремящиеся к тому, чтобы влияние анар-

христской пропаганды не распространялось, содействуют возникновению столкновений, ведущих к избиениям, и доказывают при этом, что чем хуже, тем лучше. Это вполне логично с их стороны, ибо они не хотят независимо мыслящих пролетариата и человечества. Это — цель анархистов. Коммунистам же нужна только послушная и фантастическая масса, которая подчиняется их диктатуре и согласная, чтобы ее разделили на трудящихся и на надсмотрщиков, составляющих правящий и командный класс.

Прибавьте к этому то, что неизбежное и нетерпеливое стремление рабочих повсеместно улучшить свое положение путем прямого действия, стачек, демонстраций сейчас, в момент всеобщего экономического кризиса, наталкиваются на зверскую репрессию, за которую следуют местные всеобщие стачки протеста. За такими стачками опять следуют военные репрессии до тех пор, пока рабочие организации не оказываются закрытыми, многие активисты — в тюрьме, большое число раненых и несколько убитых (около 300 в течение одного года). Все это постоянно выдвигает неотложные вопросы о солидарности организованных рабочих, поглощает их силы и ставит перед ними трудные практические задачи. Так, например, во время каждой забастовки, обострившейся после грубого вмешательства власти, возникает вопрос о том, бороться-ли до истощения сил, или искать приличного пути к отступлению. Навязывание такой борьбы организациям во времена старого Интернационала в 1873 году погубило его и поставило многие организации не один раз в критическое положение. В подобных случаях организации переходят к обороне и терпят способность к инициативе, лишаясь таким образом, средств, которые, быть может, следовало истратить на прямые пропагандистские задачи. Они могут также потерять свой престиж в случае неблагоприятного поворота борьбы, ведущейся ими не по собственной воле. Сейчас положение вещей в Испании таково, что именно этого хотя

не только правительство (буржуа и социалисты), но также социалистическая и коммунистическая партии, у которых общий враг — анархисты и анархо-синдикалисты.

Вот слова, обращенные комитетом Синдиката — Унико земледельческих рабочих и Синдиката смешанных профессий Ольверы (городок с 9,000 населения в провинции Кадикса) к социалистам в типичной Андалузской, рабочей и крестьянской газ. "La Voz del Campesino" (Голос Земледельческого Рабочего) в Херец де ла Фронтера — местности, где был героический бунт в январе 1892 года (№ 33, от 30-го апреля 1932 г.):

... Если бы вы, господа социалисты, не были препятствием для прогрессивного движения человечества, если бы вы хотели помочь нам, а все обездоленные земли последовали бы только голосу правды, тогда наша победа не замедлила бы прийти. Если бы вы, вместо того, чтобы думать как бы стать мэрами и муниципальными советниками и добраться до власти, которая должна исчезнуть, и если бы вы не пытались жить только для своей пользы, в то время, как те, кого вы представляете, умирают от голода, — если бы вы, повторяем, отшвырнули бы прочь всю ту грязь, которая называется политикой, и работали бы вместе со всеми рабочими, — тогда вы действовали бы с большим достоинством и сделали бы кое-что и для вашей собственной пользы.

Если, действуя так, как вы действуете, вы делаете это сознательно, то вы — предатели и враги делу пролетариата.

Наш комитет, именем товарищей, убитых в парке Марии Луизы (в Севилье летом 1931 г., когда арестованные рабочие были отведены жандармами в концлагерь и там расстреляны в силу так называемого "ley de fuga", закона о побеге, состоящих в следующем: — убийцы заявляют, что арестованные пытались бежать — и дело с концом; случай, о котором идет речь, был с точностью установлен парламентом расследованием); именем де-

тей, умерших в Арнедо (провинция Сорронье в северной Испании, прошлой зимой); от пуля агентов буржуазии и государства: именем сосланных в Бату (теперь они находятся в еще худшем месте, в Вилла Шиснерос, где пустыня Сахара доходит до морского берега на испанском побережье к югу Марокко); — позор социалистам, содействовавшим этому своим голосованием (федеральные республиканцы протестовали против приказа правительства о высылке, буржуазные радикалы воздержались от голосования, но социалисты своим голосованием одобрили высылку 109 заключенных без суда и без предъявления им определенного обвинения, только на том основании, что они были активны); именем всех голодающих в нашей стране, не находящихся работы для своих рук; именем всех жертв (указанные выше 300 умерших, мужчин, женщины и детей, павших от расстрела) этой республики, названной республикой рабочих, мы кричим всем этим социалистическим лидерам и заявляем им: господа совместители (т. е. люди, получающие жалованье одновременно по нескольким должностям), вы плуты, вы предатели! Вы настоящие преступники! Вам нужны доказательства? Мы готовы дать их вам с трибуны и тогда вы будете пристыжены, если вы еще обладаете хоть атомом достоинства, мы разоблачим с открытой трибуны ваши преступные действия. Комитет“.

Эти слова выражают чувства, вызванные действиями испанских политических социалистов, — тех, кто через Поля Лафарга происходит по прямой линии от Маркса и Энгельса, и кто с тех пор, с зимы 1871—72 г.г., являются злейшими врагами анархистов. Их секретарь является министром труда, а один из их лидеров известен тем, что заявил, что он не стал бы высылать 109 анархистов, а предпочел бы, чтобы их расстреляли. Так как вся власть, унаследованная от старого государства, находится в их распоряжении в качестве министров с апреля 1931 года, то они владеют средствами для того, чтобы подвергнуть мукам, оскорблению и смерти

тех, кто противостоит их системе. Совершенно так же, как это делают большевики, и они действуют по тому же образцу. В других случаях они действуют по образцу итальянских фашистов, что, в сущности, одно и то же. Но они отмечены теперь, как социалисты, в народном мнении совершенно так же, как и республиканцы — за исключением лишь немногих республиканцев — федералистов. Все это произошло в течение 12 месяцев — а это уже нечто. Что касается коммунистов, то они не имеют ничего привлекательного для испанских рабочих, желающих освободиться от управления монархистов, республиканцев, социалистов, и недостаточно глупых для того, чтобы желать и предпочитать быть управляемыми коммунистами: они не желают вовсе быть управляемыми.

Это — их отличительная черта, как я уже пытался объяснить в прошлом году. 1931—32 был годом, когда им дан был последний предметный урок, необходимый для того, чтобы усилить их отвержение правительственной власти. Тот, кто испытал на себе методы управления Филиппа II и всех других монархов, узнал теперь, что правление республиканцев и авторитарных социалистов носит тот же самый характер. Ит старое традиционное недоверие и ненависть к правительствам и пропаганда анархизма идут от 1868 года и, конечно, очень усилились за последние 12 месяцев. Из всего этого возникнут истинно народные стремления и воля к отрицанию правительственной власти, к местной и личной автономии, к ассоциации и солидарности в труде и к удовлетворению всех личных и коллективных нужд, к свободе вообще и к социальному сотрудничеству в широчайшем масштабе. К этим целям, к анархии на основе либертарного коммунизма, направлено сотрудничество многих сил в Испании, и это — единственная живая идея в народе. Ибо идеология буржуазии, государственный социализм, советский коммунизм — все выдохлось. И почему все это кажется столь невозможным и невероятным некоторым маловерам? Они судят по аналогии

Н. МАХНО.

Чикагский Прогрессивный Клуб и П. Аршинов.

В связи с появлением в свет брошюры П. Аршинова „Анархизм и диктатура пролетариата“, а также резолюции Чикагского Прогрессивного Клуба об исключении Аршинова из состава сотрудников журнала „Дело Труда“ и из анархического движения, как „вредного элемента“, в которой упомянутый Клуб выражает свою солидарность с каким то аршиновским протестом против меня за то, что я поместил свое мнение о большевистской деспотии в СССР в журнале Беседовского, — в связи со всем этим ряд товарищей и здесь в Европе и из Америки и Канады спрашивают меня:

— Как вы, т. Махно, смотрите на все это, — не думаете ли вы, что Чикагский Прогрессивный Клуб переселил в отношении Аршинова? И почему Аршинов, да и Чикагский Клуб, подкапываются под вас?

Вот мой ответ на все это:

В данном случае нужно считаться во-первых, с тем, что представляет из себя среда, составляющая Чикагский Прогрессивный Клуб. Мне лично она неизвестна ни по личным встречам, ни по Российскому анархо - коммунистическому движению. Возможно, что это та среда, на которой наше движение держалось, даже когда его действительные представители, да и я в том числе и мне подобные энтузиасты, гнили по царским тюрьмам, а во время рево-

с другими странами, но ведь каждая страна, округ, местность, каждый человек — имеют свой особый ритм. В разных частях Испании либертарный, радикальный, либеральный, анархистский ритм замечательно силен и не может быть навсегда подавлен и принужден к молчанию.

Таковы мои первые впечатления: дух и бодрость не сломлены, мышление становится яснее, надежда не поколеблена, а где воля, там и путь. Приехав сюда из повергнутой в уныние и безнадёжность Европы, я здесь ожил.

Н

6-го мая 1932 года.

люции истекали кровью на его путях за его идеалы, — возможно — повторяю — оно только и держалось на этой среде, то тогда это лучше для нее. Возможно, что эта среда временная, так сказать, переходная в нашем движении. Тогда это хуже для нее и нашего движения. Во всяком случае, касательно ее действия в отношении Аршинова я должен сказать, что анархическая тактика в гуще серьезных ее носителей не имеет в своей истории такого примера, чтобы исключать то или другое лицо из целого движения, да еще через прессу, раньше, чем его идеологические положения не обсуждались на конференциях и съездах и целиком не осуждались.

Но в примере с Аршиновым многое зависит от того, как Аршинов повел себя в отношении анархистов и самого анархизма.

Аршинов в этой своей брошюрке показал анархистам то, что он целиком вошел в большевистское болото и целиком разделяет все, что в нем творится за и против личности, ее свободы и независимости. Но Аршинов, не в пример другим перебежчикам из рядов анархизма в большевистское лоно, которых он в свое время жестоко крестил за их ренегатство, не декларирует, как это делали эти люди, о том, что он уходит из рядов анархизма, — он, Аршинов, молчит об этом и старается всеми путями, при помощи специфически ему свойственных незуитских ухищрений, проталкивать в анархизм и в его ряды большевизм со всеми отвратительнейшими его методами и средствами борьбы, которые все время, всюду выражают собою гнусность по отношению всех социалистов и анархистов, иначе, чем большевизм и его лицетворители, представляющие судьбы русской революции и дело трудящихся в ней. На этом пути, именно за этим, контрабандистского характера, делом Аршинов считает себя вправе стоять по уши в большевистском болоте с умиленным лицом в сторону лицетворителей большевизма - тиранов в отношении анархистов — и в то же время,

не краснея, притворяться болеющим за настоящее и будущее анархизма. Он поучает анархистов послушаться его и принять идею государства и диктатуры пролетариата...

В самом деле, как иначе нужно понимать ту ложь Аршинова, силою которой он настолько возмужал (и нужно сказать — обнаглел, как и большевистские верхи), что осмеливается говорить в этой жалкой по своему невежеству брошюрке, что „государство СССР является зародышем нового мира — мира освобожденного труда...“. По этому, дескать, „анархисты должны вступить с этим государством в тесный контакт и помогать ему в его борьбе с темными силами старого мира“.

Разве здесь не чувствуется полное ренегатство во имя вечно изменнического и предательского в отношении свободы и вольного труда большевизма? Он нам говорит о „высшем идейном существе государства СССР“. Что из себя представляет государство СССР мы знали, когда сталкивались с ним в повседневной жизни и борьбы и знаем теперь по тем стонам и воплям угнетенных и голодных тружеников, которые доносятся к нам из пределов этого государства. Стоны эти лучше всего свидетельствуют нам о том, что это государство не заслуживает у анархизма какого-то особого исключения. Наоборот, чем больше оно стверенеет и без разбора бьет налево и направо по правам трудящихся на свободу и независимость, устраивая свою трудовую социально - общественную жизнь, тем сильнее оно удушает в трудовом народе дух свободы и самостоятельности, — тем решительнее анархизм должен вскрывать эту его тиранию и атаковать его в целях показания трудящимся людям, что государство, в какую бы оболочку оно ни одевалось, всегда есть тиран, которому нет места там, где люди хотят быть свободными от опеки правителей.

Правда, это азбучная истина для какавого анархиста - революционера, и останавливаться на этом излишне. Гораздо важнее подчеркнуть другое: кто эти темные силы старого мира в теперешних боль-

шевистских условиях, чтобы победить, которые Аршинов требует от анархистов войти в тесный контакт с большевистским государством и его диктатурой, т. е. с политбюро ВКП и Г.П.У. и помогать им во всем против этих сил...? Разве мы, выпесившие все тяжести революции в борьбе с контр - революцией, не знаем того, что большевики выкорчевали все старое из ничтожной части буржуазии, которая спаслась от ударов революции, вернее, ликвидировали этот остаток буржуазии, и теперь под „темными силами старого мира“ подразумевают всех социалистов и анархистов, которые не мирятся с их большевистской, худшей из худших, деспотий, которые протестуют против их безответственного политического и хозяйственного разгула по стране во имя деспотии своей партии, во имя деспотии случайно всплывших на гребень революции и усевшихся у власти одиночек этой партии, чуждых интересам трудящихся, как были им чужды низвергнутые сатрапы царизма. Мы все это отлично знаем. Все это и Аршинову хорошо известно и понятно. Но он проходит мимо этих фактов, и вполне понятно, почему он проходит мимо них.

Аршинов — человек тщеславный и властолюбивый. Мало заметная фигура в анархическом движении России и совсем незаметная в революции, по крайней мере, до 1919 года, пока махновцы не вытянули его из московского безделья в это время и не толкнули его в бурю революционной практики.

На Украине, возле махновцев, в качестве личного моего секретаря Аршинову приходилось часто встречаться и знакомиться с видными сановниками от большевизма (это было время, когда руководимое мною революционное повстанчество держало совместно с Красной большевистской армией революционный фронт против контр-революции генерала Деникина и Антанты).

С этого времени имя Аршинова начинает появляться в большевистских писаниях, как видного работника революции под знаменами махновщины... А далее, благодаря тому, что я предоставил ему за год

и пять месяцев бошку моего и моей подруги дневника, а также большие денежные средства. Аршинов с ними отлучился из движения и написал книгу „История Махновского движения“.

С этой книгой как-то быстро выдвигается в работники анархического международного масштаба и повторяю, как человек тщеславный, он начинает претендовать на зачисление его в вожди революционно-анархизма и, конечно, старается найти для этих претензий теоретическое обоснование.

В эмиграции, в кругу таких же невежд в знании анархизма, как и он сам, ему это удастся: он делается „теоретиком“ анархизма. И как легко сделался им, так же легко и поплolz к стопам большевизма. И это, по моему, вполне закономерно. Почва большевизма всегда была и остается для политических уродов самой родственной. И с этой стороны Аршинов вполне прав, что возвращается на эту почву. Он неправ только в том, что делается, при этом большим нахалом в отношении анархизма и анархистов. Он, этот жалкий „теоретик“ эмигрантской отселятины посылает анархистов учиться у Ленина, как нужно бороться с буржуазно-капиталистическим строем. Он требует от анархизма перестать быть светлым учением жизни, всего реального, индивидуального и своеобразного в ней. Будучи сам политиканом незуитом, он требует от анархистов становиться такими тоже.

Вот почему, когда продумываешь серьезно все это и хотя чуточку хочешь верить, что Чикагский Прогрессивный Клуб представляет собою не переходный элемент в анархо-коммунистическом движении, а постоянный и ответственный его кадр, то становится понятным, почему этот клуб, вместо полемики по затронутым Аршиновым в этой своей брошюрке вопросам, прямо отрубывает все пути для Аршинова в „свой“ журнал.

И даже, не взирая на то, что его, это го клуба самого анархическое положение в Российском анархо-коммунистическом движении в прошлом никому неизвестное, а

в настоящем — более чем скромное (да и анархо-коммунистическое ли оно?), он, этот клуб, поставил вопрос об исключении этого Аршинова из целого анархического движения, как „вредного элемента“.

Ну, а что касается того, что Чикагский Прогрессивный Клуб находит то, что я дал Беседовскому в его журнал „Борьба“ мое бывшее интервью одному из большевиков — оппозиционеров о большевистской деспотии в СССР, каким-то преступлением и солидаризируется поэтому с аршиновским протестом против этого, то я должен сказать, что это его солидаризование, хотя и странно (ведь когда признают кого либо „вредным элементом“, с ним как то неудобно, даже недостойно, солидаризоваться в чем бы то ни было, ибо он может быть „вредным“ вообще элементом и для других?), но все это для меня понятно.

Ни для кого из нас не является секретом то, что революционеры всех почти стран, и русские из них в особенности, смотрят на Беседовского, как на изменника, а некоторые даже говорят, что он изменник и провокатор, он, дескать, в своих записках провоцировал большевиков. Совершенно естественно, что Чикагский Прогрессивный Клуб насколько он является революционно-анархическим клубом, да еще быть может кое в чем родственным мне, т. е. моим идеям, он, клуб этот, не мог не считаться с такими взглядами революционеров на Беседовского. И для него появление моего мнения о большевистской деспотии на страницах журнала Беседовского явилось неожиданным и, весьма возможно, прискорбным явлением.

Непонятно для меня в этом солидаризовании Чикагского Прогрессивного Клуба с Аршиновым „вредным элементом“ лишь то, что он считается с трафаретными взглядами и мнениями о Беседовском всех, но не счел для себя нужным подумать о том, что быть может Махно, столь часто соприкасавшийся в делах Русской Революции с большевиками и хорошо знавший их, какие они мастера на ложь и подлость против всех своих противников

и врагов, а особенно против тех из них, кто был их слугой и порывает с ними, — быть может у этого самого Махно есть свои взгляды на Беседовского, да и мало что еще быть может у революционного работника, который идет вне сфер влияния кого-то извне, идет своим, пусть тяжелым, но своим путем. Вот именно это для меня непонятно. А между тем, я, принимая знакомство в августе 1931 года с Беседовским, смотрел на него не как на изменника и провокатора, а как на человека, порвавшего всякие связи с лицетворителями теперешнего специфически изменнического большевизма, потому что вынужденное бегство Беседовского из посольства по моему форсировано самими большевиками, жаждавшими его вернуть в Москву, и оно поэтому только и сделалось ненормальным. А на те его разоблачения большевиков, которые местами имеют мерзостный характер, я смотрел и смотрю, как на плоть и кровь Марксо - Ленинской школы лжи, измены и предательства, которую Беседовский, после своего перекочевания от социалистов - революционеров к большевикам, проходил целых десять лет, изучая и практикуя ее методологично.

Марксо - ленинская школа воспитывает питомцев лжи, измены и предательства по отношению всех без разбора ее противников и врагов.

Беседовский — один из питомцев этой школы. И пока он верил в правоту этой школы, он был ревностным исполнителем всех требований, вытекающих из нее. А как только потерял эту веру, он разошелся с нею, при том, разошелся ненормально по вине самих большевиков. Отсюда именно исходит тот источник и характер благодарности, которую Беседовский отблагодарил большевикам.

Это, конечно, не означает, что я лично это оправдываю, или что так должно поступать всегда и всем людям революционного мира. Это означает лишь то, что Беседовский, поскольку он Беседовский, а не кто другой, заплатил большевикам тем, чему они его учили, чтобы он когда стоял на страже интересов марксо - ленинской

школы, платил всегда и всем ее врагам.

От подобного характера действий в отношении официального большевизма и его лицетворителей — Сталина и его лакеев, которыми Беседовский сопровождал свой разрыв с ними, не так уж далеко ушел и Л. Троцкий и многие другие бывшие вершители судеб Русской Революции, которых постигла та или другая неудача в их лавировании на путях сталинского политического курса. И эту их линию поведения выровняет только история... На нашей же обязанности лежит то, чтобы ясно отдавать себе отчет в том, что марксо - ленинская школа выпустила этого сорта воспитанников слишком много, что все эти люди и в одиночку и целыми группами существуют и физически и политически и что, наконец, хотим ли мы или не хотим, но они займут тоже свое место во Всероссийских будущих революционных делах и битвах за них.

Таков в общем мой взгляд на Беседовского был, когда я с ним знакомился и, по его просьбе, давал ему мое бывшее интервью для его журнала „Борьба“, под заглавием „Советская власть, ее настоящее и будущее“. Правда, за это мое строго выдержанное в идейном отношении мнение о большевистской деспотии наш пресловутый теоретик „анархизма“, ныне выдвигающийся по линии анархо - большевизма, Аршинов укусил меня каким-то для меня неизвестным протестом, с которым и Чикагский Прогрессивный Клуб солидарен (судя по его резолюции, направленной против Аршинова). Но все эти их действия бьют мимо цели. Я — не мальчик, я знал всегда, до и во время революции, когда мог и играл активную и непосредственную роль на путях борьбы за свободу и вольный труд угнетенных и обманутых и поработенных, я знаю и теперь в эмиграции, что я делаю и во имя чего именно делаю.

К тому же знакомство мое с Беседовским и то, что я дал ему свое мнение о режиме большевиков, которого другие усердно добивались и не огласили в своей газетке, дало мне некоторое удовлетворение. Благодаря ему, этому знакомству моему с

Беседовским, я имел возможность узнать все его окружение и понаблюдать за ним. И я знаю внутреннее существо этой группировки. И я могу судить о том, во имя чего эта группировка составила и существует и чем в действительности занимается она — революционными-ли делами и на пользу российских тружеников, или контр-революционными и в пользу иностранной буржуазии, как это „злые“ языки говорят.

Так что завравшемуся в своем намерении дать анархизму что-то новое и склонившемуся перед болотом большевизма Аршинову, хотя и по привычке наживать себе политический капитал на самопожертвовании одних и на ошибках других, в данном случае, когда он протестует против того, что я дал свое мнение о большевистской деспотии в журнал Беседовского, он делает это совершенно напрасно, по моему. И совершенно напрасно Чикагский Прогрессивный Клуб солидаризируется с ним в

этом.

Мне янии не нужны. Я освободился от них десятки лет тому назад, и успел много лет побывать пяней для других, в том числе и для самого Аршинова. И должен сказать, что не Чикагскому Прогрессивному Клубу и, тем более, не Аршинову — хотя-бы он еще и не сделался вредным „элементом“ — не им поучать меня в том, кому я должен давать, а кому не давать свои статьи — мнения о гнусной деспотии красно-белых кремлевских тиранов, оседлавших трудовую революционную страну и едущих по ней вдоль и поперек, уничтожая все свободное и лучшее, что Великая Русская Революция благодаря общим усилиям всех нас, революционеров, принесла стране.

НЕСТОР МАХНО.

Апрель месяц 1932 г.

Париж.

НАШИ РАЗНОГЛАСИЯ.

Кто из наших единомышленников не задумывается над положением нашего анархического движения? Стоит-ли оно на высоте своего назначения? Мы думаем — что нет!

Что же является причиной слабости такового? Конечно, наши разногласия. Наши федерации как „Дело Труда“, так и „Пробуждение“ заняли враждебные позиции и смотрят одна на другую не как на родственную, а как на враждебную организацию. Каковы бы корни этой вражды ни были, и откуда бы они ни исходили, мы призываем всех анархистов Соединенных Штатов и Канады поддержать наше начинание, приложить все усилия к объединению всех анархических сил в одну могучую братскую федерацию, этим самым поставить наше движение на высоту славы и процветания.

В самом деле, неужели невозможно объединение, почему? Если властные силы объединяются для кровавых целей, угнетения, насилия, то почему бы нам не объединиться для борьбы с ними и для защиты своих прав, жизни и свободы? Разве

не преступно относиться к движению так, как это делалось и делается между федерациями?

Обе стоят за Анархический Коммунизм, но соединиться не могут. Более того, — не могут существовать, чтобы не вредить друг другу. Мы считаем такое поведение неподобающим для анархистов. Оно присуще властным партиям, стремящимся к власти, чтобы другая ей не мешала. Но у нас такое понятие не должно существовать.

Разве анархизм не учит, что мы должны относиться терпимо к инакомыслящим культурно — просветительным и т. под. организациям, за исключением строго выраженных деспотических — большевистских, фашистских, монархических? А раз это так, то откуда все эти распри и эпитеты вроде — белогвардейцы, черносотенцы, анархо — большевики и т. п.

Дорогие товарищи! Сколько бы вы правы ни были (если кто-нибудь в самом деле прав), занимаясь такими разоблачениями, которые имели место в обоих журналах, а в „Дело Труда“ еще и теперь

(последний номер), не надо забывать того, что они приносят огромнейший вред нашему движению. Работа разоблачителей является той ямой, в которую попадает наше движение. Как бы то ни было, наши „разоблачители“ с обеих сторон поступают не так, как подобало бы поступать анархистам.

Мы не хотим этим сказать, что у нас должна отсутствовать критика, нет — она должна быть, но критика честная, здоровая, очищающая все болезнетворные явления на нашем общественном организме. Критика без терминов „черносотенный элемент“, или — „большевиствующие — анархисты“.

Мы не имеем намерения защищать одну из двух федераций. Этим мы выразили бы свое пристрастие. Мы имеем в виду обе федерации и, как анархисты, хотим сказать свое слово в защиту движения в целом, не принося ни малейшего вреда ни одной из враждующих федераций.

Мы хотим толкнуть всех и себя самих к великому делу объединения не только национального, но и интернационального, и не только с группами, так называемыми анархическими, но и родственными.

По нашему мнению только таким путем можно создать массовую объединенную организацию, одну великую федерацию, что так было-бы выгодно всем анархистующим.

Также мы не имеем в виду упрекать кого бы то ни было, но призываем всех, не оглядываясь на прошлое, взяться за дело всеми нашими силами.

Всем нам известно, что мы все способны ошибаться в мыслях, словах и действиях. Пойдем же, товарищи, на взаимные уступки, и как следовало-бы анархистам не судить других за их ошибки и не показывать на сучок в глазе брата, а обшлыми силами стараться этот сучок выбросить, начиная с себя, ставя на надлежащий путь себя и всех тех, кто им недостаточно прямо шел (а мы почти все таковы), исправлять других добрым умным словом, хорошим примером, а не обзывать разными оскорбительными словами, оттал-

кивая их еще дальше, чем они стояли до этого времени.

Многие из товарищей указывают, что „Пробуждение“ идет эволюционным путем, а поэтому нам, революционерам из „Д.Т.“ не по пути с ним. Мы считаем такое понятие недостаточно продуманным. Неужели невозможна кооперация эволюционных и революционных понятий, положений, тенденций и т. под.? Мы думаем, что революция есть дитя эволюции, и поэтому кооперация этих двигающих начал не только возможна, но и необходима. И нам следовало-бы думать, что эволюционеры нам вредить не будут; более того, — ведь наши группы имеют автономию, также имеет право самостоятельного мышления и каждый член известной анархической группы, — почему-бы не иметь этих прав нескольким группам в нашей федерации? Может быть каждый из журналов не хочет капитулировать? На это есть средство; по реорганизации движения можно создать новый орган под совершенно новым названием.

Подумайте хорошенько товарищи над сказанным. Сожмем свои ряды, и если хотите, — так РООВА и РНЗОВ нам покажали дорогу. Мы не считаем их анархическими организациями, но в душе радуемся этому объединению. Все же они не попали ни „Гнилому Миру“, ни „Селечному Новому (?) Слову“, и хоть частично соприкасаются с анархическим духом.

Эти аполитичные организации можно направить в анархическое русло. Вы ни кого не возьмете с улицы, чтобы был чистым анархистом. Нам нужно суметь притянуть в свои ряды тех, кто не имеет никакого понятия об анархизме. В этом залог роста и увеличения наших сил, и симпатий в массах. А чистые анархисты, если они и не у нас, они везде делают свое великое дело.

Пишем мы это, товарищи американские анархисты, потому, что мы, канадцы, невыносим такой атмосферы. Нам стало душно и темно, мы хотим света, знания, солидарности и объединения. Так прозвучать мы не согласны. Мы уже начали

в этом направлении работу. В Торонто есть Интернациональная группа по созданию в Канаде союзов русских рабочих наподобие тех, что существовали 13-14 лет тому назад. Наша цель — объединить эти союзы в одну мощную братскую федерацию. Все имеющиеся канадские группы горячо откликнулись на этот призыв, и мы теперь готовимся к нашему будущему съезду.

Согласятся ли американские группы и федерации последовать нашему примеру, или нет, нам безразлично. Мы хотим начинать с себя, и если мы не выдержим этой трудной гигантской задачи — будет не наша вина, товарищи, а вина тех, кто не согласился нас поддерживать в таком грандиозном начинании.

Нам хотелось бы, чтобы будущий наш анархический съезд был не канадским, а общеколонизальным. Так что за вами слово, товарищи. За торжество нашего идеала, за мощную великую и сильную федерацию, за организацию масс под знаменем анархии. Мы должны отбросить на задний план наши личные и групповые разногласия. Надвигаются великие мировые события. Атмосфера отравлена порохом и газом. Желтые и черносотенные газеты раздувают милитаристический патриотизм. Задумайтесь, товарищи, сможем ли мы раз-

розненными силами влиять на массы; сможем ли мы быть тем авангардом, ведущим массы к политическому и экономическому освобождению? Сможем ли мы, при наличии такой организации, разоблачать властные партии, претендующие управлять миром обманом, захватив все в свои кровавые руки? Мы думаем, что нет!

Мы должны организовать союз русских рабочих, объединенные в одну федерацию, если не хотим быть раздавленными красными, черными и желтыми темными силами, которые, услышав запах крови, усиленно каркают, как вороны над падающей.

Пусть каждый из наших единомышленников задумается над положением нашего движения. Кто верит в свободное общество в будущем, тот должен в настоящем готовиться, практически показать, что мы соединяемся для дружного сожительства, что мы стоим выше страстей и предубеждений, что мы можем показать свою мощь миру!

Отзовитесь, товарищи, давайте общими усилиями проведем мечту объединения в действительность. За вами слово, товарищи.

Союз Самообразования
Гор. Ист Виндзор, Канада.

2-го августа 1932 г.



MAX NETTLAU.

„От платформы“ до „тесного контакта“ с „пролетарским государством СССР“, от октября 1926 до октября 1931, или возвращение Петра Аршинова домой.

Можно только поблагодарить Петра Аршинова за то, что он, по крайней мере, положил конец всяким сомнениям, вызванным его „Платформой“, появившейся в октябре 1926 года, ибо он открыто отрекся от анархизма в своем докладе в октябре 1931 года: „Анархизм и диктатура пролетариата“. Ничего лучшего он не мог сделать, как, разрубив запутанный узел своим откровенным признанием того, чего он ждал от анархизма, чего он в нем не нашел и почему он не высокого мнения о нем теперь. С такой же откровенностью можно ему сказать, что он — один из многих, не вполне понявших эту идею, один из тех, кто приписывает ей всякие качества и потом ждет от нее чудес, которых она не может совершить, особенно по срочному заказу. Такие люди обычно отворачиваются от анархизма и, уходя, хлопают дверьми. Такие случаи очень обычны. По временам бывает так, что разочарованные встречаются чаще, чем люди, вполне проникшиеся духом идеи. Но какое это имеет значение? Наша задача тяжка, и наша работа должна идти своим чередом.

Я обсуждаю этот частный случай потому, что, вследствие усердия „платформистов“, их попытка привлечь к себе международное внимание. Они вызвали безконечную полемику во Франции, в то время, как в Испании они встретили лишь слабый отклик. Петр Аршинов в названной статье признает, что ему высказано было порицание многими деятелями, в числе которых Малатеста, Луиджи Фаббри, Себастьян Фор, Волин, М. Корн и даже я сам. Все это вполне правильно, но крайне дурной вкус или очень богатое воображение заставляет Аршинова называть лидеров испанских анархо-синдикалистов и таких товарищей, как Роккер, Сухи, Шаниро сочувствующими „железной необходи-

мости установлению в стране системы пролетарской диктатуры“. Он утверждает, что Кропоткин одобрил „пролетарское государство“, каким определил его Ленин в книге „Государство и революция“. (Страницы 13 и 8). Защищаться против этого незачем и протеста также не требуется.

В конце концов, в чем же дело? Каздый, кто восстает во имя революции, очевидно хочет продолжать эту революцию, достигнув ее цели, защитить себя от ее врагов. Революция и узурпация оба могут применять одни и те же насильственные средства, но они различаются в том, что революция делается для блага всего общества, узурпация же для пользы группы, отдельных лиц, классов или сословий, представляющих частные интересы. Диктатура вначале была командованием, добровольно вручавшимся лицу, по общему признанию обладавшему необходимыми качествами, на случай бедствия или опасности. Диктатор удалялся от власти после того, как его задача была выполнена, как сделал это в древнем Риме Цинцинат, вернувшийся к своему плугу. Постепенно диктатура вылилась в тираническую узурпацию и превратилась в деспотический цезаризм, в самодержавие: впервые это сделали Сулла и Марий, потом Юлий Цезарь подготовил почву для Октавиана (Августа), а вскоре за тем, для Тиберия и Нерона. Духовное руководство из рук первых христиан перешло к общему собранию епископов, к папе, от верующих — к священнику. Подобным же образом и внутри социалистических партий и организаций власть переходит в руки исполнительных комитетов, признанных лидеров и т. д. Так обстоит дело во всяком движении, где свобода находится в пренебрежении, где власть создают или подчиняются ей. Это вовсе не неизбежно, ибо везде, где творится истинно полезная работа,

как, например, в науке, технике, искусстве, где для всякой деятельности необходима надлежащая подготовка, все делается теми, кто может выполнить работу наилучшим образом. Их работу рассматривают, сравнивают, и полезность ее не зависит от иерархического положения тех, кто ее делает.

Во всяком случае, это — необходимое и желательное условие всякой продуктивной работы, и если власть вмешивается сюда, то в результате получается разложение и понижение продуктивности. Прогресс творится искусством и способностями, тогда как власть сама по себе безсодержательна, может быть применена и к хорошим и к плохим делам, может создать нечто полезное или же привилегию, угнетение.

Анархизм желает восстановить творчество на путях разумности, опыта и знания, вернуть ему его место, т. е. освободить его от посторонних влияний, а таковыми являются государство, монополия, невежество, предразсудок и отсутствие независимости.

Если люди, кто бы они ни были, желают подчиняться таким влияниям, — а всякая диктатура является таким влиянием, — то они не есть и не могут быть анархистами. Если они по какой-нибудь другой причине считают себя анархистами, то они ошибаются, а если они хотят навязать такие мнения анархистам, то не смогут этого сделать даже при условии широчайшей терпимости по отношению ко всему разнообразию личных взглядов.

Таких людей нельзя считать анархистами: они принадлежат к числу сторонников власти. Петр Аршинов имеет полное право заявить, что он не согласен с анархизмом, и в чем именно он не согласен с ним, и что именно он предпочитает ему, — но он должен понять, что он не может быть в двух разных лагерях в одно и то же время — быть анархистом и сторонником диктатуры, ибо одно исключает другое.

Я узнал из его биографии, напечатанной „Группой русских анархистов в Германии (Берлин 1922)“ в книге под загла-

вием „Гонения на анархизм в Советской России“ (страница 48, где напечатан документ, исходящий от его тогдашних ближайших товарищей), что он был рабочим в Екатеринославе, принимал участие в движении с 1904 года, сначала в качестве члена большевистской партии, выпускавшей свой нелегальный закавказский орган „Молот“ в 1905-06 г. г. Он стал анархистом в 1906 году, был очень активен в революционной рабочей борьбе в последующие годы, едва избежал смерти на виселице и, наконец, в 1910 году попал в тюрьму, где и пробыл до марта 1917 года. Он принял участие в октябрьской революции в Москве, принимал участие в издании анархической литературы, а в 1919 году участвовал в организации борьбы с Деникиным. Позднее он подвергся преследованию в качестве одного из тех анархистов, которые не пожелали преклониться перед советской властью. Его активность в махновский период широко известна.

Это весьма почтенное прошлое показывает, до какой степени он возлагал свои надежды и веру на прямое революционное действие рабочих анархистов, которые могут увлечь других за собой. Он был ближайшим свидетелем того, как большевики накладывали свою руку на все и становились преобладающей партией. Это больно задело его чувства уже в 1917 году (стр. 5 его брошюры). Таким образом, он измеряет социальные воззрения — достигаемыми успехами. Такой метод не является доказательством против анархических идей и тактики. Если в наши дни какой-нибудь шарлатан рекомендует патентованные лекарства, а ученый объявляет о ценном труде, то, при нынешнем положении вещей, шарлатан будет продавать успешнее. Именно это и есть причина, почему все усилия должны быть приложены к тому, чтобы воспитывать людей в лучшем направлении. Очевидно, что легче захватить власть и действовать диктаторскими мерами в течение неопределенного периода времени, который продолжается уже почти 15 лет, чем заставить мил-

лионы, никогда не слышавшие об анархических идеях, действовать в согласии с анархическими идеями и идеалами. С первых же шагов масса привела к молчанию и послушанию. На смену царской власти пришла большевистская власть. Вышло так, что все осталось более или менее по старому, а настоящая социальная проблема оказалась отодвинутой в будущее: как научатся эти массы быть свободными, как создадут они для себя богатство, разнообразие и красоту жизни, которые и являются подлинной целью социализма? Когда царизм и капитализм управляли ими, то эти цели и этот идеал всегда стояли перед массами. При нынешнем же положении вещей массам запрещено даже думать в душе иные идеалы, чем те, которые предлагает им власть. Это означает, что самое святое право человека, право самому поработать над своим прогрессом, отнято у масс, и что диктатура поставила массы в положение индейцев, живших в 18-ом веке в иезуитских миссиях в Парагвае. От колыбели до могилы они находились под диктатурой попов и потеряли свое первородство. Такова же фашистская диктатура, калечащая души итальянцев вот уже 10 лет. Только такое может быть результатом телесного и духовного порабощения и остановки развития ста миллионов и более русских, управляемых в порядке диктатуры.

Разве не очевидно, что диктаторскими методами можно поддержать всякий режим — за исключением режима, основанного на свободе? Тот же самый 1917 год видел в России несколько авторитарных разновидностей от царизма в январе-феврале до большевизма в ноябре-декабре.

Конечно, было, относительно, довольно много анархистов, социалистов, радикалов, либералов также и в Италии, и в 1919-20 г. г. социальный переворот казался близким. Однако в ноябре 1922 года там установилась фашистская диктатура. Какое отношение все это имеет к анархизму, желаящему уничтожить принуждение и не могущему принудить людей чувствовать и думать, как свободные люди?

Я хорошо знаю, что люди, очарованные большим успехом большевиков, подобно Петру Аршинову, стараются сделать диктатуру приемлемой, изображая ее в качестве простого средства для защиты революции против ее врагов. Но где тонко, там и рвется. Если Вы позволите власти проникнуть через эту огдушину, то она скоро завладеет всем, как это и случилось и в России. Цинциннат вернулся к плугу, но Троцкий к нему не вернулся, а повернул пушки против Кроунштадта. В этом и состоит основное различие.

Диктатор не терпит двух мнений, и поэтому Аршинов сам мечтает об интернациональных „однородной программе, единой идеологии и единой тактике, чтобы объединить анархические силы в одну „общее-анархическую организацию“ (стр. 4). Он также очень решительно заявляет: „Революционный анархизм не должен отступать перед тем фактом, что система диктатуры означает систему власти и, следовательно, противоречит анархической теории безвластия“ (стр. 8). Вот именно! — и вот почему мы отвергаем диктатуру, вот почему мы — анархисты. Если Петр Аршинов думает, что он привлечет на сторону диктатуры кого-нибудь из тех, кто думает как анархист, то он очень наивен. Если он надеется и желает заставить анархистов отказаться от своих идей, доказав им, что Ленин и Муссолини были успешными вождями, и что анархисты не могут рассчитывать быть такими же вождями, то это анти-анархическая пропаганда становится нелепой и теряет всякий интерес в наших глазах.

Аршинов, повидимому, не может или не хочет руководствоваться подлинным смыслом тех слов, которые он воспроизводит в качестве цитаты. Я тщательно сравнил приведенные им слова из того, что я писал в номерах 11 и 16 „Пробуждения“, с тем смыслом, какой он придает этим словам на странице 10. Мне редко приходилось встречать более неправильные и недобросовестные, или плохо понятые, или небрежно переданные цитаты, чем упомянутые выше. Кроме того, он пытается

представить дело так, что статья в номере 16 (июль 1931 г.), перепечатанная — как определенно заявляет редакция — на страницах „Рассвета“ за время с 24 июня до 1-го июля 1931 года, была, будто-бы, первоначально напечатана в „Рассвете“ (стр. 10, примечание). В длинной статье, помещенной в номере II, я обратился ко всем не стоящим за диктатуру социалистам и к социальным реформаторам (I) с призывом объединиться против большевизмской узурпации и в будущем действовать под лозунгом: „никакой диктатуры“. Я также (в номере 16, стр. 80) сравнил смены политических систем, единодушие принятых и остающихся на страницах истории: перевороты, произошедшие в марте 1917 года в России, зимою 1918-19 в центральной Европе и испанский переворот 14 апреля 1931 года, — с отсутствием прочных успехов в прежние времена, когда возникали социальные перевороты чисто революционного характера, вроде Парижской Коммуны 1871 года, июньской революции 1848 года, испанских восстаний в июне 1873 года, „красных недель“ 1909 и 1914 г.г. в Барселоне и Романье, и вплоть до октябрьской революции 1917 года в России, которая и до сего дня может поддерживаться лишь с помощью диктатуры.

(1) В подобном контексте я обычно употребляю термины „гуманисты“ или „социальные реформаторы“, и весь мой текст дает читателю возможность понять, что я разумею под этими терминами. Если в этом месте было напечатано „социал-реформизм“, то это объясняется, я думаю, случайным недоразумением при переводе. Во всяком случае, сам я строго разделяю „социальных реформаторов“ (тех, кто борется за какую-нибудь особую социальную реформу), от „социал-реформистов“ (известного типа социалистов, накладывающих заплаты на современный строй и отвергающих революционную тактику). Все мы — „социальные реформаторы“, но только „умеренные“ известного типа являются „социал-реформистами“.

Я не сделал из этих фактов тех заключений, которые Петр Аршинов излагает своим читателям (стр. 10). Я только объяснил в указанных строках, написанных 27 апреля 1931 года, что события 14-го апреля относятся к первой категории внезапных перемен и не должны измеряться мерками, приложимыми ко второй категории.

Петр Аршинов также представил и положение в Испании летом 1931 года, когда он посоветовал руководствоваться русской тактикой до-октябрьского периода 1917 года, для того, чтобы прийти к диктатуре, содержание и дух которой могут и не быть тождественными с духом и содержанием российской диктатуры. Он также утверждает, что Бакунин был сторонником революционной (пролетарской) диктатуры (стр. 8). Все это до такой степени неверно, что говорит либо о неосведомленности Аршинова, либо о недобросовестности его рассуждений.

Огромная перемена, которую принес бы с собою подлинно свободный и целостный социализм, не может быть исчерпана в программах, конституциях, правилах, ни воплощена в советах, конференциях, делегатах, ни выражена в книгах, или брошюрах, или в спорах. Такая перемена означает прогрессивное повышение уровня всей жизни в направлении к свободе и солидарности. Было бы в одинаковой степени узостью считать такую перемену воплощенной в пролетариях, как и думать, что настоящие и прошлые ступени цивилизации могут быть представлены буржуазией, или аристократией, или духовным сословием, или кастой. Эту перемену принесут все живые силы человечества и это движение будет иметь свои взлеты и падения, успехи и неудачи, местные и мировые. Социальные перевороты и внезапные революционные перемены будут плодотворными, будут творить историю только в том случае, если они не будут диктаторскими узурпациями, а будут новой весной и летом, когда, в соответствии с посеян-

вым добрым семенем будет зреть обильный урожай. Такие вещи не делаются в отравленной атмосфере всемогущества чести, при помощи свирепого бюрократического аппарата, направляемого людьми, которые усердствуют для того, чтобы не быть расстрелянными.

Но я хотел бы привести несколько, хорошо продуманных замечаний из статьи опытного русского товарища М. Изидина в "Plus loin" (Париж), написанной в мае 1930 года под заголовком: „Человечество или класс“:

... „В своем движении вперед, человечество в каждую данную эпоху выдвигает на первый план задачу борьбы против какой-нибудь формы гнета: уничтожение рабства и крепостничества, свободу совести, уничтожение феодальных привилегий, свержение политического деспотизма, освобождение угнетенных народностей, уничтожение наемного труда и т. д.“... „В нашу эпоху, начиная с Французской Революции, главной формой гнета является капитализм, эксплуатирующий труд“... „В современной борьбе классов всякая победа рабочего класса есть победа прогресса и человечества вообще; всякое же поражение есть остановка и отступление. Никакое противоречие здесь невозможно: если бы нам когда-нибудь предложили совершить какое-нибудь действие, полезное для интересов пролетариата, но опасное для интересов человечества или личности вообще, то мы ответили бы, что здесь ошибка, и что такая тактика бесспорно вредна для самого пролетариата. „Диктатура пролетариата“ нам это показывает: партия, которая присваивает себе право говорить и законодательствовать именем пролетариата создает для последнего режим политического и экономического рабства, который совершенно не дает ему возможности воспользоваться завоеваниями той революции, за которую он проливал свою кровь. Нельзя защищать угнетенный класс, попирая ногами права личности, ее свободу мнений, ее человеческое достоинство“...

В этих словах хорошо выражено понимание связи интересов человечества, соци-

ализма, свободы и науки, а также условий и ритма прогресса.

Петр Аршинов, однако, заканчивает следующим предложением, обращенным к анархистам: „Признать исторически неизбежной и необходимой эпоху диктатуры пролетариата“. Это предложение он понимает в том смысле, что — как он старательно поясняет это в уточненных выражениях — необходимо „радикально изменить свое отношение к пролетарскому государству СССР“, т. е. к нынешнему русскому государству, которое для Аршинова является зародышем мира „освобожденного труда“. Он призывает анархистов „вступить в тесный контакт с этим государством“ и т. д.

Это является, как показывают последние строки (стр. 15, 16) последней сдачей П. Аршинова перед русским государством, и с этого момента он перестал представлять для нас какой бы то ни было интерес. Во всех революционных партиях бывает известный процент утекчи, утечки старых активистов, которые по той или иной причине уходят и иногда отрекаются от своих убеждений. Я помню время, когда знаменитый террорист Тихомиров ушел и выпустил свою книгу „Почему я перестал быть революционером“, напечатанную в Париже в 1888 году. Я помню анархистов, ставших клерикалами, фашистами, социал - демократами и т. д. Иногда они хранят молчание, часто же они испытывают неодолимое желание сокрушить идеи, переставшие быть их идеями. Это физиологические процессы, размягчение, разложение и отбрасывание усталых и неприспособленных. Я не считаю Аршинова одним из таких людей, хотя я и мало знаю его. Я считаю его одним из тех, кто никогда не был анархистом, кто пришел в наши ряды в 1906 году, когда широкая революция, рабочая борьба анархистов - террористов привлекала его больше, чем расчитанный и дисциплинированный тактика большевистской партии, к которой он принадлежал. По той или иной причине, он упустил вернуться к большевикам в 1917 году, когда он уже видел их матери-

Новый этап одного анархиста.

(по поводу брошюры П. АРШИНОВА „АНАРХИЗМ И ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА“)

Анархизм и большевизм, являясь двумя совершенно противоположными учениями и течениями в современном рабочем движении, ни в коем случае не могут объединиться и работать вместе. Анархизм есть анти-государственное учение о свободе и равенстве людей. Анархическая свобода состоит в том, что жизнь и действия личности, группы, коммуны и целого народа не подлежат никаким стеснениям или ограничениям. Анархическое равенство есть естественное право людей пользоваться всеми материальными и духовными благами и полной возможностью в развитии своих способностей. Отрицая всякую форму диктатуры, как переходной ступени к новому строю, анархизм выступает против диктатуры пролетариата и признает, как необходимую задачу, организацию народной армии, как лучшей защитницы революционных завоеваний трудящихся.

Большевизм есть практическая „теория социализма“, выросшая и развивавшаяся в суровых условиях русской действительности. Большевизм — это социализм, одетый в русскую блузу. Главная задача большевизма состоит в захвате государственной власти и в установлении новой политической власти — так называемой „диктатуры пролетариата“, как необходимого орудия для осуществления социалистического строя. Большевизм не верит в свободу и равенство людей, как и не верит в свободу мысли, печати и организации, считая это — буржуазными предрассудками и отжившим хламом. Короче говоря, анархизм и большевизм — прямые противополож-

сти, антиподы.

С этой точки зрения, понятно, не может быть и речи об идейном или практическом сближении анархизма и большевизма и всякая записка в пользу их объединения должна быть встречена критически и отрицательно. Однако, „семья“ не без уродов: есть анархисты, выступающие как прямые или косвенные защитники совместной работы с большевиками. Это — так называемые анархо-большевики, появившиеся в России вскоре после поражения революции 1905 года и количественно выросшие во время победы Октябрьской революции 1917 года. Анархо-большевики — это те вероотступники, те ренегаты, которые стараются сблизить и сочетать анархизм с большевизмом в форме анархизма, целиком служащего большевистской государственности. Анархо-большевики — это те „идейные анархисты“, которые, **идейно и морально** давно уже обанкротились. И к „славным“ именам старых анархо-большевиков, как Гроссман-Рошин, Новомирский, Сандомирский, Шатов, Ярчук, прибавилось теперь новое имя славного Аршинова, который в своей недавно вышедшей брошюре „Анархизм и диктатура пролетариата“ советует анархистам, не больше и не меньше, как „вступить в тесный контакт с большевистским государством и помогать ему в его борьбе с темными силами старого мира и в построении нового социалистического общества“.

П. Аршинов — не новичок в революционно-анархическом движении России. Он старый, испытанный борец, ревностно служивший революционному делу около трех десятков лет. Он долгое время считался одним из непримиримых и безкомпромиссных анархистов. Преследуемый царским правительством, гонимый большевиками и отверженный даже своими бывшими товарищами, он всегда был последователем и верен своей определенной анархической ве-

альные успехи и когда анархисты были устранимы. Он возвращается к ним в 1931 году, и единственные слова, которые можно сказать ему теперь, таковы: счастливого пути!

М. НЕТТЛАУ.

13 апреля 1932 г.

ре. Что же заставило его изменить своим прежним убеждениям и идеям и пойти по наклонному и скользкому пути ренегатства? Прежде всего, как мы сейчас увидим, опыт русской революции последних лет, а затем — испанская революция 1931 года. Но дадим слово самому Аршинову.

„Стремясь помочь испанским товарищам опытом русской революции, — говорит он в своей брошюре, — я послал им статью, в которой, изложив историю развития русской революции 1917 года, я вывел то заключение, что победа испанского пролетариата возможна на путях низвержения капиталистического строя и организации системы классового господства труда над капиталом. Статья эта — Испанская революция и Русский опыт, напечатанная в органе „Солидарidad Obrera“, была немедленно подвергнута атаке хаотического элемента в анархизме, который, вместо опровержения выдвинутых в ней революционных положений, занялся демагогией на тему о советской деспотии и о моем пособничестве этой деспотии“.

II. Аршинов далее указывает, что анархические идеи понесли поражение в России и в Италии и они несомненно понесут теперь поражение в Испании, ибо, говорит он, „анархический тезис безвластия на другой день социального переворота оказывается ошибочным, противоречащим делу успешного завершения классовой борьбы после социального переворота. II учитывая всю силу наступления эксплуататорских классов на революцию, революционный пролетариат должен будет с первого же дня переворота создать предупредительную систему защиты революции. Эта система может быть выражена только в форме диктатуры пролетариата“.

Мы не станем отрицать того, что „диктатура пролетариата“ является серьезным и важным вопросом с различных точек зрения: и с социалистической (меньшевистской), и с большевистской (коммунистической), и с анархической. Нас, понятно, больше всего интересует последняя точка зрения, в особенности в ее применении к практическому решению этого вопроса, ибо

диктатура пролетариата на практике означает для анархизма идейное разложение движения, а для анархистов — идейное самоубийство. Трудно поэтому верить, чтобы вы, товарищ Аршинов, испытавший все прелести диктатуры в России, забыли теперь, что собою представляет диктатура пролетариата не в теории, а на практике.

Ведь вы должны знать, что именно лозунгом „диктатура пролетариата“ большевики в России ввели в заблуждение большую часть рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции, над которыми они установили свое господство. Диктатура пролетариата в практике большевизма не означает ведь власти или господства рабочего класса исключительно над одной буржуазией, но и над самим пролетариатом. Диктатура пролетариата в СССР, например, на практике вылилась в диктатуру коммунистической партии, во главе которой находится центральный комитет из нескольких десятков лиц. Сам же состав центрального комитета тоже не единый, не монолитный: в своей политике он делится на большинство и меньшинство, причем, в зависимости от тех или иных принимаемых решений или планов в центральном комитете компартии устанавливается диктатура двух-трех человек, которым все должно подчиняться. Вот во что выливается на практике диктатура пролетариата — в диктаторство нескольких лиц над многомиллионным народом! Все это, после почти пятидесятилетнего господства большевиков в России, ясно и понятно каждому революционеру и анархисту, но, очевидно, только не II. Аршинову, выступившему в защиту диктатуры пролетариата и большевистских узурпаторов.

Испанская революция, как буржуазно-политическая революция, не является, конечно, идеалом анархистов. Поэтому, главная задача испанских анархистов в настоящий момент должна состоять в том, чтобы расширить и углубить идеи революции, которая должна быть направлена на путь свержения буржуазии и власти и установления свободного строя. Здесь нет надобности в диктатуре пролетариата, так

как защищать плоды революции будет сам вооруженный народ. Кроме этого, надо всегда помнить, что под лозунгом защиты революции диктатура пролетариата устанавливает новую власть, с которой анархисты, как противники всякой власти, никогда не согласятся. И если даже допустить, что единый фронт анархистов с большевиками-коммунистами и другими государственниками поможет свергнуть буржуазию, как класс, то пришедшая на смену буржуазии новая власть в лице диктатуры пролетариата в конце концов расправится с анархистами, как с антивластниками, и придушит все анархическое движение. Так именно и было в России, когда большевики, добившись власти и установив диктатуру пролетариата, жестоко расправились со своими вчерашними друзьями — анархистами, по своей наивности составившими с ними единый фронт борьбы против капиталистов и помещиков. Они, большевики, как новые властители, разрушили подлинно революционное и анархическое движение на Украине — маховское движение; они самым жестоким и зверским образом подавили Крошадское восстание и уничтожили анархическое движение в самой России, подвергнув некоторых анархистов расстрелу, а других — тюрьме и ссылке из страны. Этот кровавый урок русской революции анархисты всех стран должны хорошенько запомнить и больше не повторять роковых ошибок русских анархистов.

В конце своей брошюры П. Аршинов советует анархистам „радикально изменить свое отношение к пролетарскому государству СССР, которое является зародышем нового мира — мира освобожденного труда“.

Прежде всего, мы должны заметить, что „радикально изменить свое отношение к большевистскому государству“ означает для анархиста: отказ от дорогого ему идеала анархизма, что также означает измену анархизму. Затем, с каких пор, товарищ Аршинов, „единственное в мире социалистическое государство“ стало для вас „зародышем освобожденного труда“. Ведь мы должны знать, что даже сами большевики не считают Россию свободной стра-

ной или страной освобожденного труда, ибо при настоящей потопной системе труда, установленной большевиками, прежний наемный труд в России превратился теперь, при большевистском режиме, в крепостной и принудительный труд. Ведь теперешняя — первая — „пятилетка“, за которой следует вторая, третья и т. д. — большевики еще не собираются распрощаться с захваченной ими властью! — не создана для пустой затраты времени, но именно для усиленного и обязательного труда. Наконец, достаточно прочесть любую вашу статью в „Анархическом Вестнике“ или в „Дело Труда“, касающуюся большевиков или подселения труда в России, чтобы убедиться как раз в обратном, т. е. в том, что нкнто - большевистская Россия является зародышем государственно - капиталистического мира — мира порабоженного труда. А книга „Большевистская диктатура в свете анархизма“, составленная и изданная при вашем соучастии, — не является-ли она сплошным опровержением ваших теперешних взглядов и верной, правдивой картиной подлинного положения вещей в России? Ну, а разве это подлинное положение России изменилось или может измениться к лучшему при существовании большевистской власти? Нет, товарищ Аршинов, невозможно с вами соглашаться.

Нам, анархистам (как и вам, конечно) дороги идеалы великой октябрьской революции 1917 года — идеалы, погранные большевиками, и, не в пример разным монархистам, меньшевикам, эсерам и кадетам, во всем оглушно обвиняющим большевиков, мы признаем за последними некоторые заслуги в этой революции, но мы никогда не согласимся с вами или с другими анархистами-большевиками, защищающими деспотически — диктаторский режим большевиков — этих душителей революции и анархизма.

Нет, товарищ Аршинов, ваш уклон в сторону анархо - большевизма и диктатуры пролетариата, означающий несомненную измену анархизму, ни в коем случае не приемлем для анархистов!

Л. ЛИПОТКИН.

Ф. ДРУГОВ.

АНАРХИСТЫ В РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ К ЧИТАТЕЛЯМ.

Я с удовольствием узнал, что мой первый очерк в журнале „Пробуждение“ вскрыл глубокий интерес читателей этого журнала к истории Великой Русской Революции. Это видно из писем и запросов, поступающих в редакцию. Такой интерес вполне естественный в среде анархистов, ибо, ведь, ни для кого не секрет, что русский народ по природе своей и укладу психологии анархичен. Все анархические действия в царской России были самоотверженны и героичны. Смелость анархических выступлений порождала живой страх в рядах палачей русского народа—страдалца и окутывала ореолом славы и любви отдельных революционных героев анархистов, жертвовавших жизнью за освобождение угнетенных от власти развратной, грязной клики, „богом данного“ самодержца.

Подвиг одного революционера - анархиста вдохновлял на действие сотни других юных энтузиастов - революционеров. Немудрено поэтому, что народные массы России, воспитанные на благородных подвигах отдельных анархистов с первых дней революции вдохновились анархистскими идеями, хоть и плохо усвоенными, поднимали на гребень движения все, что и сохранилось от анархистов в России к моменту Великого переворота.

Можно смело заявить, что последняя революция в России была анархической революцией, хотя и не совсем созревшей. Вот это последнее обстоятельство и обусловило то, что так смело начатая и осуществленная революция ускользнула от руководства анархистов и свободолюбивый русский народ попал в новые тиски власти коммунистической партии. О причинах такого исхода русской революции нельзя сказать в двух словах. Причин не мало: угроза иностранного военного вторжения, контрреволюция белогвардейцев, предательство социалистов и интеллигенции, переметнувшихся в лагерь реставраторов, испугавшихся могущества народной стихии, но не

малая вина в этом и нас самих анархистов, застигнутых врасплох могучим движением масс и не сумевших найти средств для возглавления стихии.

Поэтому то русская революция является лучшими уроками, особенно для нас, анархистов - лучшем уроком, особенно для нас анархистов - анархистов ко всему, что касается русской революции. Для того, чтобы хорошо усвоить возможности нашего движения и не повторить в дальнейшем сделанных ошибок, нужно откинуть естественную злобу к тем, кто коварно вырвал из наших рук победу и затем так подло расправился со своим временным попутчиком. От врага наивно ждать любезности. Чем опаснее противник, тем яростнее месть врага. Об этом надо помнить во время, а не махать кулаками после драки. Вот почему я считаю, что гораздо полезнее не заниматься злопыхательством, а взяться серьезно за изучение русской революции во всех ее деталях и мелочах. К сожалению, до сих пор роль анархистов в русской революции почти не выявлена и почти не существует литературы об этом близком нам великом деле, обильном жертвами и величественными подвигами наших товарищей.

Отсутствие соответствующих материалов и документов не позволяет мне более или менее полно осветить деятельность анархистов в той мере, в какой мне приходилось с этой деятельностью соприкасаться. Поэтому, идя навстречу желанию наших товарищей - читателей, я, по мере моих сил и возможностей, приведу на страницах „Пробуждения“ некоторые выдержки из материала к подготавливаемой мною книге о русской революции, которые могут представлять интерес для анархического читателя. По вышеуказанным причинам характер моих очерков будет в виде описания отдельных эпизодов с участием анархистов. Причем должен обратиться к читателям с просьбой не быть очень придирчивыми к датам, наименованиям и т. п. памятуя как трудно удерживать в голове не-

описуемый калейдоскоп великих событий, какими полна была русская революция. Я дам правдивое описание моих личных впечатлений, сохранившихся в памяти и долг каждого читателя внести свои коррективы,

когда он найдет это нужным. Постараюсь описывать эпизоды в хронологическом порядке событий применительно к пятнадцатилетней годовщине этих событий.

Ф. ДРУГОВ.

ОКТАБРЬСКИЕ ДНИ В СМОЛЬНОМ.

Я лежал в военном госпитале, когда мне сообщили, что назревают серьезные события. Боясь остаться вне событий, я, то выпустить меня больным, выписался из госпиталя и помчался прямо в Смольный, не показавшись даже родным, которые не знали, где меня искать, если бы со мною что-либо случилось во время событий.

В Смольном я встретил Марусю Спиридовну, которая мне объяснила все и сообщила, что левые с. р. выступают вместе с большевиками против Временного Правительства. Она мне сказала, что лев. с. р. не имеют своих представителей в Петроградском Военно-Революционном Комитете, образованном большевиками для руководства восстанием и просила меня войти в этот комитет для связи с партией левых с. р. Дело в том, что в начале переворота Петроградский Военно - Революционный Комитет являлся органом чисто большевистским и большевики не хотели вводить в него представителей партии левых с. р., я же не входил ни в ту, ни в другую партию, но пользовался полным доверием у обеих и поэтому в некоторых случаях я являлся посредником между двумя этими крайне левыми партиями.

После переговоров с Лениным, я был введен в состав Петроградского Военно-Революционного Комитета.

Петроградский Военно- Революционный Комитет помещался в двух комнатах верхнего этажа Смольного, в северном конце коридора. Возле него в отдельном помещении находился Ленин, а напротив военный штаб Антонова. По окончании 2-го съезда Советов рабочих и солдатских депутатов, происходившего в Смольном 25 октября и принявшего постановление о передаче власти Советам, Дзержинский, председательствовавший в Петроградском

Военно - Революционным Комитете, предложил мне поехать к Зимнему Дворцу и выяснить положение. Доехав по Невскому до Морской улицы, я сошел с автомобиля и направился пешком.

ОСАДА ЗИМНЕГО ДВОРЦА

У Морской и Невского стояло несмотря на протесты врачей, не желавшие несколько орудий с направленными дулами в сторону Зимнего Дворца. Впереди, около арки, сложив ружья в козлы, сгрудилась группа солдат. По их спокойному виду нельзя было судить, что это передовая линия осады.

Направляюсь дальше по Невскому к Александровскому саду. Около уг. Гоголя стояла группа красногвардейцев и реэвизировала все проходящие мимо автомобили, стояния их к Смольному. В конце Невского и Александровского сада двинулись одинокие прохожие, некоторые с винтовками. На площади у Исаакиевского Собора расположился бивак матросов 2-го Балтийского Экипажа. Такая мирная обстановка меня поразила. В Смольном известно, что Временное Правительство решило защищать свою власть и там уверены, что без штурма Зимнего Дворца не обойтись, а здесь не только нет достаточной осады Зимнего Дворца, кругом дыры, но и те незначительные части, что кое-где стоят благодушно настроенны и не чувствуют боевой обстановки. Перед главными воротами Зимнего Дворца из дров построены баррикады. Я пересекаю Зимнюю площадь от Невского к углу ограды Зимнего Дворца и подхожу к группе штатских, среди которых находилось несколько матросов. Узнал нескольких анархистов с дачи Дурново. Разговор шел о Керенском, который, якобы, идет с казаками на выруч-

гу Временного Правительства, говорят, что юнкера готовят вылазку из Зимнего Дворца, что у них имеется несколько броневиков и что нужно немедленно брать штурмом Зимний Дворец. Вся обстановка говорила за то, что они правы. Но кто же будет штурмовать, если вокруг Зимнего Дворца никого нет. Только растерянность Временного Правительства и отсутствие надлежащей военной организации у его зачинщиков заставляло их сидеть в Зимнем Дворце и ждать, когда революционеры, действительно, организуют осаду Зимнего Дворца. В это время кто-то указал на движущийся быстро через площадь в Невском силуэт человека. Никто не придавал этому значения; однако, меня заинтересовал этот силуэт, который, повидимому, вышел из Зимнего Дворца. Я предложил его задержать. Каково же было изумление, когда мы узнали в нем командующего Петроградским Военным Округом. Штатское пальто не спасло его и он был препровожден в Военно - Революционный Комитет.

Когда в толпе узнали, что я член Петроградского Военно - Революционного Комитета, один анархист, которого я видел на даче Дурново, предложил мне пойти с ним к баррикадам юнкеров и предложить им сдаться. Я согласился. Махая носовыми платками, мы подошли к баррикаде и взлезли на нее. При виде нас юнкера струсились к нам. Мой спутник произнес агитационную речь, после чего юнкера плаксивым ребяческим хором загалдели: „ну, мы же не хотим братоубийства, мы хоть сейчас сдадимся, но кому же, кому мы должны сдаться, скажите!“ Мой спутник указал на меня: „Вот член Военно - Революционного Комитета. Он является законным представителем революционной власти...“ В этот момент из ворот вышел офицер и крикнул: „Господа юнкера! Позор! Вы братаетесь с этим хамьем. Марш по местам“. Но юнкера уже вышли из повиновения. Поднялся галдеж, посыпались жалобы и упреки. Видно было, что Временное Правительство уже не пользуется у них авторитетом, и переспек

тива встретится с разъяренной народной стихией им не улыбалась.

Офицер резко повернулся на каблуках и быстро ушел. Сейчас же по дворе раздалась команда и к воротам частыми шагами подошел взвод других юнкеров. „На линию огня, шагом марш!“ раздается команда. Новые юнкера рассыпаются по бойницам, старые зыстраиваются и уходят, ворча на офицера. Офицер, повидимому, командир охраны баррикады, резко обращается к ним: „вы кто такие!“ Я отвечаю, что я член Военно - Революционного Комитета и упоминочен передать вам предложение о сдаче.

Зимний Дворец окружен плотным кольцом. На Неве стоят военные корабли, готовые в любой момент открыть огонь по Зимнему Дворцу. Положение Временного Правительства безнадёжно. Военно-Революционный Комитет принимает все меры для предотвращения братоубийства, но... Офицер прервал меня руганью по адресу Военно - Революционного Комитета и предложил нам немедленно убираться отсюда, дав нам одну минуту срока, после чего грозил открыть огонь. Нам оставалось только уйти. Мой спутник возвратился к товарищам, а я отправился через площадь к арке штаба.

Захватив на Невском первую попавшуюся машину, я приехал в Смольный и обрисовал печальную картину вокруг Зимнего Дворца в военном штабе Антонову. Антонов тряс длинной шевелюрой, изумился моим рассказом: „Как! Мне только что сообщили, что Временное Правительство сдалось и Зимний Дворец плотно оцеплен нашими войсками. Я сейчас же приму меры. Спасибо, товарищ!“ Видя царящий в военном штабе хаос и безтолковщину при благодушном невдении командующего, что делается на фронте борьбы, я, сообщив Военно - Революционному Комитету свои сведения, помчался обратно к Зимнему, чтобы лично организовать там штурм Дворца. По дороге к Зимнему я услышал несколько выстрелов.

Когда я вернулся вновь к Зимнему, то вокруг него наблюдалось уже большое ожив-

ление. Разношерстные группы гнездились за каждым прикрытием. Это не были организованные отряды, это была обычная революционная толпа, которой никто не руководил, но которая собралась сюда в одиночку со всех концов города, как только раздались первые выстрелы — признак революции. Тут были рабочие, матросы, солдаты и просто неопределенные лица. Это была стихия. Организованные же части продолжали благодушеествовать, расположившись бивуаком в стороне.

Я взял на себя задачу направить эту стихию на активное действие.

Черная почва, мертвящая тишина и передвигающиеся с места на место тени „стихий“ нервировали защитников баррикады Зимнего Дворца и они время от времени оглашали площадь выстрелами. Формы ради им посылали ответные выстрелы из толпы. Перестрелка создавала некоторую напряженность и революционизировала атмосферу, привлекая к окраинам толпы рабочих, желающих принять боевое участие в революции.

Из под арки я перебрался, к сложенным налево штабелям, „шестерок“, под прикрытием которых скопилось много „стихийников“. Эта масса, которая жаждала действия. Не нужно было никакого усилия, чтобы двинуть эту массу на смерть.

ШТУРМ ЗИМНЕГО ДВОРЦА

Стоило мне только предложить нескольким матросам попробовать штурмовать баррикаду, как тотчас же возле меня собралась целая рота добровольцев. Они только и ждали инициатора, который что-либо затеял. Я взял на себя командование. Объяснил боевую задачу и как надо себя держать при наступлении. И мы широкой цепью двинулись вперед. Мы уже дошли до середины площади, где нас выдал предательский свет фонаря на Александровской колонне. Нас заметили и после данного залпа открыли по нас частый огонь с баррикады. Впившись в мостовую зубами, мы лежали как мертвые. Кто то из наших товарищей сзади догадался потушить фонарь на колонне. Несколь-

кими меткими выстрелами были потушены огни в фонаре и вскоре стрельба стала стихать. Не успела еще прекратиться стрельба, как я слышу над своей головой женский голос: „Товарищ, ты жив!“ Я отвечаю, что жив и не ранен. Откуда взялся этот отряд рабочих девушек, взявшихся с риском для жизни выполнять роль сестер милосердия, мы не могли понять. Перед нашим выступлением около нас не было ни одной женщины, а тут, вдруг, появился целый отряд с повязками и с сумочками.

Было очень приятно, что о нас позаботились, но, к счастью, помощь сестер нам не понадобилась, если не считать нескольких разбитых колен и лбов при падении на мостовую, когда раздался залп. Оказывается, юнкера или не умели или не хотели по нас стрелять. Если, верно последнее, то эта разумная предосторожность, главным образом, и спасла защитников Зимнего от эксцессов толпы после занятия Зимнего.

После неудачной попытки атаковать баррикаду, я решил попытаться приблизиться к Зимнему со стороны Миллионной улицы. Перебежками вдоль стены штаба мы достигли Миллионной ул. и присоединились к солдатам Павловского полка, укрыпшимся за гранитными статуями Эрмитажа.

Взяв с собою группу матросов, я направился для разведки доковых ворот Зимнего возле Эрмитажа, подкравшись к воротам, мы увидели там ударный женский батальон и вступили с ними в переговоры. Оказалось, что они сами искали путей войти с нами в контакт. Ударницы нам сообщили, что женский ударный батальон и большая часть юнкеров постановили прекратить защиту группы растерянных людей, называющих себя Временным Правительством и не участвовать в братоубийственной войне.

Они хотели войти в переговоры с представителями Военно - Революционного Комитета, который гарантировал бы им личную безопасность и свободное возвращение

Удостоверившись, что я действительно член Военно - Революционного Комитета и, получив от меня гарантию безопасности, делегаты сдающихся частей ушли передать результат переговоров своим товарищам. Тем временем через канцелярию Павловского полка я свесся с Военно-Революционным Комитетом. В этой же канцелярии я наладил приемный пункт и снабжение сдающихся особыми удостоверениями, гарантирующими им свободное передвижение по городу.

Когда я вернулся к Зимнему, ударницы уже начали выходить с полным вооружением, складывая винтовки в кучу.

Проходя через строй матросов и красногвардейцев, молодые ударницы бросали задорные, кокетливые взгляды своим бывшим „врагам“. Безличный вид смазливых девочек, плотно натянутые шаровары которых выдавали соблазнительные формы женского тела, развеселили нашу публику. Посыпались острофы и комплименты. Матросские ланы потянулись к шароварам, пошарить не спрятано ли там оружие. Ударницы не догадываются в чем дело и покорно позволяют гладить свои ноги. Другие же и догадываются, но нарочно шеголяют своим телом, насмешливо наблюдая за движением матросских рук и, как только эти руки увлеклись, переходили границы возможного, так моментально получали звонкий шлепок и пленница со смехом убегала. Расстроганный матрос безнадежно вздыхал: „Эх, хороша Маша, да не наша!“

Солдаты скромнее. Тех больше привлекали упругие груди, соблазнительно обрисовывающиеся под тканью гимнастеров. С простодушной неуклюжестью солдаты пользовались случаем „полапать“ девочек. Проходя дальше по строю, ударницы, осваившиеся уже с „вражеской“ обстановкой, раздавали шлепки направо и налево. Толпа гоготала в блажном весельи. А в это же время, в нескольких десятках саженей из-за баррикады трещали выстрелы. Война только начиналась. За ударницами потянулись юнкера. Наконец, вышел пос-

ледний юнкер и сообщил, что „пока больше желающих сдаваться нет, но некоторые оставшиеся во дворце части юнкеров колеблются. Офицеры обезпokoены сдачей части юнкеров и ударниц и решили поднять дисциплину. Много юнкеров арестовано и им грозит расстрел за измену Временному Правительству“.

Воспользовавшись путем, которым вышли из Зимнего юнкера, матросья ворвалась во Дворец и рассеялась по бесчисленным залам и корридорам дворца. Поднявшись по лестнице наверх, я с группой матросов стал пробираться по залам внутрь дворца. Вперед мы выслали разведку, которая тщательно осматривала все помещения на пути.

Двигаться было очень опасно. За каждой дверью, за каждой портьерой нас мог встретить притаившийся враг. Наконец, нас просто могли атаковать с тыла, отрезать нам выход, мало ли что могло случиться. Нас была небольшая группа, остальные разбрелись неизвестно куда. Та часть дворца, куда мы попали, оказалась пустой. После сдачи юнкеров и ударниц у Временного Правительства, повидимому, не нашлось сил заполнить этот прорыв. Наша цель была проникнуть к главным воротам изнутри дворца и атаковать баррикаду с тыла.

Вдруг на площади поднялась страшная стрельба. Откуда то распространился слух, что на площадь прибыли казаки Керенского. Матросья бросилась назад к выходу. Как я ни успокаивал, не помогло и мне пришлось самому удирать. Не зная расположения дворца, я побежал за последними двумя матросами, чтобы не остаться совсем одному. Вбежали в какой то чулан илз кухню, а дальше бежать некуда. Неизвестно куда ведущая дверь оказалась запертой. Прибли прикладами дыру в двери и вылезли на лестницу. Пулей слетели вниз. Дверь, ведущая во двор, оказалась также на замке. Пробовали бить прикладом. Не поддается. Дверь прочная. Что делать! Мы попались в западню, как мыши. Один предложил

спрятаться здесь и ждать, но тут же согласился со мной, что это бессмысленно. Нужно искать тот путь, которым мы пришли во дворец и выходить наружу. Бежим наверх. Вломали еще одну дверь и какими то помещениями пришли, наконец, к выходу. Выскочив за ворота, мы сейчас же должны были залечь в нише Зимнего Дворца, так как нас обдало потоком пуль. На площади царил сплошной гул от стрельбы. Мы лежали друг на друге в три этажа, и нижний едва переводил дух под нашей тяжестью, но зато он был в самом безопасном положении.

Когда поток пуль несколько ослаб, мы перебежали к Эрмитажу. Укрывшиеся там матросы и красногвардейцы стреляли по баррикаде. Выяснилось, что никаких казаков нет, а просто стихийно поднялась стрельба.

Я предложил прекратить бесполезную стрельбу и вновь двигаться всем во дворец. Матросы рассказали, как один из них забрался на какой то чердак (хоры) и, сбросив оттуда бомбу в собрание юнкеров, убежал. Несколько матросов будто бы юнкера захватили в плен и расстреляли. Публика расвирирела: „как, расстреляли наших товарищей! Дашь Зимний, братва!“ И вся эта орда бросилась во дворец.

Бомба, брошенная в самой середине здания, где юнкера чувствовали себя в безопасности, навела на них панический страх перед наглостью матросов. И они, завидя в дверях пару матросов, наводящих на них винтовки, моментально поднимали руки и сдавались. Лишь непосредственная охрана Временного Правительства и защита главных ворот еще держались на своих позициях.

По открытому нами пути во дворец вошел народ, рассеиваясь в бездонном лабиринте его помещений. Опасность нахождения в нем уже миновала. Горы винтовок, складываемых сдающимися юнкерами, на лестнице непрерывно росли. Чувствуя безопасность, во дворец устремились толпы любопытных, к которым примазались темные личности, почувствовавшие удобный

случай поживиться. Мне сообщили, что во дворе взломана дверь в подвал, где обнаружено громадное количество пулеметов, огнеприпасов и вина и что в подвале начинается пьянство. Я немедленно направился туда. Оказалось, что там, помимо двери, проломлена кирпичная стена. Кто проломал стену и когда, — это тайна, но во всяком случае, тот, кто ломал, имел определенную цель и точно знал, где надо ломать. Я заставил немедленно заложить стену кирпичом и закрыть железную дверь.

На площади кипел горячий бой. Я с группой кронштадтцев пробирался по огромным залам дворца, увешанным картинами. У каждой двери стоял лакей в ливрее с неизменными бакенбардами. Странно было видеть этих людей при своих обязанностях в самом пекле сражения. В то время, как площадь ревет от стрельбы, пули пронизывают стекла и виваются в потолок, скалывая известь на зеркальный паркет, в то время, как в соседнем зале бомба разрывает человеческие тела на части, брызгая человеческим мясом на стены, в это время человек в ливрее невозможно стоит на своем посту и привычным хозяйским оком блюдет порядок в своем зале. Один из лакеев, увидев меня и решив почему то, что я начальник, обращается ко мне и говорит: „Я понимаю еще, ну, бунтовать там, убивать, а зачем же безобразничать то!“

— „Что вы этим хотите сказать!“ спрашиваю я, не понимая в чем дело.

— „Так, как же, вот, ваши товарищи то: полюбуйтесь. Взяли кусок портьеры и вырезали. Я им говорю, зачем же вы хулиганничаете, вещь портите, вещь, она вас не трогает. Так они на меня револьвер наводят. Молчи, говорят, старая собака“.

— „А вы можете указать того, кто это сделал!“

— „Так где же его теперь найдешь! Сколько их тут навалило“.

Я старику разъяснил, что такие гадости делают не революционеры, а мародеры, которых нужно истреблять на месте. И, если ктонибудь еще позволит себе что

либо подобоне, то если сам он не сможет задерживать этого человека, пусть укажет на него первого попавшемуся матросу, а уж мы лошадей не дадим.

Я похвалил старика за то, что он в такой момент стоит на своем посту и охраняет народное имущество. На площади стрельба все увеличивалась. Вдруг молния осветила на миг погруженные в мрак помещения дворца и раздался оглушительный оружейный выстрел. За ним еще.... Здание дрогнуло. Казалось, что где то поблизости рухнули стены. Я знал, что орудия

стоявшие на Невском, подвезены под арку штаба. Неужели они стреляют по дворцу. Ведь, здесь же много своих. Я не в состоянии понять, что там происходит. Может быть, следующий снаряд врежется к нам и похоронит нас под развалинами. Успокоил себя мыслью, что нелепо разрушать дворец и они этого не сделают, стреляют, повидимому, по баррикаде, чтобы разрушить ее *).

(Окончание следует)

*) Это стреляла холостыми „Аврора“

ПИСЬМО К ИСПАНСКИМ АНАРХИСТАМ

Дорогие товарищи Карбо и Пестания!

Передайте от меня нашим испанским друзьям и товарищам, а через них и всем трудящимся вообще, чтобы не ослабляли своей бдительности на путях начавшейся революции и спешили объединиться на определенной практической программе определенного идейного направления. Нельзя допустить замедлять темпы революционного действия масс. Нужно поспешить помочь народным массам принудить силой (если иных путей и средств нет) образовавшееся временное республиканское правительство отказаться от своей роли взнуздывать революцию своими нелепыми декретами.

Трудящиеся Испании — рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция — должны объединиться и максимум проявить энергии на путях революции и создать в стране такое состояние, при котором буржуазия лишилась бы всякой возможности сопротивляться революции и народу, а завоевание земли, хлеба и воли явилось бы наименее болезненным, полным и окончательным. Необходимо приложить все усилия к тому, чтобы все трудящиеся Испании учли это и поняли момент, пропустить который в бездействии, ограничиваясь лишь словесными резолюциями, значит косвенно содействовать врагам революции опом-

ниться, прийти в себя и перейти в наступление на революцию и задуть ее.

Для этого необходимо объединение анархических сил, создание Крестьянского Союза и федерирование его с Национальной Федерацией Труда, в которых анархисты должны работать, не складывая рук своих. Необходимо помочь трудящимся заняться у себя на местах непосредственно созданием своих местных хозяйственных и общественных самоуправлений или Вольных Советов и боевых отрядов для защиты тех социально - революционных мероприятий, которые трудящимся, осознавшим себя и порывающим цепи своего рабского положения, угодно претворить в жизнь. Так как, идя только этим путем и действуя при помощи этих средств социального действия, революционные массы трудящихся смогут своевременно оказывать свое плодотворное воздействие на изменение той или другой нарождающейся в стране новой эксплуататорской общественной системы и победоносно развить и творчески закончить революцию.

Об этом должны, по моему, позаботиться Федерация анархистов и Национальная Федерация Труда. Для этого они должны иметь свои инициативные группы в каждом городе и в каждом селе. Они не

должны бояться взять в свои руки идейное, организационное и революционно-стратегическое водительство всенародным движением на этих путях. Конечно, избегая при этом всякого союза с политическими партиями вообще и в особенности с коммунистами-большевиками, потому что испанские коммунисты-большевики, я думаю так же, как и их друзья - русские. Они пойдут по стопам незуита Ленина или даже Сталина; они, чтобы утвердить свою партийную власть в стране и тот русский поворот, который известен под именем лишения свободы революционных идей и исповедующих их организаций, не замедлят объявить свою монополию на все достижения революции, ибо они мнят себя, что только они могут и должны пользоваться свободой и правами на путях революции, и они предадут и союзников и самое дело революции.

А ведь дело испанской революции в тех формах и по тому характеру, в какие она

должна вылиться при нашем, анархистов и синдикалистов, содействии, есть дело трудящихся мира, и к этому делу недопустимо подходить вместе с той партией, которая, во имя утверждения диктатуры в стране, завтра же обманет народ, захватит в свои руки все его революционные достижения и станет худшим из деспотов свободы и прав народа.

Русский опыт должен предостеречь вас от этого. И пусть русский коммунистическо-большевический позор не найдет себе примера на испанской революционной ниве.

Да здравствует союз рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции всей Испании!

Да здравствует испанская революция в новом свете на путях своего развития к новым более полным освободительным достижениям под знаменем анархизма!

С братским приветом,

НЕСТОР МАХНО.

29/4 — 1931 г.

К вопросу об организации научной секции при Кропоткинском Комитете.

Идеи Петра Алексеевича вошли в сознание громадного числа людей и в той или иной форме и степени влияют на их поступки и на организацию людьми своих личных и общественных отношений. Тем самым воззрения Кропоткина совершают плодотворнейшую работу и в области теоретического изучения процессов общественной жизни.

Но это влияние осуществляется пока спорадически, стихийно, без связи и взаимопомощи тех, кто работает в области теории, будучи близким основным устремлением Петра Алексеевича. Этот процесс оплодотворения точками зрения и методами Кропоткинское мирозерцания мог бы быть гораздо интенсивнее, если бы друзьям Петра Алексеевича удалось внести элемент вольной организации и взаимной поддержки в область изучения идей Кропоткина и дальнейшего продвижения по намеченным Петром Алексеевичем теоретическим линиям. Я думаю, что настало уже время взяться за эту работу.

Теоретические конструкции Кропоткина

— не есть нечто раз навсегда данное и законченное в себе. Они живут и получают все новые и новые оттенки на фоне непрерывно меняющейся социальной действительности и роста научного материала и научной мысли. Так, например, анализ "Французской революции" Петра Алексеевича мог бы быть один до гражданских войн последних лет, и чрезвычайно отличным становится он после них. Отсюда вытекает необходимость постоянной и систематической работы над учетом новых идей и фактов в их отношении к мирозерцанию и творениям Петра Алексеевича.

Наряду с этим стоит задача громадной ответственности. Мало учитывать новое — нужно двигать само мирозерцание дальше. Нужно активно идти вперед по тем путям, какие указал Кропоткин теоретической мысли. Так, явления взаимопомощи, несомненно, могут дать еще много нового материала для новых социологических построений и для понимания исторических процессов, особенно как антитезиса современного понимания классовой борьбы. Вопросы деце-

нтрализации экономических отношений, так, как они намечены Петром Алексеевичем, например, в "Письмах о текущих событиях", настоятельно требуют дальнейшего систематического изучения.

Взгляды Кропоткина на существо государственной власти не могут не быть развиты далее и не могут не получить нового обоснования в связи с оценкой текущей действительности. Понимание Петром Алексеевичем процессов Великой французской революции, несомненно, дало бы громадные результаты, если бы его перенести и на другие аналогичные исторические события, и т. д., и т. д.

Нужно идти вперед, чтобы учение Кропоткина не осталось — ярким и прекрасным, конечно, но ограниченным уже завершившейся эпохой явлением, чтобы оно дало все, что оно может дать, как мирозерцание и как организующая сила в построении вольного человеческого общества.

Идеи творят действительность, и идеи Петра Алексеевича во многих местах земного шара, часто сознательно применяются для практической организации вольнообщинной жизни. Эти попытки — великой ценности материал не только для практики социалистического и анархического движения, но и для истории человеческих исканий и для проверки наших теоретических построений. Несмотря на очевидную важность учета такого опыта и его научной обработки, до сих пор не существует организации, которая специально занималась бы этим. Пора этот пробел восполнить.

Я утверждаю, что настало время создать вольное содружество людей, работающих над научными вопросами в духе Кропоткина — как сторонников мирозерцания Петра Алексеевича, так и людей, просто чувствующих его плодотворное влияние на свою научную работу.

Это содружество должно поставить своей задачей: 1) всестороннее и планомерное изучение мирозерцания Петра Алексеевича на фоне современных жизненных условий и учитывая новый научный матери-

ал; 2) дальнейшую научную разработку его идей; 3) учет и теоретическое освещение всех попыток в той или иной форме осуществить построения Петра Алексеевича в жизненной практике.

Естественно, конечно, чтобы ядро этого научного содружества возникло при Кропоткинском Комитете в Москве. Здесь должна была бы создаться инициативная группа (научная секция), которая, помимо актуального разрешения указанных мною общих задач, вела бы следующую работу:

собирала бы сведения о научных работах, производящихся в России и за границей в духе Кропоткинского мировоззрения или частично отражающих взгляды Петра Алексеевича, а равно и собирала бы самые эти работы;

информировала бы работающих в научной области и близких по духу Петру Алексеевичу о том, что делается другими работниками в связанных с идеями Кропоткина областях;

вносила бы возможную планомерность в разработку соответствующих научных вопросов путем вольной координации усилий и разделения труда;

знакомила бы общество (путем отдельных докладов и специальных курсов) с состоянием науки в близких мировоззрению Кропоткина областях и с деятельностью содружества;

содействовала бы изданию научных трудов и научно-популярной литературы по соответствующим вопросам.

Друзья Петра Алексеевича, сторонники его мировоззрения и те ученые, которые считают себя обязанными ему новыми точками зрения и свежими и благородными стимулами к творчеству, — пусть откликнутся на этот призыв и положат почин серьезному и хорошему делу, начав хотя бы с того, чтобы информировать Кропоткинский Комитет в Москве о своих работах и о работах других деятелей теоретической мысли, связанных с мирозерцанием и отдельными взглядами нашего великого учителя и друга.

НИК. ИВАНОВИЧ.

НА СМЕРТЬ Э. МАЛАТЕСТЫ

(—АКРОСТИХ—)

Эх, нам снова удар! И не верится мне
 Над могилою свежей — склоняюсь.
 Разве правда, ушел?—непонятно вполне,
 Редкой силы он был,—преклоняюсь!..
 И зачем? для чего? да кому заменить?
 Как Кропоткин он был для движенья.
 Если-б методы все мы могли изучить,
 Мы-б добились давно—избавленья!..
 Анархист и борец, до последнего дня,
 Людям счастье нес наш учитель.
 А теперь его нет, слезы душат меня!
 Ты нам дорог всегда—покровитель..
 Если надо — умрем за идею твою;
 Смело вынесем Черное Знамя
 Тебе славу поем и в последнем бою,
 Анархизма пылать будет пламя!..

АЛЕКСАНДР ЧЕРНЯКОВ.

5/VII-32, Montevideo.

ОТЧЕТ ФЕДЕРАЦИИ ГРУПП „ПРОБУЖ-
 ДЕНИЕ“ ОТ 1-го МАЯ ПО 1-е СЕНТЯБ-
 РЯ 1932 ГОДА.

ПРИХОД ЗА „ПРОБУЖДЕНИЕ“:

ДЕТРОИТ	\$8.80
Нью-Йорк — Кр. Д. Свободы	15.00
Нью-Кестл — т. т. М. Осипук и Д. Семенук	4.50
Мериден — Группа	4.50
Рочестер — Л. Львович	2.00
Балтиморе — Об-во Самооб-ние	7.20
Гери — Н. Гвай	1.80
Бриджпорт — Л. Шелах	5.00
Эмбридж — П. Руль	2.10
Филадельфия — Н. Гренук	4.50
Бруклин — М. Вербская	0.90
Канада — С. Сак	1.70
Канада — С. Филиппов	4.00
Канада — Группа Торонто	2.00
Канада — Группа Гамильтон	1.50
Канада — Союз Самообразование	
Виндзор	2.60
Аргентина — В. Яворский	2.00
ВСЕГО	70.10

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ФОНД:

Нью-Йорк — Кр. Д. Свободы	19.00
Мериден — Группа	3.50
Авока — А. Ходневич	1.00
Либерт — А. Сыч	3.00
Сан-Франциско — П. Логинов	3.25
Лансинг — Н. Иванов	5.00
Канада — М. Мартынюк	1.00
Детройт — Неизвестный	1.00
ВСЕГО	36.75
Детройт — подписной лист номер 45	35.55
Подписка на „Пробуждение“	10.75
Переходная сумма	14.71
ИТОГО	167.86
РАСХОД:	
Перевод статей	39.50
Сотрудники	23.00
Почтовые расходы	18.10
Издание журнала	133.75
ВСЕГО	214.35
Дефицит	46.49.

КОМИССИЯ: В. М. и И. С.

Открыта подписка НА ЖУРНАЛ ПРОБУЖДЕНИЕ

Орган свободной мысли, издающийся Федерацией групп
“Пробуждение”.

ЖУРНАЛ ПОСВЯЩЕН ВОПРОСАМ: ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ, ОСВОДИ-
ТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ, НАУКИ, ФИЛОСОФИИ, ИСКУССТВА, ЛИТЕРАТУ-
РЫ И КРИТИКИ.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

НА ГОД — 1 ДОЛЛАР 75 СЕНТОВ. НА ПОЛГОДА 1 ДОЛЛАР

ПОДПИСКУ, ВСЕ ЗАКАЗЫ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ ПРОСЯТ АДРЕСОВАТЬ:

“PROBUZHDENIE”

9219 Russell Street, Detroit, Michigan

ПРОСЬБА К ТОВАРИЩАМ.

Ничто так не оживляет и не связывает чита-
теля с журналом, как различные сообщения с
мест о том, что происходит на фабриках, в шах-
тах, рабочих организациях и т. д.

Редакционная Коллегия “Пробуждения” про-
сит поэтому товарищей присылать нам краткие
сообщения, заметки и корреспонденции об анар-
хическом и рабочем движении.

Мы также просим, товарищи, вашего содей-
ствия по распространению журнала, подыска-
нию новых подписчиков, и об оказании ему ва-
шей моральной и материальной помощи.

Только при дружной товарищеской поддержке
журнал сможет выходить регулярно, и выпол-
нять возложенную на него миссию распростра-
нения безвластных идей свободы и меж-
дународного братства людей.

С товарищеским приветом

Редакционная Коллегия.